

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

6
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: panov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Электронный адрес: panov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shtetsel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH
- N.A. Borisov*, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Ругенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, РГГУ

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, РГГУ

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ

А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, историография, методология

Глеб В. Торопчин

Между нулем и единицей: лиминальность пороговых ядерных держав 12

Сергей В. Артамошин

Эрнст Юнгер и Эрих Мария Ремарк: картины памяти Великой войны 26

Виктория В. Василенко

В.М. Бехтерев о Первой мировой войне и ее влиянии на личность и общество 37

Лидия А. Гаман

«Война – величайшая трагедия, не только массовое несчастье...»: Ф.А. Степун о I Мировой войне 55

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Евгений С. Корнев

Фактор военно-политического сдерживания РФ и КНР в отношениях НАТО с Австралией и Новой Зеландией 71

Артём С. Ломакин

Германия и страны Балтии: военно-политическое сотрудничество на современном этапе 86

Сергей Л. Медведко

Истоки палестино-израильского конфликта и войны в секторе Газа 2023–2024 гг. 113

Иван С. Самойленко

Путь к сотрудничеству: экономические связи между СССР/Россией и Канадой в период 1989–2003 гг. 133

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Aleksandr V. Malov

- Public policies for food sovereignty in Japan and Ecuador:
a comparative analysis [Государственная политика
обеспечения продовольственного суверенитета в Японии
и Эквадоре: сравнительный анализ] 144

Ольга Г. Щенина

- Возможности применения методологии топологии
в политической науке: теория и практики 158

Сергей В. Лебедев, Михаил Н. Грачев

- Рациональные и символические компоненты обоснования
этнополитических конфликтов 171

Игорь А. Копылов

- Культурные и духовно-нравственные основы
управления национальной обороной Российской Федерации
в условиях современного межгосударственного противоборства 189

Книжная полка

Роман А. Клочков

- «Славянский фактор» в истории международных отношений
в Европе XIX–XX вв.: историография вопроса 202

CONTENTS

International Relations: History, Historiography and Methodology

- Gleb V. Toropchin*
Between zero and one: liminality of threshold nuclear states 12
- Sergei V. Artamoshin*
Ernst Junger and Erich Maria Remarque.
Memory images of the Great War 26
- Victoria V. Vasilenko*
V.M. Bekhterev on the First World War and its impact
on personality and society 37
- Lidiya A. Gaman*
“War is the greatest tragedy, not just a mass disaster...”:
F.A. Stepun about World War I 55

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

- Evgenii S. Korenev*
NATO interaction with Australia and New Zealand
in the context of the military-political containment
of the Russian Federation and China 71
- Artem S. Lomakin*
Germany and the Baltic States. Military-political cooperation
at the present stage 86
- Sergei L. Medvedko*
The origins of the Palestinian-Israeli conflict
and the war in the Gaza Strip 113
- Ivan S. Samoilenko*
The path to cooperation. Economic relations between
the USSR/Russia and Canada in 1989–2003 133

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Aleksandr V. Malov

Public policies for food sovereignty in Japan and Ecuador:
a comparative analysis 144

Olga G. Shchenina

The possibilities of applying the methodology of topology
in political science: theory and practice 158

Sergei V. Lebedev, Mikhail N. Grachev

Rational and symbolic components of the ethnopolitical
conflicts justification 171

Igor A. Kopylov

Cultural and spiritual-moral foundations of managing
the national defense of the Russian Federation
in the context of the present-day interstate confrontation 189

Bookshelf

Roman A. Klochkov

The “Slavic factor” in the history of international relations in Europe
in the 19th – 20th centuries: historiography of the issue 202

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 327

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-12-25

Между нулем и единицей:
лиминальность пороговых ядерных держав

Глеб В. Торопчин

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия;*

*Томский государственный университет, Томск, Россия,
glebtoropchin@mail.ru*

Аннотация. Феномен существования пороговых ядерных держав подлежит осмыслению сквозь призму общенаучного понятия «лиминальность». Под акторами подобного типа принято понимать государства, обладающие практически полным набором технологий ядерного топливного цикла, но не принявшие принципиальное решение о переводе своей ядерной программы на военные рельсы. Преимуществом используемого подхода является его трансдисциплинарный характер: рассмотрение темы на стыке философии, политической науки и даже литературоведения способствует выявлению многомерного характера проблемы, равно как и взаимообогащению названных областей знаний. Обзор литературы по теме – преимущественно на английском языке – позволил обнаружить лишь спорадическое применение концепта лиминальности в науке о международных отношениях и исследованиях безопасности (включая нераспространение ядерного оружия). Установлено, что проведение ядерного испытания является своеобразным ритуализированным актом перехода из категории пороговых государств в когорту *de facto* ядерных держав. Двойственная природа такого поступка состоит, с одной стороны, в преодолении установившегося табу, с другой стороны, в метаморфозе в качественно новое состояние. В то же время даже такая статусная трансформация не дает возможности говорить о преодолении лиминальности. Это связано с отсутствием как неформальных, так и прописанных в международном праве механизмов и прецедентов перехода *de facto* ядерных держав в клуб официальных ядерных государств. Выделены и охарактеризованы различные измерения лиминальности: темпоральное, технологическое, стратегическое, операционное, идентификационное. На

© Торопчин Г.В., 2024

примере пороговых стран Азиатско-Тихоокеанского региона показано, что латентные ядерные государства могут существовать в таком лиминальном пространстве десятилетиями, при этом даже извлекая выгоды из своего промежуточного положения. При этом гетерогенность пространства лиминальности выражается в нахождении различных пороговых акторов на разных ее стадиях.

Ключевые слова: лиминальность, переходное состояние, пороговые державы, ядерная латентность

Для цитирования: Торопчин Г.В. Между нулем и единицей: лиминальность пороговых ядерных держав // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 12–25. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-12-25

Between zero and one: liminality of nuclear threshold states

Gleb V. Toropchin

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia;
Tomsk State University, Tomsk, Russia, glebtoropchin@mail.ru*

Abstract. The existence of nuclear threshold states as a phenomenon is subject to revisiting through the prism of a general scientific notion of liminality. This type of actors is represented by the nations technically possessing a full nuclear fuel cycle but stopping short of making a decision to militarize their nuclear programmes. An advantage of the utilized approach consists in its transdisciplinary format: considering the problem at the interface of philosophy, political science and even literature studies assists in uncovering its multidimensional nature as well as in the mutual enrichment of the named areas of knowledge. A literature review – predominantly comprising secondary sources in English – has demonstrated but a sporadic application of the liminality concept in the International Relations and Security Studies scholarship (including nonproliferation of nuclear weapons). It has been established that a nuclear test is a specific ritualized act symbolizing the transition of threshold states into the cohort of de facto nuclear states. The duality of such a gesture consists, on the one hand, in challenging an instituted taboo, and, on the other hand, in a metamorphosis into a qualitatively new condition. At the same time, even such an example of transformation of the status does not mean that a nation overcomes liminality. This is due to the lack of the mechanisms – both informal and adopted in the international law – and the precedents of the transition by a de facto nuclear state into the club of the nuclear weapons states. Manifold dimensions of liminality are singled out and

characterized: temporal, technological, strategic, operational, and identification dimensions. With the help of the case studies featuring the threshold states in the Asia-Pacific, it is demonstrated that latent nuclear nations can exist in this liminal space for decades, even benefitting from their transient condition. That being said, the heterogeneity of the space of liminality finds expression in the presence of various threshold actors on its different stages.

Keywords: liminality, transient condition, threshold states, nuclear latency

For citation: Toropchin, G.V. (2024), "Between zero and one: liminality of threshold nuclear states", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 12–25, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-12-25

Введение

Концепт «лиминальность» представляется уже устоявшимся в исследованиях различного толка, и его междисциплинарная природа позволяет переносить его из одной академической сферы в другую, адаптируя к конкретным реалиям. Многогранность понятия отражается в массе различных его определений, которые могут варьироваться в зависимости от соответствующей области научного знания.

Ввиду общей абстрактности понятия и отсутствия четкого определения специалисты в различных областях могут использовать неодинаковые семантические поля данного термина. Тем не менее принято считать, что в среднем под лиминальностью понимают переходное состояние между двумя этапами существования системы в динамическом процессе ее развития. Более того, сама этимология слова «лиминальность» (от лат. *limes* «порог») по умолчанию подразумевает особый акцент на пороговом состоянии, интересующем нас в настоящем сочинении.

Идея лиминальности имеет универсальную природу и применима к максимально широкому кругу объектов. Принято выделять три последовательные стадии лиминальности: состояние неопределенности, адаптация к новым нормам, правилам, ценностям и предварительная интеграция.

В данной статье указанная рамка используется для изучения проблемы т. наз. пороговых ядерных государств, т. е. стран, обладающих технологическими возможностями для запуска собственной военной ядерной программы, но не принявших этого принципиального политического решения. Феномен «пороговости» в общенаучных терминах можно определить как типичную задачу лимин-

нальности. Разрешение данной проблемы представляется наиболее эффективным за счет применения трансдисциплинарных методов, прежде всего из областей обществоведческого цикла.

Общепринятое значение термина формулируется как «переходное состояние между стадиями развития человека или общества». Еще одна из дефиниций – «переход между качественными состояниями в развитии социальной среды» [Фусу 2018, с. 144]. Также примечательно, что лиминальность ассоциируется не с одномоментным действием, но имеет процессуальный, длительный характер.

Интересно, что изначально понятие «лиминальность» использовалось прежде всего в социокультурном и общеполитическом контексте: французский этнограф и антрополог А. ван Геннеп применял концепт в отношении обряда инициации, присущего для разнообразных человеческих сообществ. Этот ритуал, по сути, представляет собой переход от сепарации к инкорпорации, варьируясь между постоянством и изменчивостью. Последователь А. ван Геннепа В. Тёрнер, в свою очередь, развил концепт до «лиминоидности», акцентируя внимание на аспекте социализации в сообществах модерна.

Явление лиминальности уже рассматривалось в научной литературе в контексте международных отношений, при этом постулируется применимость этого понятия к широкому кругу срезов международной жизни, включая исследования безопасности [Mällksoo 2012, p. 481]. Б. Теодореску и Р.А. Кэлин утверждают, что понятие лиминальности тесно связано с политикой, поскольку воплощается посредством власти [Teodorescu, Călin 2015, p. 99]. Не случайным представляется и проявляющееся в последнее время пристальное внимание ученых-международников к явлению «серая зона». Под ним понимают действия, не попадающие под определения ни мирных, ни военных.

В пространственном измерении политических исследований лиминальность может быть представлена на уровне стран и даже регионов [Фусу 2018, с. 145]. В науке о международных отношениях такая экспликативная рамка уже применялась по отношению к Австралии [Higgott, Kim 1997, p. 169], также представляющей собой пороговое государство Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Речь идет о самопозиционировании англосаксонской по происхождению державы в качестве азиатско-тихоокеанской и об особенностях соответствующего перехода в 1980–1990-х гг. При этом Австралия продолжает оставаться неотъемлемой частью западного мира, несмотря на добавление нового слоя идентичности.

Применимость понятия к сфере нераспространения ядерного оружия во многом обусловлена имманентной амбивалентностью

ядерных технологий: по самой их природе оператор вынужденно балансирует между мирным и военным использованием [Abraham 2010, p. 48]. Действительно, ядерный топливный цикл (ЯТЦ) для обеих целей практически неотличим. Такая дихотомия напоминает набившую оскомину метафору с китайским словом 危机 «вэйцзи» (в переводе «кризис»), первый иероглиф которого означает «опасность», второй – «возможность»¹. Не случаен и уже апробированный символический образ Януса как «ядерного бога» [Smart 1978, p. 118]. Однако вместе с тем специфических работ, посвященных конкретно изучению лиминальности в ядерной сфере, откровенно немного.

С этой точки зрения в литературоведческой статье Ли Розелла в качестве лиминального, трансцендентного пространства упоминается заброшенный ядерный полигон [Rozelle 2010, p. 443]. Еще один пример использования понятия «лиминальность» в анализе литературы на ядерную тематику представлен в статье Д.Х.Р. Шпеннеманна. Автор рассматривает примеры изданий антиядерного движения в Германии образца 1970–1980-х гг., протестовавшего – что симптоматично – даже против мирного атома [Spennemann 2016, p. 161].

Дж. Баке рассматривает как лиминальное явление землетрясение и цунами в регионе Тохоку, вызвавшее аварию на АЭС «Фукусима-1» [Vaquè 2022, p. 19]. Автор отмечает, что регион традиционно рассматривался в мировоззрении японцев как периферийный, однако именно его выход на первый план информационного пространства в марте 2011 г. ознаменовал собой пример лиминальности. Аналогичный образ мышления фиксируется в работе М.З. Белл и Э. Макфарлейн: в ней термин применяется к сфере, связанной с ядерными отходами в принципе (на примере США) [Bell, Macfarlane 2022].

Лиминальность в применении к ядерному фактору, по мысли И. Абрахама [Abraham 2006, p. 49], состоит в нахождении между интенцией и ожидаемым, еще не произошедшим событием. Основной целью дискурса ядерной истории автор называет прогнозирование, какие именно НЯОГ пересекут условную черту, обретя ядерное оружие. При этом исследователь критикует излишний фокус таких нарративов на национальном компоненте в ущерб научно-технологической составляющей, доказывая, что создание ядерного оружия (ЯО) не обязательно является целью подобных программ. Такая апологетика представляется соответствующей духу постко-

¹ На самом деле более точным значением второго иероглифа, если взять его изолированно, будет «точка перехода».

лиминальной интерсекциональности. Симптоматичным является и авторское употребление термина «лиминальный» как определения промежуточной стадии между возникновением интенции и собственно будущим событием.

Говоря об отношении европейских бюрократических структур к заморским странам и территориям, Я. Балдук в своей диссертации, посвященной лиминальности, приводит пример ядерных испытаний Парижа во Французской Полинезии в 1995 г. [Balduk 2008, р. 60]. Вследствие этих действий возникла юридическая неопределенность, связанная с вопросом, входит ли данная ситуация в компетенцию Евратома, изначально занимающегося мирным измерением ядерной энергетики. Таким образом, лиминальность здесь проявилась сразу в двух аспектах: пространственном (связанном со статусом территории) и доменном (обусловленном стыком военных и мирных применений атома).

В русскоязычной литературе, за редким исключением [Диулина 2013], отсутствуют публикации, в фокусе которых находится именно феномен пороговости, несмотря на наличие некоторых работ по отдельным сопряженным «кейсам» (к примеру, иранской ядерной программе). Проблема лиминальности в отношении ядерного оружия также практически не осмыслялась в российской науке, что определяет настоящую статью как попытку заполнить исследовательскую лакуну.

Подводя итог, можно констатировать, что исследованность лиминальных явлений в области ядерного нераспространения и разоружения представляется скорее фрагментарной. Не претендуя на полноту охвата, автор ставит перед собой задачу добавить в головоломку еще один элемент, осветив лиминальность пороговых стран.

Пороговые ядерные державы и лиминальность

Лиминальность описывает состояние политики пороговых держав в сфере безопасности. Так, момент ядерного испытания можно рассматривать как своеобразную точку перехода, знаменующую транзит пороговой страны в качественно иное состояние. Ранее, до конца 1960-х гг., государства, которым удалось произвести ядерный взрыв, автоматически оказывались в категории официальных ядерных держав (ЯОГ), при этом каждая официальная ядерная держава также пережила короткий пограничный этап преодоления своей пороговости. Однако уже после вступления в силу Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и оформления режима ядерного нераспространения для

порогового актора стал возможен лишь переход в группу *de facto* ядерных держав. Соответственно, проведение испытания ЯО со стороны государств, не обладающих ядерным оружием (НЯОГ), табуированным как до сих пор не вступившим в силу Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), так и нормами обычного права, можно рассматривать как запретную ритуализированную процедуру посвящения (в том числе символического), свидетельствующую о трансформации данного актора в качественно нового игрока.

Таким образом, формально пересечением порога служит испытание ядерного взрывного устройства. В то же время следует оговориться, что при такой технологической однозначности ритуал посвящения в эксклюзивный ядерный клуб сомнителен с правовой точки зрения. Напротив, это нарушение не только международного законодательства, но и неписаных норм и правил поведения. Расширение клуба лишь размывает его исключительность, вследствие чего страны, получившие ЯО на рубеже тысячелетий (Индия, Пакистан, КНДР), скапливаются в слое *de facto* ядерных держав.

Распространенным в политической мысли приемом является антропоморфизация, или уподобление государства человеку: такая метафора служит для облегчения восприятия абстрактных феноменов в том числе в научном дискурсе. В такой парадигме пороговые страны представляют собой инициантов процесса сепарации от многочисленного (более 180 государств!) класса НЯОГ.

С точки зрения отношения к наиболее актуальным международным дискуссиям по проблематике ядерного нераспространения и разоружения пороговые страны занимают промежуточную позицию между полюсами, представляемыми ЯОГ, стремящимися сохранить свое преимущество в виде наличия ядерного оружия, и рядом НЯОГ, выступающих за достижение «глобального нуля». Такое балансирующее положение характерно для участия средних держав в международных режимах безопасности в целом.

Рассуждая о страновом измерении, Т.С. Уилкинс и Г. Аббонданза апробируют понятие «неудобных держав», находящихся на стыке великих и средних [Wilkins, Abbondanza 2022], но демонстрирующих нехарактерные для таковых закономерности поведения, что приводит к затруднениям при их категоризации. Примечательно, что такие государства зачастую обладают компетенциями в области ЯЕЦ. При этом лиминальный, или переходный, статус является одним из конституирующих признаков в этой связи наряду, к примеру, с асимметрией. Имеется в виду динамичное, «гибридное» положение таких стран между «великими» и «средними». В качестве типичной «неудобной державы», к

примеру, называется пороговая ядерная страна Япония. При этом в отношении нее примечателен нисходящий тренд с точки зрения показателей японской экономики, демографических индикаторов и удельной мощи на политической арене.

Не зря ядерная амбивалентность является неотъемлемым свойством ядерной политики Японии. Эпоху милитаризма и стремления к доминированию завершила американская ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Наследие этого события повлияло на мировосприятие японцев, отразившись в «пацифистской» Конституции страны. Те же тезисы справедливы и в отношении гражданского атома, принимая во внимание роль аварии 2011 г. на АЭС «Фукусима-1».

Возможность обретения ядерного оружия является одной из наиболее актуальных тем внутривосточного дискурса и в Республике Корея. Представители различных политических партий активно используют эту карту в электоральном процессе для обеспечения голосов избирателей. В качестве основной мотивации предсказуемо называется наличие ядерного оружия у северного соседа Сеула – КНДР, с которым у Южной Кореи уже более семи десятилетий так и не подписан мирный договор. Продвинутый уровень технологий ядерного топливного цикла в Республике Корея, собственные разработки потенциальных средств доставки, а также все более тесное сотрудничество в ядерной сфере с США² – вот основные факторы, определяющие пороговый, переходный характер Республики Корея как участника международного режима ядерного нераспространения.

Учитывая неоднозначность международно-правового статуса Тайбэя, необходимо иметь в виду, что неоспоримую роль в тайваньской проблеме играет ядерная проблематика. КНР рассматривает остров как неотъемлемую часть своей территории, в то же время Пекин не исключает силового варианта решения задачи воссоединения, что вызывает особое внимание к возможности применения ядерного оружия в условиях модернизации Китая своих стратегических ядерных сил. Впрочем, в годы «холодной войны» сам Тайвань проявлял интерес к наработке оружейного плутония³, что на фоне все более активного импорта вооружений из США

² Так, согласно Вашингтонской декларации 2023 г., американские подводные лодки, способные нести ракеты с ядерными боеголовками, могут заходить в южнокорейские порты для обеспечения сдерживания.

³ *Савельева Т.С.* Виды Тайваня на ядерное оружие // Независимое военное обозрение. 16.06.2022. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2022-06-16/11_1193_taiwan.html (дата обращения 25 сентября 2024).

(а также риторики нового главы администрации Лай Циндэ) позволяет предположить, что Тайвань окончательно не отказался от своих ядерных амбиций. Тем показательнее тот факт, что из-за неопределенности своего статуса Тайбэй в меньшей степени связан международными обязательствами в этой области в сравнении с иными игроками.

Еще один характерный пример касается не АТР, но Ближнего Востока – речь идет о политике неопределенности Израиля, которая заключается в том, чтобы ни подтверждать и ни отрицать наличие ЯО. Несмотря на то что Израиль относится к категории не «пороговых», а *de facto* ядерных государств, налицо проявление лиминального состояния в его ядерной политике.

Кроме того, из примеров осмысления лиминальности в отношении ядерного нераспространения в зарубежных научных работах выделяется Иран, что неудивительно, учитывая хорошую в среднем степень изученности именно этого «кейса». М. Бехравеш называет Исламскую Республику Иран (ИРИ) «лиминальным ядерным государством», акцентируя внимание на его непринадлежности к когорте ядерных держав, но при этом отмечая серьезные возможности для создания ЯО [Behravesht 2018, p. 836].

С точки зрения социал-конструктивизма большое значение имеет самоидентификация страны. Действительно, ядерный фактор представляет собой важный параметр в плане осмысления места страны в конфигурации глобального порядка. С этой стороны для латентных акторов существует тонкая грань между имиджем технологически развитых держав и стигматизацией «государств-изгоев», стремящихся к обретению ЯО.

Заключение

Анализ эмпирического материала позволяет выявить принципиальную многомерность рассматриваемого понятия, в том числе исходя из опыта ядерной политики пороговых держав. Среди основных компонентов, подверженных лиминальности, можно выделить следующие.

Что касается *темпорального* фактора, очевидно, что в таком переходном состоянии латентные ядерные державы могут находиться десятилетиями. Оно становится для них нормой, и акторы не испытывают дискомфорта от перманентного нахождения в пограничном состоянии.

В плане *технологической* составляющей очевидной является неразрывная связь мирного и военного ЯТЦ. Несмотря на наличие

разветвленной системы процедур в рамках инспекций МАГАТЭ, сложно отделить продвинутую гражданскую программу и передовые НИОКР от сугубо военных разработок (например, речь идет об экспериментах с обогащением урана при помощи лазерных технологий).

Со *стратегической* точки зрения пороговое состояние таких стран позволяет им соответствующим образом корректировать свои стратегии безопасности, даже не обладая ЯО de facto, что привело к появлению термина «виртуальное ядерное сдерживание» [Harrington, Englert 2014, p. 287] в стратегических исследованиях. Впрочем, и при условии наличия ЯО *операционный* компонент также может содержать в себе признаки лиминальности при размещении ядерных (при наличии) или конвенциональных боеголовок на средствах доставки двойного назначения.

Наконец, *идентификационный* элемент связан с тем, что лиминальность отражается и на идентичности пороговых государств, самовосприятию образа на глобальной арене. В этом отношении переход в ядерный клуб знаменует собой ассоциацию с технологическим лидерством и особым положением на международной арене.

В стратегиях некоторых de facto ядерных государств рассматриваемый феномен находит свое отражение в политике ядерной двойственности, или неопределенности. Латентные акторы предпочитают балансировать между ядерной подстраховкой и ядерным воздержанием, находясь тем самым в пограничном состоянии.

Лиминальность в то же время неоднородна: продвинутый уровень технологий закрытого ЯТЦ, которым обладает Япония, несравним с австралийским (Канберра ограничивается лишь начальной стадией ЯТЦ в виде добычи и переработки ядерного сырья). То же касается уровня готовности общества к нуклеаризации: в то время как за обретение Сеулом ядерного оружия выступают почти три четверти южнокорейцев, приблизительно столько же японцев выступают за присоединение Токио к Договору о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), что можно объяснить явлением «ядерной аллергии».

Также лиминальность в проявлении в ядерной сфере следует отличать от квантовости, или одновременного нахождения в состоянии «единицы» и «нуля», несмотря на принципиальную применимость понятия «квантовая неопределенность» к международным отношениям [Алексеева, Минеев, Лошкарёв 2016].

Таким образом, на практике неопределенность представляет собой актив, который пороговые страны пытаются использовать для ситуативного (а то и стратегического) улучшения своего

международного положения. Существуют примеры преодоления такого порога за счет проведения ядерного испытания, которое знаменует собой переход в категорию *de facto* ядерных держав. Впрочем, эти страны по своей сути также объединены в еще одну лиминальную категорию, будучи лишь неофициальными членами «ядерного клуба» и юридически, согласно ДНЯО, находясь вне «пятерки» ЯОГ. Прецедентов транзита в когорту последних в истории не было еще с 1960-х гг., однако с учетом все более турбулентной глобальной обстановки и обострения противоречий крупнейших игроков неудивительно повышенное внимание к ядерной опции ряда средних держав. В то же время не случайно, что «пятерка» ЯОГ, включая Россию, параллельно совпадает по своему составу и с P5 (т. е. набором постоянных членов Совета Безопасности ООН, обладающих правом вето). Это становится существенным аргументом, подкрепляющим их активное противодействие распространению ЯО, которое для них выполняет экзистенциальную функцию сдерживания.

Литература

- Алексеева, Минеев, Лошкарёв 2016 – Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3 (48). С. 7–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zemlya-smyateniya-quantovaya-teoriya-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (дата обращения 25 сентября 2024).
- Диулина 2013 – Диулина Ю.М. Пороговые государства в режиме нераспространения ядерного оружия как глобальная проблема современности // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті [Национальный университет Евразии имени Л.Н. Гумилева]. 2013. URL: <https://dspace.enu.kz/bitstream/handle/data/6680/problema-sovremennosti.pdf> (дата обращения 25 сентября 2024).
- Фусу 2018 – Фусу Л.И. Концепция лиминальности: подходы, сущность понятия, характеристики проявления в обществе на современном этапе // Kant. 2018. № 3 (28). С. 143–148.
- Abraham 2010 – Abraham I. 'Who's next?': Nuclear ambivalence and the contradictions of non-proliferation policy // Economic and Political Weekly. 2010. Vol. 45. No. 43. P. 48–56.
- Abraham 2006 – Abraham I. The ambivalence of nuclear histories // Osiris. 2006. Vol. 21. No. 1. P. 49–65.
- Balduik 2008 – Balduik J. On liminality. Conceptualizing 'In between-ness'. Master Thesis of Human Geography. Nijmegen, 2008. 73 p. URL: <https://theses.uibn.ru.nl/server/api/core/bitstreams/d5630df0-6dc9-4846-a8bf-9ce4f29955c4/content> (дата обращения 25 сентября 2024).

- Baquè 2022 – *Baquè G.* Confronting marginality: Human and nonhuman resilience in the landscape of disaster // *Rivista di studi letterari e culturali*. 2022. No. 9. P. 19–31.
- Behravesh 2018 – *Behravesh M.* State revisionism and ontological (in)security in international politics: The complicated case of Iran and its nuclear behaviour // *Journal of International Relations and Development*. 2018. Vol. 21. P. 836–857.
- Bell, Macfarlane 2022 – *Bell M.Z., Macfarlane A.* “Fixing” the nuclear waste problem? The new political economy of spent fuel management in the United States // *Energy Research & Social Science*. 2022. Vol. 91. September. P. 102–728.
- Harrington, Englert 2014 – *Harrington A., Englert M.* How much is enough? The politics of technology and weaponless nuclear deterrence // *The global politics of science and technology*. Vol. 2: Global power shift / ed. by M. Mayer, M. Carpes, R. Knoblich. Berlin; Heidelberg: Springer, 2014. P. 287–302.
- Higgott, Kim 1997 – *Higgott R.A., Kim R.N.* The international politics of liminality: Relocating Australia in the Asia Pacific // *Australian Journal of Political Science*. 1997. Vol. 32. No. 2. P. 169–186.
- Mälksoo 2012 – *Mälksoo M.* The challenge of liminality for international relations theory // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. No. 2. P. 481–494.
- Rozelle 2010 – *Rozelle L.* Resurveying DeLillo’s “white space on map”: Liminality and communitas in underworld // *Studies in the Novel*. 2010. Vol. 42. No. 4. P. 443–452.
- Smart 1978 – *Smart I.* Janus: The nuclear God // *The World Today*. 1978. Vol. 34. No. 4. P. 118–127.
- Spennemann 2016 – *Spennemann D.H.R.* Keeping It out of the open: The production and collections history of Asterix und das Atomkraftwerk as an example of the liminality of underground literature // *Leipziger Jahrbuch für Buchgeschichte*. 2016. Vol. 24. P. 161–201.
- Teodorescu, Călin 2015 – *Teodorescu B., Călin R.A.* The base articulations of the liminality concept // *Review of European Studies*. 2015. Vol. 7. No. 12. P. 97–102.
- Wilkins, Abbondanza 2022 – *Wilkins T.S., Abbondanza G.* What makes an awkward power? Recurrent patterns and defining characteristics // *Awkward powers: Escaping traditional great and middle power theory*. Global political transitions / ed. by G. Abbondanza, T.S. Wilkins. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. P. 375–404.

References

- Abraham, I. (2006), “The ambivalence of nuclear histories”, *Osiris*, vol. 21, no. 1, pp. 49–65.
- Abraham, I. (2010), “‘Who’s next?’: Nuclear ambivalence and the contradictions of non-proliferation policy”, *Economic and Political Weekly*, vol. 45, no. 43, pp. 48–56.
- Alekseeva, T.A., Mineev, A.P. and Loshkarev, I.D. (2016), “‘The land of confusion’: quantum physics in IR theory?”, *MGIMO Review of International Relations*, vol. 48,

- no. 3, pp. 7–16, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zemlya-smyateniya-kvantovaya-teoriya-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (Accessed 25 Sept. 2024).
- Balduk, J. (2008), *On liminality. Conceptualizing "In between-ness"*. Master Thesis of Human Geography, Nijmegen, Netherlands.
- Baquè, G. (2022), "Confronting marginality: Human and nonhuman resilience in the landscape of disaster", *Rivista di studi letterari e culturali*, no. 9, pp. 19–31.
- Behraves, M. (2018), "State revisionism and ontological (in)security in international politics: The complicated case of Iran and its nuclear behavior", *Journal of International Relations and Development*, vol. 21, pp. 836–857.
- Bell, M.Z. and Macfarlane, A. (2022), "'Fixing' the nuclear waste problem? The new political economy of spent fuel management in the United States", *Energy Research & Social Science*, vol. 91, pp. 102–728.
- Diulina, Yu.M. (2013), "Threshold states in the nuclear non-proliferation regime as a global problem of the modernity", in *Natsional'nyi universitet Evrazii imeni L.N. Gumileva* [L.N. Gumilev Eurasian National University], available at: <https://dspace.enu.kz/bitstream/handle/data/6680/problema-sovremennosti.pdf> (Accessed 25 Sept. 2024).
- Fusu, L.I. (2018), "The concept of liminality: approaches, the essence of the concept, the characteristics of manifestation in society at the present stage", *Kant*, vol. 28, no. 3, pp. 143–148.
- Harrington, A. and Englert, M. (2014), "How much is enough? The politics of technology and weaponless nuclear deterrence", in Mayer, M., Carpes, M. and Knoblich, R., eds., in *The global politics of science and technology, vol. 2: Global power shift*, Springer, Berlin, Heidelberg, Germany, pp. 287–302.
- Higgott, R.A. and Kim, R.N. (1997), "The international politics of liminality: relocating Australia in the Asia Pacific", *Australian Journal of Political Science*, vol. 32, no. 2, pp. 169–186.
- Mälksoo, M. (2012), "The challenge of liminality for international relations theory", *Review of International Studies*, vol. 38, no. 2, pp. 481–494.
- Rozelle, L. (2010), "Resurveying DeLillo's 'white space on map': Liminality and community in underworld", *Studies in the Novel*, vol. 42, no. 4, pp. 443–452.
- Smart, I. (1978), "Janus: The nuclear God", *The World Today*, vol. 34, no. 4, pp. 118–127.
- Spennemann, D.H.R. (2016), "Keeping It out of the open: The production and collections history of Asterix und das Atomkraftwerk as an example of the liminality of underground literature", *Leipziger Jahrbuch für Buchgeschichte*, vol. 24, pp. 161–201.
- Teodorescu, B. and Călin, R.A. (2015), "The base articulations of the liminality concept", *Review of European Studies*, vol. 7, no. 12, pp. 97–102.
- Wilkins, T.S. and Abbondanza, G. (2022), "What makes an awkward power? Recurrent patterns and defining characteristics", in Abbondanza, G. and Wilkins, T.S., eds. *Awkward powers: Escaping traditional great and middle power theory. Global political transitions*, Palgrave Macmillan, Singapore, pp. 375–404.

Информация об авторе

Глеб В. Торопчин, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия; 630073, Россия, Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20;

Томский государственный университет, Томск, Россия; 634050, Томск, Россия, пр-т Ленина, д. 36; glebtoropchin@mail.ru

Information about the author

Gleb V. Toropchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia; 20, K. Marx Av., Novosibirsk, Russia, 630073;

Tomsk State University, Tomsk, Russia; 36, Lenin Av., Tomsk, Russia, 634050; glebtoropchin@mail.ru

Эрнст Юнгер и Эрих Мария Ремарк: картины памяти Великой войны

Сергей В. Артамошин

*Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия,
artamoshinsv@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринят анализ образа военного поколения Великой войны на примере творчества писателей Эрнста Юнгера и Эриха Марии Ремарка. Творчество Э. Юнгера является знаковым для понимания исторической памяти о войне, так как в своих работах он старался не только фиксировать происходящее, но и понять мотивацию действий участников сражений. В исторической памяти Германии его книга «В стальных грозах» стала ярким примером фиксации исторической памяти о войне, приобрела всемирную известность и стала одной из центральных работ по истории войны и военного поколения. Роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» стал образцом антивоенного произведения, приобретшим мировую известность. Исследуются способы трансляции исторической памяти о войне, использованные Э. Юнгером и Э.М. Ремарком для передачи военных переживаний участников войны германскому населению. Представляется, что через демонстрацию военных переживаний авторы старались показать глубинную связь между ветеранами войны и глобальными мировыми процессами Первой мировой войны. В статье рассматриваются постановка проблемы военного поколения как «потерянного поколения» и различные оценки Э. Юнгера и Э.М. Ремарка.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, Эрих Мария Ремарк, Первая мировая война, военное поколение 1914 г., военные переживания, «потерянное поколение», историческая память, Западный фронт 1914–1918 гг.

Для цитирования: Артамошин С.В. Эрнст Юнгер и Эрих Мария Ремарк: картины памяти Великой войны // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 26–36. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-26-36

Ernst Junger and Erich Maria Remarque. Memory images of the Great War

Sergei V. Artamoshin

*Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia,
artamoshinsv@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the image of the military generation of the Great War using the example of the works of Ernst Junger and Erich Maria Remarque. The work of E. Junger is significant for understanding the historical memory of the war, since in his works he tried not only to record what was happening, but also to understand the motivation for the actions of the participants in the battles. In the historical memory of Germany, his book “In Storms of Steel” became a striking example of recording the historical memory of the war, gained worldwide fame and became one of the central works on the history of the war and the war generation. Erich Maria Remarque’s novel “All Quiet on the Western Front” became an example of an anti-war work that gained worldwide fame. The article explores the methods of transmitting the historical memory of the war, that were used by E. Junger and E.M. Remarque to convey to the German population the war experiences of war participants. It seems that through the demonstration of war experiences, the authors tried to show the deep connection between war veterans and the global world processes of the First World War. The article discusses the formulation of the problem of the military generation as a “lost generation” and its various assessments by E. Junger and E.M. Remark.

Keywords: Ernst Junger, Erich Maria Remarque, World War I, military generation of 1914, war experiences, “lost generation”, historical memory, Western Front 1914–1918

For citation: Artamoshin, S.V. (2024), “Ernst Junger and Erich Maria Remarque. Memory images of the Great War”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 26–36, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-26-36

Введение

Германский писатель, лауреат Нобелевской премии Гюнтер Грасс в книге «Мое столетие» в хронологическом отрезке 1914–1918 гг. рассматривает события войны в виде несостоявшейся встречи в Швейцарии двух писателей Эрнста Юнгера и Эриха Марии Ремарка, которые обсуждают память о войне и не находят понимания и примирения друг с другом. В Германии традиционно два восприятия войны противопоставляются друг другу как различные вариации образа войны в национальной памяти.

Основное содержание

Следует указать на то, что военный опыт Эрнста Юнгера и Эриха Марии Ремарка несопоставим. Эрнст Юнгер находился на Западном фронте с декабря 1914 по сентябрь 1918 г., за исключением излечения в госпиталях и кратковременных отпусков домой. Эрих Мария Ремарк находился на Западном фронте чуть больше месяца, с 17 июня по 31 июля 1917 г. до получения ранения, далее до конца войны находился в госпиталях. Они оба принимали участия в битве при Камбре летом 1917 г. Они принимали участие в боевых действиях, но масштабы их действий различны: если для Э. Юнгера характерно участие в бесчисленном количестве атак и траншейных боев, то Эрих Мария Ремарк принимал участие в нескольких вылазках, когда и получил осколочные ранения. Они оба были награждены, но их отношение к боевым наградам было диаметрально противоположным: Эрнст Юнгер, лейтенант пехоты, был награжден орденом *Pour le Mérite*, Рыцарским крестом Королевского ордена Дома Гогенцоллернов с мечами, Железным крестом I и II степени, Золотым нагрудным знаком за ранения. Наградами Первой мировой войны он гордился. Эрих Мария Ремарк был награжден в ноябре 1918 г. Железным крестом, от которого отказался, что служило демонстрацией его отношения к войне в революционной Германии. Они оба принадлежали к одному поколению, рожденные соответственно в 1895 и 1898 гг. Но каждый из них свой путь на войну определял сам: Э. Юнгер ушел на нее добровольцем, а Эрих Мария Ремарк попал на фронт по призыву в ноябре 1916 г.

Война воспринималась как переломный момент истории. В Великой войне, в отличие от Второй мировой войны, прослеживается не только политический аспект, но и ожидание духовного обновления, преодоления буржуазной стабильности. Воодушевление первого месяца войны передавалось многим. Ощущалось чувство единения народа в условиях войны, что должно было послужить формированию социальной сплоченности. Об этом писали немецкие интеллектуалы, например, слова немецких профессоров в обращении от 23 октября 1914 г.: «У германской армии нет иного духа, нежели дух германского народа, потому что армия и народ суть одно целое, и мы тоже принадлежим к этому целому» [Рингер 2008, с. 221].

Для Э. Юнгера оставалась важной проблема осмысления войны, приобретенного опыта, так как война, как ни парадоксально звучит, оставалась для него важным делом, миром, из которого он начинал объективно выпадать, но с которым желал сохранить связь,

ведь он был практически всем, что он имел. Поэтому избавляться от этого наследия он не собирался, напротив, старался понять то, что произошло в Великую войну. Можно отметить характерную черту его подхода, состоящую в отказе от осуждения и отвержения военного опыта, а его принятие как опыта данного, полученного через страдание, страх, боль. Здесь прежде всего находится принятие опыта как части собственной личности, возвращенной там, в пространстве смерти, и еще живущей в нем через воспоминания и сны. В этом не было тупого милитаризма, жажды восхваления войны и возвышения смерти. Скорее здесь присутствовало принятие жизни в том виде, в котором она явилась Юнгеру, поскольку он сам принимал участие в позиционной войне на Западном фронте и был частью того процесса, который назвали Великой войной. Можно согласиться с Ю.Н. Солониным, что «именно война создала его как личность, и он отплатил ей благодарностью, ни разу не прокляв, не осудив» [Солонин 2000, с. 22].

Э. Юнгер воспринимал свою биографию не как нечто исключительное, а как составную часть биографии поколения. Писатель полагал, что «мой основной опыт, выражающийся процессом самой моей жизни, не что иное, как типичный жизненный опыт моего поколения, его вариация, связанная с мотивом времени, быть может, обособленная разновидность, но отнюдь не выпадающая из родовых признаков»¹. Как отмечал германский исследователь Х.-П. Шварц, эмоциональные переживания войны оказали воздействие на его творчество в 1920-е гг., так как «“кровь, розы и прекрасные слезы” – эта эмоциональная сущность юнгеровского национализма, здесь становилась непосредственно реальной» [Schwarz 1962, S. 65]. Он относил себя к тому поколению молодежи, которое в тяжелое военное время посчитало для себя невозможным оказаться вне происходящего, поэтому их выбор означал для них участие в войне. В этом просматривалась связь с судьбой народа и государства, становившегося его судьбой. М. Хитала справедливо обращала внимание на эмоциональность ощущения войны Э. Юнгером, указывая на то, что «юношеское переживание войны было иррациональным, авантюрным опытом, связанным с сильным акцентом на душевные переживания» [Nietala 1975, S. 43].

Гибель солдата на войне происходит, но важным является то, как он проявляет себя, что лежит в основе его поступков. В этом Э. Юнгер видел исключительность момента, который обобщенно называется героизмом. Он писал, что «не могу не вспомнить моло-

¹ Юнгер Э. Рискующее сердце: Версия первая. Записки днем и ночью / пер. с нем. В.Б. Микушевича. СПб.: Владимир Даль, 2010. С. 108.

дого друга, почти безо всякой военной подготовки, прямо из транспортного поезда, попавшего во Фландрии в ночную атаку. В то время как старые солдаты вокруг него давно залегли в укрытии, он, как дитя, шагал по незнакомой, брызжущей огнем местности, а впоследствии признавался, почти в смущении, что его при этом занимала одна мысль: что если залечь «не подобает?». Так он шел вперед, пока его не поверг на землю снаряд, и уже теперь, когда я вижу его в дверях с искалеченным плечом, я испытываю чувство благодарности – за то, что вопреки всему мы живем в эпоху, когда детские мечты не совсем разочаровывают. Неправда, будто Плутарх лгал, Ариост же еще правдивее². Следует заметить, что этот «молодой друг», о котором Юнгер писал, был его родной брат Фридрих Георг, спасенный им из санитарного блиндажа во Фландрии.

Понимание войны влекло за собой стремление уловить не только изменения средств войны, поведения и духа солдата, но и временную трансформацию восприятия войны, что указывает на желание понять глубину произошедших изменений. Это не была апология войны. Так получилось, что панорама войны, человека на войне, предложенная Э. Юнгером, стала как для участников, так и противников войны милитаристским гимном Великой войне, что во второй половине XX в. звучало как приговор. Вместе с тем следует указать на односторонне-политизированную интерпретацию юнгеровской книги, в которой как сторонники национализма, так и пацифисты и левые находили для себя аргументы. Конечно, Э. Юнгер никогда не осуждал Великую войну, так как это означало бы осквернение памяти погибших и осуждение самого себя, сожжение собственной молодости, которая и без того прошла огонь сражений, испытаний и не раз глядела в лицо смерти. Гордился ли он этим? Гордился тем, что принадлежал к поколению, которому выпало на долю пройти суровые испытания Великой войны и выжить в ней. При этом ужели у Э. Юнгера не находилось слов осуждения того, что несла собой война? Не нужно долго искать, чтобы увидеть, что с превознесением героического поступка проступает со страниц боль утрат, гибель солдат, которыми он командовал, офицеров, с которыми он служил. В его словах присутствует суровая воинственность. Войны не выбирают, в них участвуют. Каждый выносит из нее свое, и каждое суждение достойно внимания. Представлять Э. Юнгера прямолинейным милитаристом означает ничего не понять из того, что было им написано. Можно привести его свидетельство лета 1918 г., говорящее о том, насколько изменилось восприятие войны с 1914 г.: «В эти минуты в меня закрадывалось чувство, до сих пор чуждое:

² Юнгер Э. Рискующее сердце. С. 234.

глубокая перемена в ощущении войны, происходящая от затянувшейся на краю бездны жизни. Сменялись времена года, приходила зима и снова лето, а бои все шли. Все устали и притерпелись к лику войны, именно эта привычка заставляла видеть все происходящее в совершенно другом, тусклом свете. Никого больше не ослепляла мощь ее проявлений. Чувствовалось, что смысл, с которым в нее вступали, иссяк и не удовлетворяет больше, – борьба же требовала все новых суровых жертв. Война подбрасывала все более сложные загадки. Странное это было время»³.

Символика военного времени выражалась в фигуре солдата, ведь не техника, а человек были участниками боев. Не случайно, что впоследствии иллюстрацией обложек многих книг о войне стала одинокая фигура солдата. Фигура безымянного солдата как защитника ценностей становилась основой нового мировоззрения, произрастающего в траншеях мировой войны. «Единственное утешительное воспоминание связано с мгновениями войны, когда внезапная вспышка взрыва выхватывает из темноты одинокий образ часового, который должен был там стоять уже давно. Вы – братья, в этих бесчисленных, ужасных ночных стражах собравшие в темноте сокровище для Германии, которого хватит навеки. Культ одиноких возникает из жажды братства, более безымянного, из тяги к духовному единению, более глубокому, чем это свойственно людям»⁴. Утверждение о единстве переживаний участников войны выражено в единении символического и телесного, в том, что отличает солдата от других людей – отметины войны, оставленные на теле. Они есть неумолимые свидетельства и одновременно гордость от принадлежности к воинскому сословию. «Не существует знамен помимо тех, которые носят на теле»⁵.

Он понимал все то, что несла с собой война, которая повсюду «безучастно выталкивает жизнь»⁶. Первоначальный юношеский порыв восприятия войны в стиле «эмоций и роз» в послевоенное время приобрел совершенно иной ракурс, что было естественно, но в нем не было остервенелой злобы в отношении войны, не как явления, а как события, через которое он прошел, ставшего частью его тела и души. Поэтому пацифистская фраза «оправдание войны», на наш взгляд, слишком топорно и примитивно передает тот комплекс

³ Юнгер Э. В стальных грозах / пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 299.

⁴ Юнгер Э. Рискующее сердце. С. 114.

⁵ Юнгер Э. Рабочий: Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. С. 160.

⁶ Юнгер Э. Рискующее сердце. С. 78.

восприятий, которые Э. Юнгер старался высказать. Можно отметить, что в них он дистанцируется от крайностей, подчеркивая, что «тот, кто усматривал в ней лишь грубое, варварское, вышелушивал одно лишь качество из гигантского комплекса, как и тот, кто видел в ней лишь патриотическую героику»⁷. Осознание этого момента произошло у Э. Юнгера достаточно рано, примерно в 1915 г., когда он отметил, что «эта война была чем-то большим, чем просто великой авантюрой»⁸.

Пространство восприятия войны для Э. Юнгера ограничивалось небольшим отрезком фронта, а группа участников составляет роту. Это означает, что Юнгер являлся солдатом с передовой, с ограниченным восприятием боевых действий. Здесь нет масштабного охвата событий, показывающих широкую панораму, но присутствует взгляд из окопа. Пехотная рота была подобна «закопавшемуся в песок животному»⁹, представляла собой спаянный коллектив, который объединяло единство судьбы. Двойственность человека на войне представляло собой присутствие его в коллективе, в боевом подразделении и одновременно одиночество, которое он испытывал, сталкиваясь со смертью. Юнгер отмечал, что «в сущности, в этом воюющем сообществе, в этой роте, обреченной жить и умирать, особенно отчетливо обнаруживались странная текучесть и скорбь человеческого общения»¹⁰. Писатель подчеркивал стремительность времени, которое становится иным, чем в обычном состоянии. Люди жили мгновением, и с «человечеством их связывали тонкие нити, которые могли порваться в любую минуту. <...> Когда рота несла очередную потерю, все остальные стояли над телом убитого, и взгляды их соприкасались глубоко и смутно. Но когда смерть грозовым облаком нависала над окопами, тогда каждый был за себя, оставаясь один в темноте среди воя и скрежета, ослепленный взрывающимися молниями и не чувствуя в груди ничего, кроме безграничного одиночества»¹¹.

По мнению Э. Юнгера, солдат Великой войны был представителем своего времени и одновременно противоположностью ему. Буржуазная стабильность сталкивалась со стремлением к антибуржуазности, риску, аванюре. Война лишь придала этим порывам дополнительный рывок, сделав их важными и естественными. То, что таилось в глубине души и вступало в конфликт с действитель-

⁷ Юнгер Э. Рискующее сердце. С. 56.

⁸ Юнгер Э. В стальных грозах. С. 64.

⁹ Юнгер Э. Рискующее сердце. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Там же. С. 39–41.

ностью, теперь приобретало смысл. Война изменяла человека на свой лад, раздавливая или оттачивая его. «И Штурм, лежа в засаде, сознавал, насколько он изменился. Ибо человек, лежащий здесь за кустом репейника и сквозь прицел ружья высматривающий добычу, уже был не тот, кто всего два года назад со всей несомненностью шагал через толчею уличных образов, причастный до кончиков пальцев последним внушениям большого города. И все-таки что такое напало на него, на книжника, на завсегдатая кафе, на интеллектуала с нервным лицом? Что повлекло его в армию, оторвав от докторской диссертации? Что еще, если не война, которая была у него в крови, как было свойственно каждому настоящему сыну своего времени, задолго до того, как она огнедышащим зверем устремилась на арену явлений»¹². Э. Юнгер полагал, что мотивами участия добровольцев в войне было чувство ответственности, которое в момент испытаний закаляло человека.

Индивидуальность военного опыта определялась тем, что в сражениях каждый приобретал свое, как он отмечал, «тут самого себя пробуешь на зуб». В какой-то момент человек настолько сливается с битвой, что становится частью энергии, которая влечет его вперед, пробуждая в нем героизм: «Если бы путь Штурма не определялся непоколебимыми звездами Честь и Отчизна, если бы его тело не закалилось в упоении битвой, как в чешуйчатой кольчуге, он тащился бы под градом из огня и стали, как моллюск или как дергающийся клубок нервов». И только бой становился настоящим испытанием, когда начинается «вражеская атака после бешеного обстрела. Как выпрыгивают тогда лучшие и сильнейшие из своих укрытий и как накладывает на лучших свое тавро последний железный бросок, в то время как внизу в своих норах дрожат слабейшие, оправдываясь известным изречением: “Лучше на пять минут струсить, чем умереть навсегда”»¹³. Смелость и героизм в бою определялся «утонченным чувством чести, когда малейший намек на трусость отторгается брезгливостью как нечто нечистое»¹⁴. Известный германский исследователь Б. Циманн называл военную прозу Э. Юнгера «книгой героев», считая его стереоскопическим наблюдателем и хронистом Великой войны, показывающим телесное и психическое разрушение человека посредством насилия и жестокости войны [Ziemann 2013, S. 65].

Изданный в 1929 г. роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» имел огромный успех, отраженный в полу-

¹² Там же. С. 54.

¹³ Там же. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 49.

миллионном тираже и многочисленных переводах, а также в не менее нашумевшей экранизации романа в США в 1930 г., получившей премию Оскар за лучший военный фильм. Произведение Ремарка стало лидером антивоенного романа, подчеркивая разрушительное воздействие войны на духовный мир человека.

Рассматривая проблему восприятия войны и ее влияние на поколение немцев, можно подчеркнуть, что в представлении Э.М. Ремарка война уничтожила молодость. «Каждому из нас не больше двадцати лет. Но разве мы молоды? Разве мы молодежь? Это было давно. Сейчас мы старики»¹⁵. Война воспринималась Ремарком как явление, которое не только уничтожает человека, но и разрушает основные человеческие ценности, возвращая его в период варварства, дикости, где господствуют инстинкты уничтожения. То, что называется выживанием, трактуется Ремарком в отрицательном понимании как крайняя форма дикости, до которой опускается в битве человек, когда солдаты становятся «полулюдьми-полуживотными». «В нас просыпается инстинкт зверя, – это он руководит нашими действиями и охраняет нас»¹⁶.

Э.М. Ремарк полагал, что война выжгла все, не оставив ничего ни живого и ни ценного в душе человека. Он не видел в ней никаких положительных качеств, исключительно отрицательные – только боль, страдание и пустоту. «Мы бесчувственные мертвецы, которым какой-то злой волшебник вернул способность бегать и убивать»¹⁷. Во многом это определялось тем, что период нахождения Э.М. Ремарка на фронте был незначительным, поэтому его опыт войны – это опыт лазарета, где страдание и излечение от ран является лицом войны. Это становится основанием его осуждения войны. В представлении Э.М. Ремарка произошло уничтожение поколения, которое жило надеждой, верой в созидание, а в результате все это было потеряно. Он отмечал, что «мы больше не молодежь. Мы уже не собираемся брать жизнь с бою. Мы беглецы. Мы бежим сами от себя. От своей жизни. Нам было восемнадцать лет, и мы только еще начинали любить мир и жизнь; нам пришлось стрелять по ним»¹⁸.

Э.М. Ремарк не видел в ветеранах войны будущего, только пустоту. В них даже не осталось прошлого. Они полые люди, выжженные войной. «Я молод – мне двадцать лет, но все, что я видел в жизни, – это отчаяние, смерть, страх и сплетение нелепейшего

¹⁵ *Ремарк Э.М.* На Западном фронте без перемен // Ремарк Э.М. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М., 1991. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 36–37.

¹⁷ Там же. С. 70.

¹⁸ Там же. С. 55.

бездумного прозябания с безмерными муками. <...> Что скажут наши отцы, если мы когда-нибудь поднимемся из могил и предстанем перед ними и потребуем отчета? Чего им ждать от нас, если мы доживем до того дня, когда не будет войны? Долгие годы мы занимались тем, что убивали. Это было нашим призванием, первым призыванием в нашей жизни. Все, что мы знаем о жизни, – это смерть. Что же будет потом? И что станет с нами?»¹⁹. Э.М. Ремарк, в отличие от Э. Юнгера, не видит в военном опыте ничего ценного и значительного. Его дискурс – абсолютное отрицание войны, так как в ней не остается ничего, кроме смерти и жертв. Рефлексия Э.М. Ремарком войны выглядит как «путь мертвых». Те же, кто выжили, мертвы внутри. «Теперь мы вернемся усталыми, в разладе с собой, опустошенными, вырванными из почвы и растерявшими надежды. Мы уже не сможем прижиться. <...> Мы не нужны самим себе, мы будем жить и стариться, – одни приспособятся, другие покорятся судьбе, а многие не найдут себе места»²⁰.

Особенностью восприятия войны Эрнстом Юнгером было стремление не только сохранить в памяти детали сражений, в которых он принимал участие, но и постараться понять особенность и новый характер Великой войны. Он стремился к сохранению памяти о войне и ее героях. Для него она была не ошибкой или катастрофой, а процессом, способствующим становлению нового военного поколения, опирающегося на ценности любви к Отечеству, решительности, мужеству, чести. Он не считал, что поколение немцев, прошедшее войну, следовало отнести к «потерянному поколению».

Заключение

Именно отрицание позитивного опыта, извлеченного из войны, делает суждения Э. Юнгера и Э.М. Ремарка противоположностями, которые исходят из разных источников военных переживаний: окопа переднего края и лазарета. В политической жизни Веймарской республики роман Э.М. Ремарка вовремя попал на почву мирового кризиса, создав единый дискурс страдания. В конечном счете два дискурса объединены желанием ответить на вопрос, чем была Великая война для юного поколения ветеранов. И так получается, что Э. Юнгер и Э.М. Ремарк давали героическую, уважительную оценку, с одной стороны, и осуждающую, с другой стороны. Их объединяет точка поворота – Великая война 1914–1918 гг.

¹⁹ Там же. С. 150–151.

²⁰ Там же. С. 165.

Литература

- Рингер 2008 – *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933 / пер. с англ. Е. Канищевой, П. Гольдина. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
- Солонин 2000 – *Солонин Ю.Н.* Эрнст Юнгер: образ жизни и духа (Предисловие) // Юнгер Э. Рабочий: Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / пер. с нем. А.В. Михайловского. СПб.: Наука, 2000. С. 5–54.
- Hietala 1975 – *Hietala M.* Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn. 1920–1933. Helsinki: Suomalainen Tiedeacademia, 1975. 274 S.
- Schwarz 1962 – *Schwarz H.-P.* Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers. Freiburg im Breisgau: Rombach, 1962. 320 S.
- Ziemann 2013 – *Ziemann B.* Gewalt im ersten Weltkrieg: Töten-Überleben-Verweigern. Essen: Klartext Verlag, 2013. 276 S.

References

- Hietala, M. (1975), *Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn. 1920–1933*, Suomalainen Tiedeacademia, Helsinki, Finland.
- Ringer, F. (2009), *Zakat nemetskikh mandarinov. Akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890–1933* [The decline of the German Mandarins. The German Academic Community, 1890–1933], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Schwarz, H.-P. (1962), *Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers*, Rombach, Freiburg im Breisgau, Germany.
- Solonin, Yu.N. (2000), “Ernst Junger. A way of life and spirit (Foreword)”, in Junger, E., *Rabochii. Gospodstvo i geshtal't; Total'naya mobilizatsiya; O boli* [Worker. Dominance and gestalt; Total mobilization; About pain], Nauka, Saint Petersburg, Russia, pp. 5–54.
- Ziemann, B. (2013), *Gewalt im ersten Weltkrieg: Töten-Überleben-Verweigern*. Klartext Verlag, Essen, Germany.

Информация об авторе

Сергей В. Артамошин, доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия; 241036, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14; artamoshinsv@mail.ru

Information about the author

Sergei V. Artamoshin, Dr. of Sci. (History), professor, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia; 14, Bezhitskaya St., Bryansk, Russia, 241036; artamoshinsv@mail.ru

В.М. Бехтерев о Первой мировой войне и ее влиянии на личность и общество

Виктория В. Василенко

*Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия;
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД,
Ставрополь, Россия, vasilvika@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе ранее не исследованных историками трудов всемирно известного ученого В.М. Бехтерева, написанных в 1914–1916 гг., поднимаются фундаментальные проблемы теории и методологии истории, в том числе многофакторного подхода к анализу причин Первой мировой войны, роли личностей монархов воюющих держав в истории, условий будущего мира, всемирно-исторического значения Первой мировой войны и исторического прогнозирования. Цель статьи состоит в том, чтобы показать вклад академика В.М. Бехтерева в решение проблем военного времени. Задачи: ввести в научный оборот публицистические труды В.М. Бехтерева. Новизна состоит в том, что впервые в научный оборот вводятся публицистические труды В.М. Бехтерева как исторический и историографический источник по истории Первой мировой войны. Особое внимание уделяется методологии В.М. Бехтерева, комплексному подходу к анализу событий, в котором сочетаются методы естественных, гуманитарных и социальных наук. Показана преемственность идей В.М. Бехтерева в интегральной методологии П.А. Сорокина. Автор приходит к выводу о том, что академик В.М. Бехтерев заложил теоретические основы учения о войне, которые не утрачивают своего значения и сегодня.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Германия, Австро-Венгрия, Вильгельм II, мобилизация академической науки, В.М. Бехтерев, публицистика, исторический источник, историографический источник, методология истории, М.М. Ковалевский, многофакторный подход к истории, П.А. Сорокин, теория войны, интегральная методология

Для цитирования: Василенко В.В. В.М. Бехтерев о Первой мировой войне и ее влиянии на личность и общество // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 37–54. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-37-54

V.M. Bekhterev on the First World War and its impact on personality and society

Victoria V. Vasilenko

*North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia;
Stavropol branch of of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs, Stavropol, Russia,
vasilvika@yandex.ru*

Abstract. Based on the works written in 1914–1916 by the world-famous scientist V.M. Bekhterev, the article discusses the fundamental problems of the theory and methodology of history, including a multifactorial approach to the analysis of the causes of the First World War, the role of the personalities of the warring powers' monarchs in history, historical forecasting and the possible terms of the future peace deal. The purpose of the article is to show the contribution of academician V.M. Bekhterev to the solution of the wartime problems. The aim of the paper is to introduce V.M. Bekhterev's publications into scientific circulation. The novelty lies in the fact that for the first time V.M. Bekhterev's publications are introduced into scientific circulation as a historical and historiographical source on the history of the First World War. Special attention is paid to the methodology of V.M. Bekhterev, to his integrated approach to the analysis of events, which combines the methods of natural, humanitarian and social sciences. The article demonstrates the continuity of V.M. Bekhterev's ideas in P.A. Sorokin's integral methodology. The author comes to the conclusion that academician V.M. Bekhterev laid the theoretical foundations of the doctrine of war, and those foundations do not lose their significance today.

Keywords: World War I, Russia, Germany, Austria-Hungary, Wilhelm II, mobilization of academic science, V.M. Bekhterev, journalism, historical source, historiographical source, methodology of history, M.M. Kovalevsky, multifactorial approach to history, P.A. Sorokin, theory of war, integral methodology

For citation: Vasilenko, V.V. (2024), "V.M. Bekhterev on the First World War and its impact on personality and society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 37–54, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-37-54

Введение

По данным экспертов, в мире в настоящее время одновременно разворачиваются от 50 до 200 локальных вооруженных конфликтов, которые в любой момент могут перерасти в широкомасштабную войну. В новой реальности к уже «...известным сферам войн

(на земле, в воздухе, на воде, в космосе и киберпространстве)» добавилась невидимая когнитивная «война за мозг», направленная на взлом человеческого разума, его когнитивных способностей в целях «трансформации позиции общества по критически важным направлениям» [Медушевский 2023, с. 85].

В дореволюционной России исследованием роли внушения в общественной жизни занимался В.М. Бехтерев (1857–1927). Он изучал «...психическое contagiю (contagium psychicum), приводящее к психической заразе, микробы которой хотя и невидимы под микроскопом, но тем не менее подобно настоящим физическим микробам действуют везде и всюду и передаются через слова, жесты, движения окружающих лиц, через книги, газеты и пр.». В опубликованном в 1908 г. труде «Внушение и его роль в общественной жизни»¹ В.М. Бехтерев обосновал различия между внушением и убеждением, описал благоприятные условия и возможные пути передачи психических состояний с помощью внушения. Ученый установил, что внушение эффективно, «когда оно проникает в психическую сферу незаметно, вкрадчиво, при отсутствии сопротивления со стороны личной сферы данного лица или по крайней мере при пассивном отношении последнего к предмету внушения...», что в коллективе эффект внушения усиливается лучше и может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на личность и общество.

В историю отечественной науки В.М. Бехтерев вошел как ученый, совершивший ряд открытий в нейроанатомии, нейрофизиологии, невропатологии, психиатрии, психологии. В.М. Бехтерев создал новое интегральное учение рефлексологию, трижды номинировался на получение Нобелевской премии. Современники отмечали громадный социально направленный потенциал ученого, постоянно находивший выражение в значимых научных трудах². В годы Первой мировой войны научный потенциал В.М. Бехтерева проявился в разных сферах³.

¹ *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Изд. К.Л. Риккера, 1908.

² *Воробьев В.С.* В.М. Бехтерев и XXI век: к 150-летию со дня рождения ученого // *Анналы клинической и экспериментальной неврологии.* 2007. Т. 1. № 3. С. 57.

³ После победы Октябрьской революции в 1917 г. В.М. Бехтерев активно включился в социалистическое строительство, возглавлял Ученый совет и руководил научно-медицинским отделом Наркомпроса, занимался решением социально значимых проблем лечения алкоголизма и наркомании, психологии труда, эстетического воспитания.

Исследование вопросов мобилизации российской науки и включения академического сообщества в решение проблем военного времени в годы Первой мировой войны является своевременным и актуальным. В отечественной историографии эту проблему начали разрабатывать сравнительно недавно, преимущественно в XXI в. В 2018 г. вышла коллективная монография «Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны» [Колчинский 2018], в одной из глав которой упоминаются имена только И.П. Павлова и В.И. Вернадского. Если учесть, что к тому моменту В.М. Бехтерев не состоял на государственной службе и его активное участие в решении проблем военного времени было свободным гражданским выбором, то этот сюжет его биографии требует отдельного исследования. Биографических исследований, посвященных В.М. Бехтереву, мало. В 1970–1980 гг. в жанре научно-художественных произведений были опубликованы биографии, написанные И.М. Губерманом⁴, Г. Бельдыш⁵, А.С. Никифоровым⁶. В 2007 г. в канун 150-летия со дня рождения ученого вышла статья с биографической справкой В.С. Воробьева⁷.

В настоящий период выходят публикации российских медиков, которые ограничиваются предметными рамками своей области, исследуют роль В.М. Бехтерева в становлении и развитии отечественной военной и клинической психиатрии. Например, труды А.В. Шабунина [Шабунин 1998], М.А. Акименко [Акименко 1999], В.К. Шамрея, В.Я. Апчела, Н.С. Ильинского М.М. Одинака, Н.Г. Незнанова, А.Г. Чудиновских, Н.В. Цыгана [Одинак и др. 2012].

Со стороны историков специальных исследований, посвященных деятельности выдающегося отечественного ученого с мировым именем в годы Первой мировой войны, его взглядам и оценке исторических событий, не предпринималось. Историки не обращались к научным и публицистическим трудам В.М. Бехтерева 1914–1916 гг. как к историческим и историографическим источникам⁸. Поэтому данная статья обладает не только актуальностью, но и научной новизной. Новизна исследования состоит еще и в том,

⁴ Губерман И.М. Бехтерев: Страницы жизни. М.: Знание, 1977.

⁵ Бельдыш Г. Бехтерев в Петербурге–Ленинграде. Л.: Лениздат, 1979.

⁶ Никифоров А.С. Бехтерев. М.: Молодая гвардия, 1986.

⁷ Воробьев В.С. В.М. Бехтерев и XXI век... С. 56–62.

⁸ Дурновоцев В.И. О содержании понятия «историографический факт» // Методологические и теоретические проблемы исторической науки. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1980. С. 42–53.

что впервые предпринимается попытка осветить методологию В.М. Бехтерева. В дореволюционной России В.М. Бехтерев одним из первых выдвинул идею интеграции естественных, гуманитарных и социальных наук. В годы Первой мировой войны получила свое оформление его философия, исходя из которой были сформулированы некоторые положения теории и методологии истории, которые до сих пор не подвергались анализу.

Цель статьи – показать вклад академика В.М. Бехтерева в решение проблем военного времени. Поставлены следующие задачи: актуализировать разработанный В.М. Бехтеревым комплексный подход к анализу событий и явлений общественной жизни; ввести в научный оборот научные и публицистические труды В.М. Бехтерева 1914–1916 гг. как исторические и историографические источники по истории Первой мировой войны; показать преемственность идей В.М. Бехтерева в интегральной методологии П.А. Сорокина.

Объект исследования – события Первой мировой войны. Предмет – труды В.М. Бехтерева, созданные в 1914–1916 гг., в том числе научные труды «Война и психозы»⁹, «Бессмертие человеческой личности как научная проблема»¹⁰, «Вопросы, связанные с лечением и гигиеническим значением музыки»¹¹, публицистические сочинения «Вильгельм – дегенерат неронового типа»¹², опубликованное выступление «Моральные итоги великой мировой войны»¹³. Эти труды и составили источниковую базу данного исследования.

Методология исследования основана на комплексе общенаучных и специальных методов, в том числе методов источниковедческого анализа.

⁹ *Бехтерев В.М.* Война и психозы. СПб., 1914. 19 с.

¹⁰ *Бехтерев В.М.* Бессмертие человеческой личности как научная проблема: В 2 т. СПб.: Алетей, 1999. Т. 1.

¹¹ *Бехтерев В.М.* Вопросы, связанные с лечением и гигиеническим значением музыки // *Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии*. Пг.: Изд-во К.Л. Риккера, 1916. № 4. С. 105–124.

¹² *Бехтерев В.М.* Вильгельм – дегенерат неронового типа. М.: Наша жизнь, 1916. 44 с.

¹³ *Бехтерев В.М.* Моральные итоги великой мировой войны: Речь, сказ. в торжественном актовом заседании Психоневрол. инст-та 2 февр. 1915 г. (впоследствии доп. для публ. лекции) акад. В.М. Бехтеревым. Пг.: Тип. Кюгельген, Глич и Ко, 1915.

Опыт русско-турецкой войны

Впервые с ужасами войны В.М. Бехтерев столкнулся в период обучения в Императорской медико-хирургической академии. В 1877 г. во время русско-турецкой войны в составе санитарного отряда братьев Рыжовых [Одинак и др. 2012] он находился в зоне боевых действий, оказывая экстренную медицинскую помощь раненым бойцам. Методом включенного наблюдения на личном опыте он смог убедиться в негативном воздействии военных действий на психику человека.

С 1893 г. В.М. Бехтерев возглавлял кафедру душевных болезней Императорской военно-медицинской академии. В 1897 г. на базе академии он организовал успешно функционирующие клинику нервных болезней и первое в России отделение хирургической невропатологии. После проведения независимой экспертизы по делу М. Бейлиса в 1912 г. В.М. Бехтерев подвергся гонениям со стороны царского правительства, был уволен из академии¹⁴. К тому времени на собственные средства и пожертвования попечителей В.М. Бехтерев открыл Психоневрологический институт (1907 г.). Основной целью деятельности этого частного научно-образовательного учреждения было всестороннее, комплексное изучение человека и его поведения в обществе.

Философия В.М. Бехтерева

Как и многие прогрессивные мыслители того времени, В.М. Бехтерев находился на позициях эволюционизма. События Первой мировой войны потребовали переосмысления и уточнения некоторых положений, включая историософские вопросы. В опубликованном в 1916 г. труде «Бессмертие человеческой личности как научная проблема» В.М. Бехтерев размышлял о причинах разворачивающихся бедствий, массовой гибели людей и пытался соотнести происходящее с научной картиной мира. Он опирался на основной вопрос философии о соотношении материального и духовного. Как отмечает В.С. Воробьев, стремление исследователя, которому посчастливилось открыть множество эмпирических фактов, «извлечь из тьмы незнания и дать им прямые толкования», найти универсаль-

¹⁴ В 1913 г. В.М. Бехтерев провел независимую экспертизу по делу М. Бейлиса, обвинявшегося в ритуальном убийстве мальчика, признал его психически больным. В результате было вынесено оправдательное заключение.

ное объяснение, что и явилось «...дорогой к философии, построению гносеологических доктрин, постоянному балансированию на острие между материальным и идеальным»¹⁵. Центральной категорией в его системе философии было «единое эволюционное целое», объединяющее биологические, психологические и социальные аспекты жизни. В.М. Бехтерев подчеркивал: «Для уяснения мирового процесса необходимо признать, что живая и мертвая природа подчинены закону эволюции – тому закону, по которому одно развивается из другого и которым обеспечивается поступательный ход всего сущего, всего вообще мирового процесса, и в том числе человека как высшего живого существа на земле»¹⁶. Выделял законы непрерывного движения, изменчивости, исторической последовательности, творчества и др. С точки зрения ученого, «...все явления мира, включая и внутренние процессы живых существ или проявления “духа”, могут и должны быть рассматриваемы как производные одной мировой энергии, в которой потенциально должны содержаться как все известные нам физические энергии, так равно и материальные формы их связанного состояния и, наконец, проявления человеческого духа»¹⁷. Мировая энергия служит началом материального, и духовного во Вселенной¹⁸, она обуславливает движение всего. Согласно В.М. Бехтереву, «все движется в одной непрерывной цепи, благодаря непрерывному переходу одной энергии в другую»¹⁹. Он утверждал: «...природа не делает ни одного движения, общество не выполняет ни одной цели, компас не подвинется ни на шаг вперед без зависимости от кооперации по мере того, как несогласия мира исчезают с ростом знания, наука с возрастающей ясностью раскрывает универсальность ее взаимных соотношений»²⁰.

Первостепенное значение В.М. Бехтерев придавал социальному фактору. Факт открытия первой в России кафедры социологии в Психоневрологическом институте был не случаен. Кафедру возглавлял выдающийся ученый-эволюционист М.М. Ковалевский. На ней трудились Е.В. Де Роберти, А.С. Лаппо-Данилевский, П.А. Сорокин²¹

¹⁵ *Воробьев В.С.* Бехтерев и XXI век... С. 58.

¹⁶ *Бехтерев В.М.* Бессмертие человеческой личности как научная проблема. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 12.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ *Ломоносова М.В., Буланова М.Б.* В.М. Бехтерев и П.А. Сорокин: научный союз во имя социологии // Социологические исследования. 2024. № 3. С. 122–134.

и др. Они исследовали разные стороны общественной жизни, изучали поведение человека в обществе, в том числе в экстремальных условиях, во время войн, революций, эпидемий и голода.

Одна из жесточайших войн в истории

Когда разразилась Первая мировая война, в России вызрела революционная ситуация. Отношение к войне в обществе было противоречивым. В.М. Бехтерев принадлежал к числу тех, кто эту войну считал империалистической и бессмысленной. Он критически высказывался в адрес как кайзеровской Германии и реакционной Австро-Венгрии, так и российского самодержавия. Как отмечает А.С. Никифорова, «...как психолог и психиатр Бехтерев отчетливо понимал, что царь и его окружение – люди, не имеющие ни способности, ни даже достаточной подготовки для того, чтобы сколько-нибудь грамотно управлять огромным Российским государством», он располагал фактами о влиянии на царскую семью французского «лжелекаря» Филиппа и «гнусного старца» Распутина²².

Мировую войну В.М. Бехтерев оценивал как «одну из жесточайших войн в мире... небывалую по своим размерам и последствиям»²³. Исходил из того, что любая война является абсолютным злом, но если ее не удалось избежать, то следует вести до победного конца. Был убежден, что долг каждого гражданина состоит во всесторонней помощи соотечественникам, сражающимся на фронтах. На тот момент В.М. Бехтерев не находился на государственной службе, но активно помогал фронту, проводил научные исследования, занимался лечебной, организационно-методической и просветительской деятельностью.

Научная, организационно-методическая и общественная деятельность В.М. Бехтерева в годы Первой мировой войны

Главными темами научных исследований В.М. Бехтерева в эти годы стали неврологическая патология в условиях военных действий и совершенствование помощи нервно-душевнобольным, пострадавшим во время военных действий. Результаты научных

²² Никифоров А.С. Указ. соч. С. 106.

²³ Там же.

исследований обладали прикладным характером и быстро внедрялось в медицинскую практику.

3 сентября 1914 г. по инициативе В.М. Бехтерева в Психоневрологическом институте было принято решение о «предоставлении в пользование войска, нуждающегося в соответствующем лечении, нервно-хирургической клиники»²⁴, где был развернут военный госпиталь. Прямо с фронта в госпиталь поступали раненые солдаты и офицеры с травмами головного мозга и других отделов нервной системы. Кроме того, В.М. Бехтерев осуществлял руководство медицинским отделом созданного петербургскими медиками «Комитета помощи воинам на поле брани в память Н.И. Пирогова»²⁵. Ему удалось добиться того, что непосредственно к госпиталю была подведена ветка Николаевской железной дороги, по которой прямо с фронта оперативно доставляли тяжело раненных бойцов с черепно-мозговыми травмами.

В 1914 г. В.М. Бехтерев опубликовал труд «Война и психозы», в котором приводил ошеломляющие факты. По сведениям ученого за один год войны количество душевно больных солдат и офицеров увеличилось в 3,5 раза. По подсчетам В.М. Бехтерева, на 1 млн военнослужащих приходилось 1500 заболевших душевными болезнями²⁶. Ссылаясь на опыт русско-японской войны, он описывал наиболее часто встречающиеся диагнозы у разных армейских чинов. У офицеров около 57% составляли прогрессивный паралич и неврастенические психозы, у 2% диагностировали спутанность сознания и галлюцинаторный бред. У низших армейских чинов преобладали эпилептические и алкогольные психозы, спутанность сознания, они составляли 50,5%. В.М. Бехтерев отмечал: «В первый период войны мы имеем обыкновенно не столь значительное число собственно душевных заболеваний, сколько нервно-психических, в виде состояний подавленности, истерии, психастении, травматических нервно-психических заболеваний». Другие заболевания, прогрессивный паралич, мания, дигрессивный психоз, галлюцинаторная спутанность, с точки зрения ученого, «требуют для своего проявления несколько месяцев походной жизни, долговременных тяжелых лишений, долговременных неблагоприятных моральных и физических условий военного времени, неоднократных контузий, перенесенных тяжелых болезней»²⁷. Среди основных причин

²⁴ Там же.

²⁵ Возглавлял «Комитет помощи воинам на поле брани в память Н.И. Пирогова» хирург С.П. Федоров.

²⁶ *Бехтерев В.М.* Война и психозы. С. 23.

²⁷ Там же. С. 12.

заболеваний В.М. Бехтерев выделял «изнурительные переходы, недостаточное питание, контузии и травмы, нервные потрясения, тревожное ожидание боя, смерти, состояние перевозбуждения во время боя, особенно если дело доходит до рукопашной схватки»²⁸. В долгосрочной перспективе В.М. Бехтерев прогнозировал распространение массового травматизма нервной системы.

В.М. Бехтерев искал разные способы облегчить людские страдания. В 1915 г. на базе Психоневрологического института организовал приют и детский сад для детей беженцев из оккупированных немцами западных губерний. Не прекращал начатую до войны программу исследования влияния музыки на человека и общество. В опубликованной в 1916 г. статье «Вопросы, связанные с лечением и гигиеническим значением музыки» отмечал целительное воздействие музыки на общество. Утверждал, что в сложившихся обстоятельствах с помощью музыки можно «...немного снять напряжение в обществе, оказать помощь населению».

Теория истории и войны

В годы войны В.М. Бехтерев вел активную общественную и просветительскую деятельность. Как авторитетный ученый, он выступал с публичными лекциями, давал интервью, публиковал заметки в прессе. Каждое его выступление становилось «общественным событием»²⁹. Произнесенная им в 1915 г. речь на торжественном заседании в Психоневрологическом институте была опубликована под названием «Моральные итоги великой мировой войны». В ней приобретающую затяжной характер мировую войну он характеризовал как неизбежный результат «ненасытной захватнической политики Германии и Австро-Венгрии»³⁰.

Как и многие представители академического научного сообщества, В.М. Бехтерев являлся противником самодержавия и капитализма. В 1916 г. вышло публицистическое произведение В.М. Бехтерева «Вильгельм – дегенерат неронового типа». Название этого сочинения было не случайным. Подобные резкие суждения в отношении личности Николая II высказывал академик И.П. Павлов, называя российского императора «идиотом» и «дегенератом» [Самойлов 1999, с. 653, 690]. Как практикующий доктор, в этой работе В.М. Бехтерев опровергал бытующее в об-

²⁸ *Бехтерев В.М.* Война и психозы. С. 12.

²⁹ *Воробьев В.С.* Бехтерев и XXI век... С. 57.

³⁰ *Бехтерев В.М.* Моральные итоги великой мировой войны. С. 12.

шествие заблуждение о душевной болезни немецкого императора Вильгельма II. Однако более пристальное внимание к данному источнику позволяет сделать вывод о том, что в этом труде нашли отражение результаты размышлений и глубокого анализа фундаментальных историософских проблем, включая ключевые вопросы методологии истории: причины мировой войны, роль личности в истории, всемирно-историческое значение войны, пути достижения будущего устойчивого мира. В этой связи данный труд следует рассматривать не только как исторический, но и историографический источник. Не вдаваясь в детали, отметим, что под историографическим источником понимается источник информации об общественном резонансе исторического события [Качановский 1980].

Анализ перечисленных выше проблем В.М. Бехтерев проводил на основе комплексного подхода, сочетая методы естественных, гуманитарных и социальных наук. Позже этот подход будет заимствован П.А. Сорокиным. Он развил идеи В.М. Бехтерева в теории социокультурной динамики и довел до уровня интегральной методологии [Василенко 2022].

Анализ личности Вильгельма II В.М. Бехтерев проводит в двух взаимообусловленных аспектах: в медицинском и социально-политическом. Политическую деятельность немецкого императора он связывает с особенностями его «физической и психологической конституции». Однако, как неоднократно подчеркивал ученый, речи о каком-либо диагнозе и душевной болезни у немецкого императора быть не может. В.М. Бехтерев отмечал, что немецкий император «...не сумасшедший и не поражен вообще какой-либо известной формой душевной болезни, в нем собираются лучи германского милитаризма»³¹. В.М. Бехтерев довольно убедительно показал, что в силу ряда социально-политических причин такой тип правителя является результатом «...господства в Германии узкого национализма и милитаристических стремлений, и забвения идей гуманизма времен Гёте и Канта»³². Более того, с точки зрения В.М. Бехтерева, в деятельности Вильгельма II прослеживается «систематическое проявление ума». Обращаясь к одной из самых дискуссионных проблем философии и методологии истории о роли личности в истории, В.М. Бехтерев утверждает, что такие исторические деятели, как Вильгельм II, «...могут увлекать свои народы, ведя их к величию или гибели» и, следовательно, они должны нести всю «...тяжесть моральной ответственности за все те

³¹ *Бехтерев В.М.* Вильгельм – дегенерат неронового типа. С. 7.

³² Там же.

бедствия, которые ...причинили своей стране и воюющим с ней народам»³³. В.М. Бехтерев придерживается следующей точки зрения. Историческая личность не может быть вершителем политических событий, она выступает лишь как «выразитель общественных течений, народной воли и стремления»³⁴.

Наблюдая за поведением и поступками Вильгельма II, ученый приходит к выводу о дегенеративном состоянии личности императора, определяя это состояние как «особый тип вырождения с понижением нравственного чувства»³⁵. Он так и пишет: «Император Вильгельм, будучи несомненным дегенератом, не может подлежать освобождению от ответственности за свои поступки и действия ни перед современниками, ни перед историей и вместе с теми слоями германского общества, которые его поддерживают, должен нести ответственность»³⁶.

Поскольку В.М. Бехтерев придерживался многофакторного подхода к истории, теорию которого в России разрабатывал М.М. Ковалевский, он подчеркивал, что особенности личности Вильгельма II не могут быть основной и единственной причиной развязывания трагедии мирового масштаба. Согласно М.М. Ковалевскому, причины тех или иных исторических событий всегда имеют комплексный характер, они обусловлены всей сложностью и многогранностью взаимодействия различных социальных факторов. Любое событие и явление истории может выступать не только как пассивное следствие предшествующих событий, но и как причина последующего развития. Поэтому при анализе событий исторического прошлого, настоящего или будущего необходимо учитывать всю полноту связей и факторов, включая хозяйственные, правовые, государственные, религиозные, биологические и др., не разделяя на первичные и вторичные. В упоминаемой выше работе «Бессмертие человеческой личности как научная проблема» В.М. Бехтерев последовательно проводит эту мысль М.М. Ковалевского, неоднократно повторяя идею о «постоянной и непрерывной зависимости одного явления от другого, благодаря чему весь мир представляет собой бесконечную систему взаимодействий, устанавливающую так называемый закон относительности»³⁷. В разные исторические эпохи могут выдвигаться

³³ *Бехтерев В.М.* Вильгельм – дегенерат нероновского типа. С. 43.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ *Бехтерев В.М.* Бессмертие человеческой личности как научная проблема. С. 13.

и временно занимать ведущее положение некоторые факторы, выступающие в роли объективных причин тех или иных событий и явлений. Размышляя о причинах мировой войны, В.М. Бехтерев приходит к выводу о том, что к столь масштабному и трагическому «столкновению народов» привели «совокупность сложившихся роковым образом условий», комплекс социально-экономических, географических и политических факторов, наслоившихся на ход всемирной истории, и предшествующие исторические события.

Как эволюционист войну В.М. Бехтерев рассматривал как процесс, обусловленный рядом факторов. Война разгорается и развивается по определенным законам, проходит несколько стадий и завершается миром. Рассуждая об историческом значении и последствиях этой войны для России, он отмечал неизбежное «устранение косности и пассивности, столь свойственной нашему народу». Предполагал, что война «...при успешном развитии, даст ...возможность освободиться от пагубного... иностранного давления, не только, но и внутренней политики, которое проводилось до сих пор почти исключительно со стороны Германии, в последнее время и от самого Вильгельма»³⁸.

Веря в общественный прогресс, В.М. Бехтерев полагал, что для России главным итогом войны станет «пробуждение от длительной спячки и пассивности русского народа», которое «...само по себе представляет факт огромной важности, который может и должен отразиться на судьбах России и в будущем»³⁹. Всемирно-историческое значение мировой войны видел, прежде всего, в поучительных примерах страшных разрушений и небывалой жестокости в мире. Был убежден, что итоги мировой войны определяют «...грядущие судьбы народов»⁴⁰.

Оценивая историческую перспективу, строя на основе эволюционных законов образ будущего послевоенного мироустройства, В.М. Бехтерев выдвинул главный принцип заключения мира – «удовлетворение справедливых интересов всех вообще воюющих держав, всеобщее разоружение Европы и общий союз всех великих держав с установлением наряду с национальными парламентами одного международного общеевропейского парламента и обязательного для всех третейского международного трибунала в целях разрешения всех вообще спорных вопросов между державами»⁴¹.

³⁸ *Бехтерев В.М.* Моральные итоги великой мировой войны. С. 15–16.

³⁹ Там же. С. 12.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Бехтерев В.М.* Вопросы, связанные с лечением и гигиеническим значением музыки. С. 44.

Как гуманист, он мечтал, чтобы мировая война стала единственной и последней в истории человечества, чтобы она привела человечество к торжеству идеалов прав и свободы, став переломом в жизни народов. Признавая приоритет ценности человеческой жизни, В.М. Бехтерев надеялся, что «вслед за наступающей войной наступит новый мировой порядок, при котором легче дышалось бы всем народам, чтобы не было ни первых, ни вторых, ни главных, ни второстепенных держав, ибо каждой культурной нации, хотя бы и малой по численности, есть что сказать миру и принести из своего народного духа на алтарь общечеловеческих интересов». Надеялся, что спустя время человечество будет смотреть на всю историю, предшествующую Первой мировой войне, как на период глубокого варварства и благодаря здравому смыслу и разумности людей после войны начнется «период другой жизни с иными социальными принципами».

Экспериментальные исследования, проводимые под руководством В.М. Бехтерева, подтвердили возможность воздействия на эмоциональное состояние личности через внушение. При определенных обстоятельствах нервно-психические явления становятся социальными. В военные годы ученый вел активную общественную деятельность, часто выступал с просветительскими лекциями, давал интервью в прессе и др. Выступлениям старался придать оптимистичный характер, выдвигал жизнеутверждающие суждения. Искал пути помочь сохранить психическое здоровье нации. Подчеркивал благотворную роль искусства и особенно музыки, которая способна успокоительно действовать на самые сильные душевные страдания, приободрять и уменьшать истерию⁴².

Применял на практике научные результаты исследований феномена внушения и его влияние на личность и общество.

Призывал россиян верить в то, что «...после этой войны над Европой взойдет светлое солнце правды и, чем больше теперь мы встречаем злобы и мрака, тем светлее и радостнее нам покажется будущее»⁴³.

⁴² Василенко В.В. В.М. Бехтерев о влиянии возвышенных звуков музыки на человека и общество // *PHILHARMONIKA. International Music Journal*. 2021. № 2. С. 2–7.

⁴³ Бехтерев В.М. Вопросы, связанные с лечением и гигиеническим значением музыки. С. 26.

*Влияние идей В.М. Бехтерева
на интегральную методологию П.А. Сорокина*

О том, что идеи академика В.М. Бехтерева оказали влияние на научное мировоззрение П.А. Сорокина, российско-американский социолог признавался в автобиографическом романе «Долгий путь»⁴⁴. В 1920–1922 гг. П.А. Сорокин под руководством В.М. Бехтерева выезжал в Самарскую и Саратовскую губернии изучать влияние голода на человека. Результаты исследования изложил в книге «Голод как фактор»⁴⁵, вызвавшей недовольство со стороны В.И. Ленина. Книга подверглась большевистской цензуре, и весь тираж был уничтожен. Спустя годы, в 1942 г., во время Второй мировой войны, П.А. Сорокин опубликовал труд «Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь»⁴⁶, в котором обозначил главные «четыре монстра», неизменно сопровождающих социальные катастрофы, включая войны, революции, голод и эпидемии⁴⁷. П.А. Сорокин различал маленькие, или быстрые, войны и большие, затяжные, или хронические. Установил, что «некоторые войны заканчиваются быстро, не успевая разрастись и углубиться, другие «полностью описывают весь свой круг, растягиваются на долгий срок и достигают своего зенита, превращаясь иногда в хроническое явление, не прекращающееся в течение десятилетий, а бывает – и в течение более чем столетия»⁴⁸.

Следуя идеям, выдвинутым В.М. Бехтеревым о необходимости «глубоких моральных переворотов в международных отношениях» в послевоенный период, П.А. Сорокин с горечью констатировал, что после окончания Первой мировой войны государственные деятели, члены Лиги Наций, политики и многочисленные ветераны войны не придавали должного внимания роли ценностей в обществе, «они занимались всем, чем угодно, кроме только системы ценностей. О ней

⁴⁴ Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман: Пер. с англ. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. 304 с.

⁴⁵ Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003. 496 с.

⁴⁶ Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / пер. с англ. В.В. Сапова. М.: Академический проект, 2012. 336 с.

⁴⁷ Там же. С. 5.

⁴⁸ Там же. С. 234.

забыли напрочь»⁴⁹. Что и привело ко Второй мировой войне. С точки зрения П.А. Сорокина, распавшаяся после Первой мировой войны прежняя система ценностей находилась в безнадежном состоянии, а новая не сложилась, что и привело к еще более трагичной и масштабной мировой войне. П.А. Сорокин писал о том, что послевоенным миром правили «...экономисты-практики, политики, банкиры и политики, связанные с валютой и финансами, инфляцией и дефляцией, тарифами и денежными курсами, ценами, окладами госслужащих, потерпели полное фиаско». Они не вняли возгласам «горстки мыслителей», которых называли «идеалистами», «утопистами» и «кабинетными философами». Вторая мировая война еще более усугубила катастрофическое положение человечества, что может привести к развязыванию более страшной ядерной войны и гибели цивилизации⁵⁰. Размышляя о тенденциях будущего развития, П.А. Сорокин, следуя идеям В.М. Бехтерева, подчеркивал, что единственный путь избежать третьей мировой войны состоит в возможности изменения сознания людей и системы ценностей. Следует научиться мирным путем «...производить ...небольшие изменения, чтобы сохранить и несколько обновить существующие социальные, политические, экономические и иного рода порядки»⁵¹. Преодолеть противоречия и научиться решать проблемы на международном уровне, с точки зрения П.А. Сорокина, можно только через «создание новой системы международных ценностей». В 1960-е гг. П.А. Сорокин настойчиво призывал ученых, общественных и религиозных деятелей всего мира сплотиться и постараться совершить альтруистическую трансформацию личности, чтобы избежать мировой катастрофы.

Заключение

Подводя итог, отметим, что события Первой мировой войны оказали влияние на формирование научной методологии В.М. Бехтерева. С помощью комплексного подхода, разрабатываемого ученым в предшествующий период деятельности, В.М. Бехтерев анализировал события Первой мировой войны, научно осмысляя причины и возможные последствия мировой войны, он поднял ряд фундаментальных проблем теории и методологии истории, заложил теоретические основы учения о войне, которые были восприняты его последователями и не утрачивают своего значения и сегодня.

⁴⁹ Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий... С. 234.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 232.

Литература

- Акименко 1999 – *Акименко М.А.* История института имени В.М. Бехтерева: на документальных материалах. М.; СПб.: С.-Петербург. науч.-исслед. психоневрол. ин-т им. В. Бехтерева, 1999. 217 с.
- Василенко 2022 – *Василенко В.В.* Проблема историко-культурного процесса в интегральной концепции П.А. Сорокина // Идеи интегрализма в социальных науках: дискуссия российских и американских исследователей: Сб. науч. тр. / под ред. Д.В. Ефременко, А.Ю. Долгова, К. Родса; пер. с англ. Я.В. Евсеевой, В.В. Сапова. М.: ИНИОН РАН, 2022. С. 290–303.
- Качановский 1980 – *Качановский Ю.В.* Концепция историка и проблема информации // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1980. С. 71–74.
- Колчинский 2018 – *Колчинский Э.И., Зенкевич С.И., Ермолаев А.И., Ретунская С.В., Самокиш А.В.* Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / под общ. ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2018. 668 с.
- Медушевский 2023 – *Медушевский А.Н.* Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2. С. 85–98.
- Одинак и др. 2012 – *Одинак М.М., Незнанов Н.Г., Чудиновских А.Г., Цыган Н.В.* Владимир Михайлович Бехтерев – основоположник клинической психоневрологии // Вестник РАМН. 2012. № 8. С. 34–39.
- Самойлов 1999 – *Самойлов В.О.* Эволюция политических взглядов И.П. Павлова // Павлов И.П. Pro et contra. СПб.: Российский христианско-гуманитарный ун-т, 1999. С. 653–690.
- Шабунин 1998 – *Шабунин А.В.* Роль В.М. Бехтерева в становлении отечественной военной психиатрии // Журнал неврологии и психиатрии. 1998. Т. 98. Вып. 11. С. 44–45.

References

- Akimenko, M.A. (1999), *Istoriya instituta imeni V.M. Bekhtereva: na dokumental'nykh materialakh* [The history of the V.M. Bekhterev Institute. Based on documentary materials], Bekhterev Psychoneurological Institute, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Kachanovskii, Yu.V. (1980), "The concept of a historian and the problem of information", in *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoi nauki* [Methodological and theoretical problems of the history of historical science], Kalinin, USSR.
- Kolchinskii, E.I., Zenkevich, S.I., Ermolaev, A.I., Retunskaya, S.V. and Samokish, A.V. (2018), *Mobilizatsiya i reorganizatsiya rossiiskoi nauki i obrazovaniya v gody Pervoi*

- mirovoi voiny* [Mobilization and reorganization of Russian science and education during the First World War], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia.
- Medushevskii, A.N. (2023), "Cognitive warfare. Social control, mind control and the tool of global domination, part 1", *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, no. 2, pp. 85–98.
- Odinak, M.M., Neznanov, N.G., Chudinovskikh, A.G. and Tsygan, N.V. (2012), "Vladimir Mikhailovich Bekhterev – the founder of clinical neuropsychiatry", *Vestnik RAMN*, no. 8, pp. 34–39.
- Samoilov, V.O. (1999), "Evolution of the political views of I.P. Pavlov", in Pavlov I.P. *Pro et contra*, Saint Petersburg, Russia, pp. 653–690.
- Shabunin, A.V. (1998), "The role of V.M. Bekhterev in the formation of Russian military psychiatry", *Zhurnal nevrologii i psikiatrii*, vol. 98, iss. 11, pp. 44–45.
- Vasilenko, V.V. (2022), "The problem of the historical and cultural process in the integral concept of P.A. Sorokin", in Efremenko, D.V., Dolgov, A.Yu. and Rods K., eds., *Idei integralizma v sotsial'nykh naukakh: diskussiia rossiiskikh i amerikanskikh issledovatelei: sbornik nauchnykh trudov* [Ideas of integralism in the social sciences. Discussion of Russian and American researchers], INION RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Виктория В. Василенко, доктор исторических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия; Россия, Ставрополь, 355017, ул. Пушкина, д. 1; vasilvika@yandex.ru
SPIN-kod 7193-7444
ORCID 0009-0007-8931-3650

Information about the author

Viktoria V. Vasilenko, Dr. of Sci. (History), associate professor, North-Caucasus University, Stavropol, Russia; 1, Pushkin St., Stavropol, Russia, 355017; vasilvika@yandex.ru
SPIN-kod 7193-7444
ORCID 0009-0007-8931-3650

«Война – величайшая трагедия,
не только массовое несчастье...»:
Ф.А. Степун о I Мировой войне

Лидия А. Гаман

*Северский технологический институт – филиал
Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»,
Северск, Россия, GamanL@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются историко-философские и религиозные представления ученого и христианского мыслителя Ф.А. Степуна (1884–1965) о I Мировой войне, имевшего трехлетний опыт участия в ней. Характеризуется своеобразие его исследовательской стратегии. Раскрывается центральное для его философии истории значение религиозного символизма, в свете которого война трактовалась им как религиозная трагедия. Подчеркивается своеобразие его интерпретации войны как семантически сложного события, рассматриваемого в свете религиозных идей при одновременно пристальном внимании к фактографической стороне. Отмечается свойственное Степуну понимание фундаментального значения религии и религиозного сознания для переживания жизни в военном преломлении, особенно на фронте. Основное внимание в статье уделяется анализу его версии причин неудач России на фронте и реального положения дел в действующей армии в их динамике вплоть до Февральской революции. Анализируются его представления о значении индустриализации для характера и стиля современной тотальной войны. Впервые обращается внимание на отмеченную Степуном культурную ее разрушительность с целью деструкции национально-культурной идентичности врага. Подчеркивается его положительная оценка армии как важной структуры национального бытия страны. Отмечается его вклад в исследование сложной системы взаимоотношений между офицерами и нижними чинами в российской армии. Делается вывод о научной ценности размышлений Степуна о I Мировой войне, содержащих как ценный фактографический материал, так и теоретические обобщения о природе современной войны.

Ключевые слова: Россия, I Мировая война, Ф.А. Степун, религиозный символизм, религиозное сознание, индустриализация войны, армия

Для цитирования: Гаман Л.А. «Война – величайшая трагедия, не только массовое несчастье...»: Ф.А. Степун о I Мировой войне // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 55–70. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-55-70

“War is the greatest tragedy, not just a mass disaster...”:
F.A. Stepun about World War I

Lidiya A. Gaman
Seversk State Technological Academy, Seversk, Russia,
GamanL@yandex.ru

Abstract. The article discusses the historical, philosophical, and religious views of F.A. Stepun (1884–1965), a scientist and Christian thinker, on World War I, drawing from his three-year firsthand involvement in the conflict. The paper highlights F.A. Stepun’s unique research strategy and reveals the central role of religious symbolism in his historical philosophy, particularly his interpretation of the war as a religious tragedy. Stepun’s unique view of war as a semantically complex event, based on his religious beliefs and meticulous attention to factual details, is emphasized. The article also discusses his recognition of the significance of religion and religious consciousness in wartime experiences, particularly on the front lines.

The article focuses on Stepun’s analysis of Russia’s failures in the war and on his study of the real state of affairs in the active army in their dynamics up to the February Revolution. His ideas of the impact of industrialization on the nature and style of modern total warfare are examined. This article is the first to explore Stepun’s observations on the cultural destruction aimed at erasing enemy’s national identity during a war. His positive evaluation of the army as an important structure for the national existence of the country is highlighted. Stepun’s contribution to the study of the complex system of the relations between the officers and the lower ranks in the Russian army is indicated. The article concludes by recognizing the scientific merit of Stepun’s World War I reflections, which offer valuable factual and theoretical insights into the nature of modern warfare.

Keywords: Russia, F.A. Stepun, religious symbolism, religious consciousness, industrialization of war, army

For citation: Gaman, L.A. (2024), “ ‘War is the greatest tragedy, not just a mass disaster...’: F.A. Stepun about World War I”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 55–70, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-55-70

Введение

Степун Федор Августович (1884–1965) – русский и немецкий ученый, философ, христианский мыслитель. В его многогранном творческом наследии центральное место занимают исследования, посвященные крупным социальным конфликтам первой половины

XX в., а именно революции 1917 г. в России и I Мировой войне, глубоко связанным между собой. Особую весомость историко-философским построениям Степуна придает то, что он был не только вдумчивым исследователем этих событий, радикально изменивших историческое бытие России и всю систему международных отношений в XX в., но и непосредственным их очевидцем и участником. Целью данной работы является освещение историко-философских и религиозных взглядов Степуна о I Мировой войне, главным образом об антропологическом ее измерении, ставшем для него основным фокусом в ее осмыслении.

Творческое наследие Степуна привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей. В работах его современников М. Вишняка¹, Л. Зандера [Зандер 2013], М. Карповича [Карпович 1956], А. Штаммлера [Штаммлер 1975], других эмигрантских авторов освещаются отдельные стороны его историко-философских, религиозных и политических представлений, как и этапов жизненного пути, что является важным с учетом «жизнетворческого» характера его творчества. Многогранная деятельность Степуна в русской эмигрантской среде затрагивается в фундаментальной обобщающей работе М. Раева, посвященной истории культуры русского зарубежья [Раев 1996]. В постсоветский период различные аспекты жизни и творчества Степуна исследуются российскими авторами, среди которых А.А. Ермичев [Ермичев 2014], В.К. Кантор [Кантор 2009], Р. Гергель [Гергель 2000], М.Г. Вандалковская [Вандалковская 2015], Л.А. Гаман [Гаман 2020], А.Ф. Киселев [Киселев 2011]. Большой интерес представляет сборник научных статей, посвященный анализу творческого наследия Степуна [Кантор 2012], подготовленный международным коллективом авторов. В качестве самостоятельного предмета исследования его представления о I Мировой войне анализируются в работах Л.А. Гаман [Гаман 2014b], А.А. Кара-Мурзы [Кара-Мурза 2015], А.В. Михайловского [Михайловский 2015], соавторов А.Н. Баранова и Е.А. Чугунова [Баранов, Чугунов 2017], Н.А. Балаклеец [Балаклеец 2022].

Источниковую базу для данной работы составляют монографии, статьи и письма Степуна, так или иначе касающиеся I Мировой войны. В корпусе источников центральное место занимают его произведения «Из писем прапорщика-артиллериста»² и «Бывшее

¹ Вишняк М.В. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж: Современные записки, 1931. 286 с.

² Степун Ф. (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. 192 с.

и несбывшееся»³, глубокие нарративы о войне, не получившие должного внимания в отечественной историографии. Книга «Из писем прапорщика-артиллериста», одно из лучших произведений о I Мировой войне, включает его письма с фронта, написанные несколькими корреспондентам в период с сентября 1914 г. по март 1917 г., отражает его живые свидетельства о России военных лет и фронтовой жизни в ее динамике. В мемуарах «Бывшее и несбывшееся» в отдельных главах представлен созданный автором образ I Мировой войны с учетом пережитого трагического опыта революции 1917 г. в России и ее последствий. Произведения Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста» и «Бывшее и несбывшееся» являются важными источниками для изучения истории России XX в., нарративами, способствующими сохранению национальной культурной памяти в современном понимании [Асман 2019], как части российского культурного наследия. Существенными для понимания представлений Степуна о войне являются его очерки «Мысли о России»⁴, а также концептуальные по характеру статьи «Христианство и политика»⁵ и «Германия»⁶. В последней статье представлен его содержательный анализ произведений немецких писателей Э.М. Ремарка, Э. Юнгера, Л. Ренна и других, посвященных I Мировой войне, проанализированных им в фокусе философии жизни, центрированный на проблеме трагической судьбы человека на войне. Обращение к этим и другим источникам способствует освещению представлений Степуна о I Мировой войне, как и характеристике культурно-исторического контекста жизни в России этого времени.

Степун, философ по призванию и образованию, был призван в действующую армию летом 1914 г. в ходе объявленной мобилизации. Воевал на Юго-Западном фронте в составе Сибирской дивизии, сформированной в Иркутске, в качестве прапорщика-артиллериста, а затем поручика, вплоть до Февральской революции 1917 г. Трехлетний опыт войны наложил неизгладимый отпечаток на его личность и творчество. Наиболее емко значение фронтового опыта для Степуна выразил его современник, философ

³ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетей, 2000. 651 с.

⁴ Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Жизнь и творчество: Избранные сочинения. М.: Астрель, 2009. С. 253–474.

⁵ Степун Ф.А. Христианство и политика // Степун Ф.А. Жизнь и творчество: Избранные сочинения. М.: Астрель, 2009. С. 502–531.

⁶ Степун Ф.А. Германия // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция: Избранные сочинения. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 441–453.

и религиозный мыслитель Л. Зандер: «Для людей нашего поколения определяющей школой жизни была война. Степун не только пережил ее в качестве офицера-артиллериста, участвовавшего и в боях, и в отступлениях, и в вынужденном лежании в лазарете, но и осознал весь ее трагизм с точки зрения личной судьбы отдельного человека, культурного одичания целых народов и, наконец, метафизически – как страшного явления жизни, своего рода рока, перед которым человеческая жизнь изнемогает и остается в недоумении и растерянности» [Зандер 2013, с. 618].

В 1917 г. в составе делегации от Юго-Западного фронта Степун попал в революционный Петроград, где спонтанно включился в революционную деятельность. По своим политическим взглядам он был близок партии эсеров, но членом партии не являлся. Важными событиями его деятельности в этот период стало назначение на должность начальника Политического отделения в Военном министерстве Временного правительства⁷ и участие в работе I Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов. Отойдя от активной политической деятельности после поражения Февральской революции, Степун уже не возвращался в армию, занимался просветительской, философской и театральной деятельностью в Москве вплоть до его высылки из Советской России в 1922 г. в связи с неприятием идеологии большевизма. В эмиграции он обосновался в Германии, где жил и работал до конца своей жизни.

Историко-религиозное осмысление войны

Предваряя освещение представлений Степуна о войне, необходимо в общих чертах охарактеризовать его общетеоретические взгляды и исследовательские подходы. Будучи ученым, скрупулезно относящимся к фактическому материалу, «очень тщательным писателем»⁸, по его собственной характеристике, и одновременно христианским мыслителем, он стремился к осмыслению истории на основе междисциплинарной исследовательской стратегии. Ее составными элементами стали как собственно научные методы познания, прежде всего критический метод, метод идеал-типического конструирования, биографический метод, так и основные положения религиозного символизма. Стержневой идеей этого последнего

⁷ *Степун Ф.А.* Письма. М.: РОССПЭН, 2013. С. 357.

⁸ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 982. Л. 5.

является признание структурной сложности истории, состоящей из двух взаимосвязанных уровней: сакрального, «сверхисторического», связанного с Абсолютным началом, с характерным для него эсхатологическим временем, и эмпирического, пространственно-временного, в котором разворачивается исторический процесс и в котором ключевым субъектом выступает человек [Гаман 2020]. Постулируя глубокую взаимозависимость обоих уровней, настаивая на богочеловеческой природе истории, Степун рассматривал ее как религиозную трагедию, смысловое ядро которой составляла борьба добра и зла в мире. История как процесс в целом и отдельные исторические события в частности встраивались им в широкую религиозную перспективу, рассматривались в свете проблемы направленности истории в духе христианского историзма.

В контексте интерпретации истории как религиозной трагедии мыслитель воспринимал войну. «Война – величайшая трагедия, – подчеркивал он, – не только массовое несчастье...»⁹ Поясняя свое понимание религиозной трагедии, он писал: «Крупные характеры, живописные ситуации и обильные трупы еще не означают трагедии. Сущность трагедии не в бушевании событий, но в обнаруживающемся в этих бурях бытии»¹⁰. Примечательно, что после революции 1917 г. в России он настойчиво подчеркивал семантическую близость войны и революции, связанную с общим для них «взрывом всех смыслов»¹¹, ранее организовавших социальное взаимодействие, с острой постановкой проблемы смысла истории и человеческой экзистенции.

Для Степуна было свойственно двойственное отношение к войне. Он являлся последовательным противником войны, религиозно обосновывал ее «грех и безумие», подчеркивал недопустимость ее идеализации, особенно свойственной националистически настроенным элитам. Вместе с тем, подчеркивал он, в случае национальной опасности участие в войне и неизбежно, и необходимо¹².

Глубокое неприятие войны не мешало ему признавать, что война, тотальная по своему характеру, способствовала выявлению негативных сторон современного общества, раскрывала «правду о той лжи, муке и изломанности, которыми полна наша жизнь»¹³, выводила на повестку дня задачу христианского преображения мира.

⁹ *Степун Ф.А.* Германия. С. 449.

¹⁰ *Степун Ф.А.* Христианство и политика. С. 528.

¹¹ *Степун Ф.А.* Мысли о России. С. 355.

¹² *Степун Ф.А.* Религиозный смысл революции // *Степун Ф.А.* Жизнь и творчество: Избранные сочинения. М.: Астрель, 2009. С. 498 (в сноске).

¹³ *Степун Ф.А.* Письма. М.: РОССПЭН, 2013. С. 413.

Война, полагал он, должна была побудить христиан активизировать усилия к преодолению системного кризиса современного общества, обусловленного неоднозначными последствиями социокультурной модернизации Нового времени, преодолению спровоцированного ею драматического разрыва с христианской нормативно-ценностной системой. В ином случае, по его убеждению, едва ли можно положить конец войнам в условиях современной технической цивилизации. «Пока человечество живет той жизнью, которою оно живет, утопично отрицать войну...», – писал он в 1959 г.¹⁴

В действующей армии

Эти историко-религиозные представления определили рамки и основной контекст, в котором разворачивались размышления Степуна о I Мировой войне. Своеобразие созданного им образа войны определялось его стремлением показать это событие целостно, во всей его религиозной глубине, трагичности, сложности и противоречивости. Изображая на страницах своих работ натуралистические сцены ужасов войны, разрушения, ранения, увечья, сцены смерти, отражая непереносимые для человека переживания «мучительного страха смерти», он в то же время стремился показать «величие войны», «последнюю, потустороннюю реальность войны»¹⁵. В этом заключается его своеобразие восприятия I Мировой войны, отличающее его, например, от Э.М. Ремарка¹⁶.

Подчеркивая близость войны «к последней тайне жизни, к самой сущности, к абсолютному», Степун писал в 1916 г.: «Как бы страшна ни казалась нам смерть – диалоги, что ее именем ведут с нами немецкие снаряды – все же диалоги с вечностью»¹⁷. Поясняя свою точку зрения, он отмечал: «<...> ...дело в том, что фронт перекладывает ось нашей жизни из положения горизонтального в вертикальное»¹⁸. Небезынтересно отметить, что в интерпретации Степуна «диалоги с вечностью» по своему смысловому наполнению близки идее М.М. Бахтина «диалогов на пороге» [Бахтин 2017, с. 374], «на пороге жизни и смерти, лжи и правды, ума и безумия» [Бахтин 2017, с. 418], которые вели к острой постановке фундаментальных жизненных вопросов.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Степун Ф.А.* Германия. С. 447.

¹⁶ *Ремарк Э.М.* На Западном фронте без перемен. М.: АСТ, 2018. 215 с.

¹⁷ *Степун Ф. (Н. Лугин)* Из писем прапорщика-артиллериста. С. 116.

¹⁸ Там же. С. 115.

Касание смерти каждой «духовной индивидуальности», будь то отдельный человек или народ, полагал Степун, заостряло вопросы высшего порядка, открывало перспективу религиозного переосмысления и преобразования жизни. «О таком <...> преображении жизни мечтали тогда и солдаты»¹⁹, – свидетельствовал Степун. Существенно, что вера в возможность преобразования послевоенной жизни стала важной чертой поколенческой идентичности многих современников I Мировой войны. И не только в России [Ассман 2019].

Избранный ракурс не заслонял от исследователя сложную картину фронтовой реальности. Уже в первые месяцы войны за патриотическим подъемом и всеобщим национальным порывом жертвенно помогать фронту Степун увидел негативные стороны фронтовой жизни. По его убеждению, они были обусловлены «полным бессилием... монархии защищать национальное дело России»²⁰ и «полной неподготовленностью России к войне»²¹, несмотря на некоторую модернизацию армии после поражения в Русско-японской войне. «Отвратительными», по выражению Степуна, были «блистательная глупость блестящих генералов»²², «бесконечное хамство некоторых “благородий”», «беспросветное хамство русской государственной власти»²³, «угнетающая забитость серых солдатских масс»²⁴. Следует сделать важное уточнение относительно последнего его замечания. Отмечая многие негативные явления в армии, критикуя их в своих работах, он тем не менее отмечал большую сложность сложившейся в ней коммуникативной модели. Едва ли Степун принял бы безоговорочно суждение современной американской исследовательницы, в негативных тонах характеризующее систему взаимоотношений высших и нижних чинов в российской армии эпохи I Мировой войны как «патерналистские», пренебрежительные со стороны офицеров по отношению к низшим чинам [Стофф 2022, с. 86].

В условиях начавшейся в 1917 г. революции в России отношение политических деятелей к армии и настроениям в ней приобрело, как известно, ключевое для ее судеб значение. В этой связи вызывает интерес указание Степуна на глубокое непонимание всей сложности армейских отношений Временным правительством,

¹⁹ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 298.

²⁰ *Степун Ф.А.* Мысли о России С. 328.

²¹ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 284.

²² *Степун Ф. (Н. Лугин)* Из писем прапорщика-артиллериста. С. 10.

²³ Там же. С. 139.

²⁴ Там же. С. 69.

что привело к утрате им поддержки со стороны армии и стало одной из главных причин поражения Февральской революции²⁵. Несомненной заслугой Степуна является многофакторный анализ социального поведения офицеров и солдат в охваченной революционными настроениями армии в их динамике в условиях продолжавшейся войны [Гаман 2014b].

Однако вернемся к свидетельствам Степуна о фронтовых буднях. Непосредственно наблюдая фронтовую повседневность, он обращал внимание на разрушительные последствия нескоординированной деятельности военного командования²⁶, военно-техническую отсталость российской армии, не обеспеченной в должной мере современным вооружением и снарядами, особенно на первых порах, как и современными средствами связи²⁷. «Я помню, как мы брали Карпаты, – писал он летом 1917 г., – как пехота голыми ладонями грызла (так в тексте. – Л. Г.) немецкую проволоку, как штабом дивизии было назначено расследование, по какой цели и с каким результатом наша батарея выпустила за день 10 снарядов, и как, несмотря на все это, мы в продолжении лютой зимы упорно двигались вперед... <...>»²⁸. Негативное значение для фронта, подчеркивал он, имела также неудовлетворительная работа тыловых служб, включая «госпитально-эвакуационный тыл»²⁹, и чрезвычайное падение «тыловых нравов»³⁰. Глубоко контрпродуктивным он считал характер штабной рутины, обусловленный «отвлеченно-стратегическим мышлением», свойственным штабным офицерам, мало вникавшим в реальное состояние дел на фронте и плохо понимавшим реальные нужды фронта³¹. На эту сторону штабной работы со ссылкой на Степуна указывает современный исследователь Дж. Санборн: «Несовпадение между великими планами высшего командования и трясинной фактически проживаемого опыта войны становилось все более сильным источником напряжения в армии, в рядах служащих в ней людей и во всей нации» [Санборн 2021, с. 180].

Трагические события Великой войны разворачивались в русле общемировой тенденции становления индустриального общества, что напряжамую сказалося на ее характере. Наряду с неко-

²⁵ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 344.

²⁶ *Степун Ф. (Н. Лугин)* Из писем прапорщика-артиллериста. С. 26.

²⁷ Там же. С. 175.

²⁸ *Степун Ф.А.* Война и революция // *Философия и культура*. 2023. № 3 (63). С. 307–308.

²⁹ *Степун Ф. (Н. Лугин)* Из писем прапорщика-артиллериста. С. 118.

³⁰ Там же. С. 158–162.

³¹ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 304–305.

торыми другими представителями русской религиозно-философской мысли, например Н.А. Бердяевым, Степун в числе первых затронул проблему происходившей на его глазах трансформации природы и стиля современной войны, становившейся все более тотальной по своему характеру, обусловленной масштабным использованием военно-технических и иных возможностей индустриального общества [Гаман 2014а]. Резюмируя последствия индустриализации войны, он писал в начале 1917 г.: «...война становится все ожесточеннее и все ужаснее. Удушливые газы, огнеметатели, горны, минные галереи, бесчисленные аэропланы – всего этого мы в 1915-м году не знали...»³². Австрийский писатель Карл Краус назвал I Мировую войну «генеральной репетицией конца света» [Асман 2019, с. 117]. Для Степуна показателем перехода войны в некую новую стадию – стадию ее «предельного обезчеловечивания»³³ – стало начало применения газового оружия³⁴. «Все пережившие газы, – писал он в 1917 г., – в один голос утверждают, что по силе нравственного потрясения никакой обстрел никакими калибрами не может сравниться с газовыми снарядами»³⁵.

Радикализация насилия в условиях индустриальной войны и углубляющейся секуляризации общественного сознания повлекла за собой глубокие трансформации многих, казалось бы, устоявшихся представлений о героизме и подвиге, о долге и патриотизме, об отношении к врагу, о пределах насилия в условиях военного времени. На смену жертвенности, бескорыстному героизму³⁶, милосердному отношению к пленным³⁷ шли жестокость, расчетливость, приспособленчество, свидетельствовал Степун. Заслуживает внимания затронутая им в самом начале Великой войны актуальная и ныне проблема культурной разрушительности современной тотальной войны, обусловленной установкой на уничтожение культурного наследия противника с целью разрушения его национально-культурной идентичности [Асман 2019]. «В России, – писал он в 1914 г., – неблагодарное забвение того, что сделала германская мысль в построении русской культуры <...> В Германии, в стране философии и музыки, еще того хуже, еще того преступнее и позорнее...»³⁸.

³² Степун Ф. (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллера. С. 172.

³³ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 304.

³⁴ Степун Ф. (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллера. С. 185–187.

³⁵ Там же. С. 186.

³⁶ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 301.

³⁷ Степун Ф. (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллера. С. 59.

³⁸ Там же. С. 5.

Наряду с критическим отношением к различным модусам войны, Степун находил в ней положительные стороны, связанные прежде всего с армией. «Не полюбив на войне войны, – писал он в мемуарах, – я неожиданно для себя самого крепко привязался к армии, проникся ее воинским духом»³⁹. Он подчеркивал «древнюю правду» армии, ее непреходящее значение для устойчивого развития общества, недопустимость ее политизации, начало которой было положено во время I Мировой войны революционными партиями⁴⁰. Опираясь на личный фронтовой опыт, он наделял высокой ценностью такие явления, как «древний восторг боя»⁴¹; «боевое крещение»⁴² с его «объединяющей силой»⁴³; «фронтовое братство», то «единство, которое выковывается между людьми в армии»⁴⁴ в их «постоянном общении со смертью»⁴⁵; «привязанность к фронту»⁴⁶; «воинская доблесть и честь»⁴⁷.

Одним из истоков жизнеспособности армии Степун считал стихийный народный патриотизм, по его убеждению, коренящийся в коллективном бессознательном народа, связанный с «подсознательной метафизикой войны», с характерным для нее представлением, что «война с того света пришла», что от судьбы не уйти и что Россия незыблема. Это определяло как «покорное приятие» войны, так и «ее героизм»⁴⁸, позволяло принимать «жизнь в военном преломлении»⁴⁹, несмотря на все тяготы и ужасы войны. Вновь и вновь он подчеркивал значение глубинных религиозных сил, которые позволяли человеку не просто выживать, но продолжать жить и на передовой⁵⁰.

Составной частью представлений Степуна о I Мировой войне являются его критические размышления об особенностях менталитетов воюющих народов⁵¹. Среди отличительных свойств русского

³⁹ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 57.

⁴⁰ Там же. С. 413.

⁴¹ Там же. С. 286.

⁴² *Степун Ф. (Н. Лугин)* Из писем прапорщика-артиллериста. С. 170.

⁴³ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 285.

⁴⁴ Там же. С. 335.

⁴⁵ *Степун Ф. (Н. Лугин)* Из писем прапорщика-артиллериста. С. 35.

⁴⁶ Там же. С. 5.

⁴⁷ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 52, 335.

⁴⁸ Там же. С. 301.

⁴⁹ *Степун Ф.А.* Германия. С. 441–442.

⁵⁰ Там же. С. 448.

⁵¹ *Степун Ф. (Н. Лугин)* Из писем прапорщика-артиллериста. С. 98, 133, 135–136, 156.

народа он отмечал его «антимилитаризм»⁵², восприятие войны как вынужденного зла⁵³. «Исстари чтя святых воинов, – отмечал он, – Россия никогда не считала воинов как таковых за святых»⁵⁴. В этом своем отношении к войне, подчеркивал мыслитель, Россия глубоко отличалась от Германии. Свойственное немецкому народу восприятие воинственности как положительного явления он связывал с характерным для него идеалом воинской доблести, укорененным в его историческом сознании. «Отказавшись в реформации от веры в святых, – писал Степун, – протестантская Германия невольно заменила идеал христианского смирения древнегерманским идеалом воинской доблести <...> В том, что России перед своей совестью на немецкий лад не оправдать войны, сомневаться, конечно, не приходилось... <...>»⁵⁵ Констатация глубоких различий народов, в частности в их отношении к войне и воинской доблести, не мешала Степуну настойчиво подчеркивать высокую ценность отдельных культур с их своеобразными «народными субстанциями» и подлинными «духовными сущностями». И это независимо от национальных «срывов», «грехопадений»⁵⁶, в терминологии Степуна, будь то начавшееся во время Великой войны грехопадение русского народа в большевизм или позднее немецкого народа – в национал-социализм. Участие в I Мировой войне лишь закрепило убеждение Степуна в необходимости непрерывного поиска пространства для диалога культур христианского круга.

Заключение

Подводя итог, подчеркнем, что созданный Степуном образ I Мировой войны отличает идейная и структурная сложность. Будучи убежденным во всеохватности христианства, полагая, что религиозный взгляд на войну позволяет приблизиться к ее правдивому изображению, он исследовал войну в фокусе понимания ее как религиозной трагедии. Такой подход способствовал всестороннему исследованию войны с учетом ее многофакторности при приоритетном внимании к трагической судьбе человека на войне. Ему удалось показать значение религиозного сознания в условиях I Мировой войны, как фактора, позволявшего человеку переносить

⁵² *Степун Ф. (Н. Лугин)* Из писем прапорщика-артиллериста. С. 132.

⁵³ Там же. С. 78.

⁵⁴ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. С. 371.

⁵⁵ Там же. С. 371.

⁵⁶ *Степун Ф.А.* Письма. С. 212.

жизнь в военном преломлении. Вызывают интерес его размышления о своеобразии менталитетов воюющих народов, влиявших на их восприятие войны и социальное поведение. Сохраняют научную ценность размышления Степуна о воздействии индустриализации на характер и стиль Великой войны, особенно после начала применения оружия массового поражения. Радикализации насилия в условиях тотальной войны, как показал мыслитель, сопутствовало изменение представлений о военной этике, о героизме, об отношении к врагу. Остельного внимания заслуживает затронутая им проблема культурной разрушительности современной войны, нацеленная на уничтожение национально-культурной идентичности врага. Глубокомысленные размышления Степуна о I Мировой войне, основанные на личном опыте участия в ней, с большой силой утверждают высокую ценность человеческой жизни, доказывают необходимость непрерывного диалога культур как важного условия поддержания мира. Его историко-религиозные построения, посвященные осмыслению Первой мировой войны, содержат богатый материал для дальнейшего углубленного изучения этого великого и трагического исторического события.

Литература

- Ассман 2019 – *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
- Балаклеец 2022 – *Балаклеец Н.А.* Интеллектуалы как создатели нарративов о войне // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 2. С. 5–16.
- Баранов, Чугунов 2017 – *Баранов А.Н., Чугунов Е.А.* Первая мировая война глазами историка и философа Ф.А. Степуна // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3 (12). С. 34–37.
- Бахтин 2017 – *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Э, 2017. С. 220–591.
- Вандалковская 2015 – *Вандалковская М.Г.* Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.). М.; СПб.: Ин-т российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 239 с.
- Гаман 2014а – *Гаман Л.А.* Н.А. Бердяев о войне // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 41–47.
- Гаман 2014б – *Гаман Л.А.* Ф.А. Степун о I Мировой войне // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2014. Вып. 47. С. 71–80.
- Гаман 2020 – *Гаман Л.А.* Ф.А. Степун о революции 1917 г. и Советской России: взгляд христианского мыслителя из эмиграции (1922–1965 гг.). Северск: Изд-во Северского технологического института НИЯУ МИФИ, 2020. 174 с.

- Гергель 2000 – *Гергель Р.* Ученый-гуманист // Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. С. 629–644.
- Ермичев 2014 – *Ермичев А.А.* Федор Августович Степун: христианское видение России // Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб.: Наука, 2014. С. 405–425.
- Зандер 2013 – *Зандер Л.* О Ф.А. Степуне и некоторых его книгах // Степун Ф.А. Письма. М.: РОССПЭН, 2013. С. 611–634.
- Кантор 2009 – *Кантор В.* Ф.А. Степун: русский философ в эпоху безумия разума // Степун Ф.А. Жизнь и творчество: Избранные сочинения. М.: Астрель, 2009. С. 3–39.
- Кантор 2012 – Федор Августович Степун / под ред. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012. 339 с.
- Кара-Мурза 2015 – *Кара-Мурза А.А.* Степун, Москва и мировая война // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 83–86.
- Карпович 1956 – *Карпович М.* Комментарии: О воспоминаниях Ф.А. Степуна // Новый журнал. 1956. № 46. С. 220–237.
- Киселев 2011 – *Киселев А.Ф.* С верой в Россию: Духовные искания Федора Степуна. М.: Дрофа, 2011. 364 с.
- Михайловский 2015 – *Михайловский А.В.* Два литературных свидетельства о Великой войне // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 105–111.
- Раев 1996 – *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1996. 296 с.
- Санборн 2021 – *Санборн Дж.* Великая война и деколонизация Российской империи. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2021. 456 с.
- Стофф 2022 – *Стофф Л.* Они сражались за Родину: Русские женщины-солдаты в Первую мировую войну и революцию. СПб.: Библиороссика; Бостон: Academic Studies Press, 2022. 343 с.
- Штаммлер 1975 – *Штаммлер А.* Ф.А. Степун // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. статей / под ред. Н.П. Полторацкого. Питсбург: Отдел славянских языков и литературы Питсбургского ун-та, 1975. С. 322–332.

References

- Assman, A. (2019), *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Historical forgetfulness, history obsession], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Bakhtin, M.M., (2017), “Problems of Dostoevsky’s poetics”, in Bakhtin, M.M., *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s poetics], “E”, Moscow, Russia.
- Balacleets, N.A. (2022), “Intellectuals as creators of war narratives”, *Vestnik of Samara State Technical University, Series “Philosophy”*, vol. 4, no. 2, pp. 5–16.
- Baranov, A.N. and Chugunov, E.A. (2017), “World War I through the eyes of historian and philosopher F.A. Stepun”, *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, vol. 12, no. 3, pp. 34–37.

- Ermichev, A.A. (2014), “Fyodor Stepun: a Christian vision of Russia”, in Ermichev, A.A., *Imena i syuzhety russkoi filosofii* [Names and subjects of Russian philosophy], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Gaman, L.A. (2014), “F.A. Stepun about World War I”, *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noi istorii*, iss. 47, pp. 71–80.
- Gaman, L.A. (2014), “N.A. Berdyayev about war”, *Tomsk State University Journal of History*, vol. 29, no. 3, pp. 41–47.
- Gaman, L.A. (2020), *F.A. Stepun o revolyutsii 1917 g. i Sovetskoi Rossii: vzglyad khristianskogo myslitelya iz emigratsii (1922–1965 gg.)* [F.A. Stepun about the Revolution of 1917 and Soviet Russia: the view of a Christian thinker from emigration (1922–1965)], Izdatel'stvo Severskogo tekhnologicheskogo instituta NIYaU MIFI, Seversk, Russia.
- Gergel', R. (2000), “Humanist scholar”, in Stepun, F.A., *Byvshee i nesbyvsheesya* [The former and the unfulfilled], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Kantor, V. (2009), “F.A. Stepun: A Russian philosopher in the era of madness of reason”, in Stepun, F.A., *Zhizn' i tvorchestvo: Izbrannye sochineniya* [Life and creativity. Selected works], Astrel', Moscow, Russia.
- Kantor, V., Khufen, K., Shchukin, V., Kusse, Kh., etc. (2012), *Fedor Avgustovich Stepun* [Fyodor Stepun], ed. by V.K. Kantor, ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Kara-Murza, A.A. (2015), “Stepun, Moscow and the World War I”, *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 83–86.
- Karpovich, M. (1956), “Comments. About the reminiscences of F.A. Stepun”, *Novyi zhurnal*, no. 46, pp. 220–237.
- Kiselev, A.F. (2011), *S veroi v Rossiyu: Dukhovnye iskaniya Fedora Stepuna* [With faith in Russia. The spiritual quest of Fyodor Stepun], Drofa, Moscow, Russia.
- Mikhailovskii, A.V. (2015), “Two literary accounts of the Great War”, *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 105–111.
- Raev, M. (1996), *Rossiya za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoi emigratsii, 1919–1939* [Russia abroad. History of the culture of Russian emigration in 1919–1939], Progress-Akademiya, Moscow, Russia.
- Sanborn, J. (2021), *Velikaya voina i dekolonizatsiya Rossiiskoi imperii* [The Great War and the destruction of the Russian Empire], Academic Studies Press, Boston, USA, Bibliorossika, Saint Petersburg, Russia.
- Shtammler, A. (1975), “F.A. Stepun”, in *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX v.* [Russian religious and philosophical thought of the 20th century], Pittsburg, USA.
- Stoff, L. (2022), *Oni srazhalis' za Rodinu: Russkie zhenshchiny-soldaty v Pervuyu mirovuyu voynu i revolyutsiyu* [They fought for their country. They fought for the Motherland: Russia's women soldiers in World War I and the Revolution], Academic Studies Press, Boston, USA, Bibliorossika, Saint Petersburg, Russia.
- Vandalkovskaya, M.G. (2015), *Prognozy postbol'shevistskogo ustroistva Rossii v emigrantskoi istoriografii (20–30-e gg. XX v.)* [Forecasts of the post-bolshevik future of Russia in emigrant historiography (1920s – 1930s)], Institut Rossii-

skoj istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Saint Petersburg, Russia.

Zander, L. (2013), "About F.A. Stepun and some of his books", in Stepun, F.A., *Pis'ma* [Letters], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Лидия А. Гаман, доктор исторических наук, доцент, Северский технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Северск, Россия; 636036, Россия, Северск, Коммунистический пр-кт, д. 65; GamanL@yandex.ru

Information about the author

Lidiya A. Gaman, Dr. of Sci. (History), associate professor, Seversk State Technological Academy, Seversk, Russia; 65, Kommunistichesky Av., Seversk, Russia, 636036; GamanL@yandex.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-71-85

Фактор военно-политического сдерживания РФ и КНР в отношениях НАТО с Австралией и Новой Зеландией

Евгений С. Коренев

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, korenev.es@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления сотрудничества НАТО с Австралией и Новой Зеландией на современном этапе в рамках антироссийской и антикитайской повестки дня. Дается оценка той роли, которую играет партнерство с этими странами для реализации стратегических целей Альянса. Автор исследует попытки Вашингтона и его союзников подключить Канберру и Веллингтон к реализации масштабных геополитических проектов на пространстве формирующегося искусственным образом Индо-Тихоокеанского региона, для того чтобы осуществить военно-политическое сдерживание Китая. Особое внимание уделяется анализу сотрудничества НАТО с австралийскими и новозеландскими партнерами на украинском направлении. Рассматривается роль Канберры и Веллингтона в оказании военной помощи Киеву, характеризуется их вклад в различные антироссийские инициативы, продвигаемые Североатлантическим альянсом. Автором впервые в отечественной науке системно исследуется одновременное участие Австралии и Новой Зеландии в геополитических проектах НАТО, нацеленных на военно-политическое сдерживание России и Китая.

Делается вывод о том, что НАТО продолжит взаимодействие со своими австралийскими и новозеландскими партнерами в среднесрочной перспективе на антироссийской и антикитайской основе. Несмотря на то что национальным интересам Австралии и Новой Зеландии не соответствует конфронтация ни с Китаем, ни с Россией, они будут участвовать в проектах, нацеленных на их сдерживание, которые инициировали США и их союзники по НАТО, поскольку будут рассчитывать получить определенные дивиденды от своих западных партнеров.

© Коренев Е.С., 2024

Ключевые слова: НАТО, Австралия, Новая Зеландия, Россия, Китай, Украина, Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Корнев Е.С. Фактор военно-политического сдерживания РФ и КНР в отношениях НАТО с Австралией и Новой Зеландией // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2024. № 6. С. 71–85. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-71-85

NATO interaction with Australia and New Zealand in the context of the military-political containment of the Russian Federation and China

Evgenii S. Korenev

Saratov State University, Saratov, Russia, korenev.es@mail.ru

Abstract. The article examines the main areas of the NATO cooperation with Australia and New Zealand at the present stage within the framework of the anti-Russian and anti-Chinese agenda. The paper assesses the role which the partnerships with these countries play in implementing the Alliance's strategic goals. The author examines the attempts of Washington and its allies to involve Canberra and Wellington in the employment of large-scale geopolitical projects in the space of the artificially formed Indo-Pacific region in order to organize a military-political deterrence of China. Special attention is paid to the analysis of the NATO cooperation with Australian and New Zealand with regards to Ukraine. The role of Canberra and Wellington in providing military assistance to Kiev is explored, and their contribution to various anti-Russian initiatives promoted by the North Atlantic Alliance is characterized. For the first time in Russian science, the author systematically studies the simultaneous participation of Australia and New Zealand in the NATO geopolitical projects aimed at military-political containment of Russia and China.

It is concluded that NATO will continue to interact with its Australian and New Zealand partners in the medium term on the anti-Russian and anti-Chinese basis. Despite the fact that it is not in the national interests of Australia and New Zealand to confront either China or Russia, they will participate in the projects which were aimed at containing these states and which were initiated by the United States and its NATO allies, since Australia and New Zealand will expect to receive certain dividends from their Western partners.

Keywords: NATO, Australia, New Zealand, Russia, China, Ukraine, Asia-Pacific

For citation: Korenev, E.S. (2024), "NATO interaction with Australia and New Zealand in the context of the military-political containment of the Russian Federation and China", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6. pp. 71–85, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-71-85

Введение

Начиная с середины 2000-х гг. Североатлантический альянс довольно активно развивал свою систему глобального партнерства. Одними из наиболее важных среди «партнеров по всему миру» для НАТО стали Австралия и Новая Зеландия, взаимодействие с которыми осуществлялось в сфере противодействия терроризму, киберугрозам и распространению ОМУ. Однако в последние годы Альянс смог подключить эти государства и к формирующейся системе военно-политического сдерживания РФ и КНР. Учитывая происходящие в мире процессы, исследование того, как НАТО использует Канберру и Веллингтон для противодействия Москве и Пекину, представляется довольно актуальным.

В отечественной и зарубежной литературе нет комплексных исследований, посвященных данной проблематике. Есть лишь отдельные работы, в которых рассматриваются определенные аспекты взаимодействия государств–членов НАТО с Австралией и Новой Зеландией. Так, среди российских исследователей стоит выделить О.Г. Леонову [Леонова 2022], В.Н. Тимошенко [Тимошенко 2022], Г.В. Горопчина¹, В.О. Щербунова [Щербунов 2021], среди зарубежных экспертов нужно отметить статьи Р. Лайона², Дж. Миллера³, С. Фрюлинга [Frühling 2016]. В этих работах повышенное внимание авторы в основном уделяют анализу функционирования таких

¹ *Горопчин Г.В.* Quo vadis, Quad? История и перспективы «четырёхугольника» // Российский совет по международным делам. 28.01.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-quad-istoriya-i-perspektivy-chetyryekhugolnika/> (дата обращения 22 января 2024).

² *Lyon R.* NATO, Australia and the future partnership // The Australian Strategic Policy Institute. 14.04.2008. URL: https://ad-aspi.s3.ap-southeast-2.amazonaws.com/import/Policy_analysis22.pdf?VersionId=.EPfpyvXN61m0rYzDRoL86Ni2Wde8Naz (дата обращения 25 января 2024).

³ *Miller G.* New Zealand is getting closer to NATO // The Diplomat. 11.04.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/04/new-zealand-is-getting-closer-to-nato/> (дата обращения 25 января 2024).

форматов, как AUKUS и QUAD, либо двустороннего сотрудничества США с Австралией и Новой Зеландией. На исследовании примерно тех же сюжетов сосредотачиваются китайские эксперты, такие как С. Ху⁴, Ш. Янг и А. Фан⁵, которые лишь поверхностно анализируют усиление связей НАТО с партнерами в АТР, концентрируясь на изучении процесса развития новых структур безопасности, созданных в регионе Вашингтоном, с позиции национальных интересов КНР.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы определить то, как США и их союзники по НАТО используют австралийских и новозеландских партнеров в своих геополитических целях, осуществляя сдерживание России и Китая. Для этого потребуются решить две ключевые задачи: 1) проанализировать участие Австралии и Новой Зеландии в оказании военной помощи Украине в период СВО; 2) проследить роль Канберры и Веллингтона в деятельности антикитайских альянсов в АТР, организованных США. Для реализации намеченной цели и выполнения поставленных задач потребуется привлечение различных источников. Прежде всего речь идет о материалах СМИ, дающих возможность понять то, как осуществляется сотрудничество сторон.

Что касается методологической основы исследования, то, прежде всего, упор делался на общенаучные методы: анализ и синтез (исследование общей схемы НАТО по военно-политическому сдерживанию РФ и КНР и ее отдельных компонентов), индукция и дедукция (выявление того, как США и их союзники по НАТО используют австралийских и новозеландских партнеров для решения локальных и крупных геополитических задач), абстрагирование (сосредоточение только на рассмотрении тех компонентов сотрудничества Австралии и Новой Зеландии с НАТО, которые могут иметь отношение к военно-политическому сдерживанию РФ и КНР), сравнение (сопоставление подходов Австралии и Новой Зеландии к РФ и КНР).

⁴ *Hu X.* A disgusting performance for US to use NATO to confront China // Global Times. 13.07.2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202307/1294261.shtml> (дата обращения 23 июля 2024).

⁵ *Fan A., Yang S.* China warns NATO against destabilizing Asia-Pacific // Global Times. 12.07.2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202307/1294249.shtml> (дата обращения 23 июля 2024).

Участие Австралии и Новой Зеландии в оказании военной помощи Украине в период СВО

После начала специальной военной операции РФ на Украине Североатлантический альянс предпринял серьезные усилия для формирования широкого международного антироссийского фронта, используя для этого возможности своих партнерских механизмов. Безусловно, особая роль отводилась проверенным партнерам, таким как Австралия и Новая Зеландия. Несмотря на свою удаленность от зоны украинского конфликта, обе страны довольно быстро включились в военную, политическую и экономическую поддержку Украины, тем более что в предыдущие годы они уже проявляли определенную активность на данном направлении. Такая последовательная антироссийская позиция не осталась незамеченной Москвой. Австралия и Новая Зеландия были включены в перечень недружественных России стран с момента его создания⁶.

Для Новой Зеландии начало специальной военной операции стало фактором, предопределившим оказание военной помощи Украине, хотя до того момента она никогда этого не делала. В марте 2022 г. премьер-министр страны Джасинда Ардерн заявила о том, что Веллингтон выделяет в целевой фонд НАТО для оказания Киеву нелетальной военной помощи 5 млн новозеландских долларов (около 3,5 млн долл. США)⁷. Эти средства должны были быть использованы для поставки топлива, продовольствия, средств связи и аптек. Планировалось также отправить более 1 тыс. пластин для бронежилетов, 500 касок и 570 камуфляжных бронежилетов из собственных запасов. Правда, на тот момент Веллингтон отказывался от передачи Киеву летального оружия.

В начале апреля 2022 г. стало известно о том, что Новая Зеландия на два месяца отправит в Европу транспортный самолет Hercules C-130 и 50 человек личного состава, которые будут помогать осуществлять перевозку военной помощи для нужд ВСУ, а также 8 специалистов в координационный центр

⁶ Перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения 20 января 2024).

⁷ Новая Зеландия намерена выделить Киеву \$3,5 млн на нелетальное оружие // Regnum. 21.03.2022. URL: <https://regnum.ru/news/3539308> (дата обращения 20 января 2024).

в Германии, для того чтобы принимать участие в организации этого процесса. Помимо этого, Веллингтон принял решение о выделении 13,1 млн долл. США на закупку оружия и боеприпасов для Украины. По всей видимости, новозеландские власти по-прежнему хотели обойтись без прямых поставок вооружения Киеву, пытаясь ограничиться лишь выделением финансирования на военные нужды. Однако премьер-министр Новой Зеландии Джасинда Ардерн четко дала понять, что ее страна будет в любом случае помогать Украине: «Наша поддержка заключается в том, чтобы помочь украинской армии отразить жестокое российское вторжение, потому что мир в регионе Европы нужен для глобальной стабильности»⁸.

В июне 2022 г. все-таки стало известно о запуске поставок новозеландского вооружения Украине. Новая Зеландия, в частности, приняла решение отправить ВСУ легкие 105-мм гаубицы L119⁹. До этого в мае в Великобританию были направлены 30 новозеландских военнослужащих, которые в тесной координации с инструкторами из стран НАТО проводили обучение для нескольких сотен украинских военных. В последующие месяцы Новая Зеландия увеличила финансирование Украины вплоть до 21 млн долл. США, причем более половины этой суммы было потрачено на покупку вооружения и боеприпасов¹⁰.

Возможности Веллингтона оказались неограниченными. Это стало понятно уже в конце сентября 2022 г., когда глава минобороны Новой Зеландии Пеени Хенаре заявил о том, что его страна больше не сможет оказывать военную помощь Украине, поскольку новозеландский ВПК просто не способен обеспечить ВСУ необходимым вооружением: «Украина обращалась к нам с просьбой о поставках ракетных систем HIMARS, систем ПВО для сухопутных войск, а также систем ПВО класса “земля-море” ...у Новой Зеландии нет ничего, что хотела бы получить

⁸ Новая Зеландия направит в Европу самолет Hercules для перевозки вооружений для Украины // Коммерсантъ. 11.04.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5304484?ysclid=lnpw0697cz219759827> (дата обращения 22 января 2024).

⁹ Украина получит 105-мм гаубицы из Новой Зеландии // Российская газета. 03.06.2022. URL: <https://rg.ru/2022/06/03/ukraina-poluchit-105-mm-gaubicy-iz-novoj-zelandii.html?ysclid=lnpwatv5t9150229499> (дата обращения 22 января 2024).

¹⁰ Новая Зеландия отправит Украине \$2,8 млн для закупки нелетальных военных товаров // ТАСС. 27.06.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15039673> (дата обращения 22 января 2024).

Украина»¹¹. Правда, Веллингтон не отказался от предоставления Киеву дополнительной финансовой помощи для приобретения нелетального оружия и боеприпасов, зимнего обмундирования, различного оборудования для нужд Украины. Кроме того, в середине ноября 2022 г. руководство страны заявило о продлении до 31 июля 2023 г. программы подготовки украинских военнослужащих¹². Причем практически в 7 раз был увеличен контингент новозеландских военных, которые на территории Великобритании и других европейских стран НАТО тренировали бойцов ВСУ и предоставляли им разведывательную информацию.

Очевидно, что новозеландское руководство находилось под определенным давлением со стороны Североатлантического альянса в вопросе об оказании военной помощи Украине. Это стало понятно после саммита НАТО в Мадриде в июне 2022 г., на который впервые пригласили премьер-министра Новой Зеландии Джасинду Ардерн. В обмен на усиление взаимодействия с Брюсселем по различным вопросам безопасности Веллингтон был вынужден продолжать помогать Киеву, пусть и в меньших объемах.

В отличие от Новой Зеландии, для Австралии оказание военной помощи Украине было привычным делом, после начала российской специальной военной операции Канберра лишь увеличила ее объемы. В течение недели после старта СВО австралийское руководство скорректировало свои первоначальные планы по поддержке Киева. Сперва планировалось направить Украине на военные и гуманитарные нужды всего 3 млн долл. США. Однако уже 1 марта 2022 г. премьер-министр страны Скотт Моррисон заявил о том, что Австралия выделила 50,6 млн долл. США на покупку летального вооружения для Украины, и еще 25 млн долл. США направлены на гуманитарную помощь: «Подавляющая часть пакета пойдет на приобретение летальных вооружений. Мы говорим в том числе о ракетах и боеприпасах для помощи Украине в защите родной земли»¹³.

¹¹ В Минобороны Новой Зеландии сообщили, что не смогут оказывать военную помощь Украине // RT. 27.09.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1054008-novaya-zelandiya-pomosch> (дата обращения 23 января 2024).

¹² Новая Зеландия продлила программу подготовки бойцов ВСУ до августа 2023 г. // Газета.ру. 14.11.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2022/11/14/19028491.shtml?updated> (дата обращения 23 января 2024).

¹³ Австралия направит Украине более \$75 млн на оружие и гуманитарную помощь // Коммерсантъ. 01.03.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5238295> (дата обращения 23 января 2024).

В конце апреля 2022 г. стало известно, что по просьбе Киева Канберра отправит ВСУ шесть 155-миллиметровых гаубиц M777 вместе с боеприпасами к ним, общая стоимость этой поставки составила 19,1 млн долл. США¹⁴. Фактически к концу весны 2022 г. по объему военной помощи киевскому режиму Австралия обогнала целый ряд стран НАТО, причем, в отличие от некоторых из них, она поставляла на Украину тяжелое вооружение. В последующие полтора года Канберра методично наращивала объем военных поставок Киеву.

Так, например, 26 июня 2023 г. правительство Австралии приняло решение об отправке очередной партии военной помощи Украине на сумму 110 млн австралийских долларов (около 74 млн долл. США), о чем официально объявило в своем пресс-релизе: «Правительство Австралии предоставит Украине новый пакет помощи в размере 110 миллионов долларов <...> Этот пакет ...включает: 70 боевых машин, в том числе: 28 броневедомостей M113, 14 машин специального назначения, 28 средних грузовиков MAN 40M и 14 прицепов»¹⁵. Кроме того, Украине планировалось поставить артиллерийские снаряды калибром 105 миллиметров. Традиционно большое внимание было уделено экономическому аспекту поддержки Киева. Так, в частности, Австралия выделила Управлению ООН по координации гуманитарных вопросов, руководящему Украинским гуманитарным фондом, 6,6 млн долл. США. Австралийское руководство, помимо всего прочего, продлило беспопытный доступ на свой рынок для украинских товаров еще на год. В целом Австралия сохраняет готовность оказывать военную и экономическую помощь Украине, но уже в меньших объемах. Неудивительно, что готовность Канберры помогать Киеву в последние два года вызывала неизменное одобрение у руководства НАТО, которое на саммитах Альянса в Мадриде в 2022 г. и в Вильнюсе в 2023 г. подчеркивало большую роль австралийских партнеров в поддержке киевского режима.

Правда, стоит отметить, что та военная техника, которую Австралия отправляет Украине, довольно эффективно уничтожается ВС РФ. Так, в октябре 2023 г. стало известно о том, что российские военнослужащие уничтожили в зоне СВО колонну австралийских броневедомостей Bushmaster PMV. За несколько

¹⁴ Австралия направит на Украину партию тяжелого вооружения на сумму более \$19 млн // ТАСС. 27.04.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14488201> (дата обращения 23 января 2024).

¹⁵ Правительство Австралии выделит новый пакет военной помощи Киеву // РИА. 26.06.2023. URL: <https://ria.ru/20230626/postavki-1880385557.html?ysclid=ln7ugznzq8660581485> (дата обращения 25 января 2024).

месяцев до этого Австралия поставила для нужд ВСУ эти боевые машины в количестве 20 единиц на сумму около 38 млн долл. США¹⁶. Необходимо подчеркнуть, что австралийское вооружение используется Украиной и для атак на российские военные объекты, в том числе расположенные вне зоны СВО. Например, по сообщениям австралийского издания The Sydney Morning Herald, в ночь на 27 августа 2023 г. украинские вооруженные формирования осуществили атаку на аэродром Курска, применив беспилотники CORVO, разработанные компанией SYPAQ из Мельбурна по заказу минобороны Австралии и переданные Украине.

Комментируя эту ситуацию, официальный представитель МИД России М.В. Захарова дала довольно жесткую оценку действиям руководства Австралии: «В свое время с характерным для австралийского политкласса лицемерием министр обороны Австралии Р. Марлз заявил, что эти БПЛА будут использоваться получателем для осуществления воздушной разведки. Как оказалось, австралийские дроны на самом деле применяются для ударов по целям на территории России. Правительство Э. Альбанезе, верное русофобским установкам “коллективного Запада”, с энтузиазмом вносит свою лепту в антироссийскую кампанию, режиссируемую из Вашингтона»¹⁷. При этом для сравнения стоит отметить, что российское руководство менее жестко реагирует на позицию Новой Зеландии по СВО, выражая надежду на то, что страна в ближайшее время изменит свой курс, что приведет к улучшению двусторонних отношений. Подобные пожелания, в частности, озвучил заместитель министра иностранных дел РФ А.Ю. Руденко в ходе встречи с послом Новой Зеландии в России С. Уолш в марте 2024 г. по случаю завершения ее дипломатической миссии¹⁸. Очевидно, что такой подход Москвы связан с тем, что военно-политическая активность

¹⁶ ВС РФ уничтожили колонну австралийских броневиков Bushmaster PMV ВСУ в зоне СВО // Pravda.ru. 16.10.2022. URL: https://military.pravda.ru/news/1760082-broneviki_bushmaster_pmv/ (дата обращения 23 июля 2024).

¹⁷ Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ в связи с применением украинскими формированиями австралийских беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для ударов по аэродрому Курска // Министерство иностранных дел РФ. 05.09.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/au/1903118/> (дата обращения 23 июля 2024).

¹⁸ О встрече заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации А.Ю. Руденко с послом Новой Зеландии в России С. Уолш // Министерство иностранных дел РФ. 13.03.2024. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/nz/1938256/> (дата обращения 23 июля 2024).

Веллингтона, в том числе на украинском направлении, наносит гораздо меньший ущерб российским национальным интересам, нежели та политика, которую проводит Канберра.

Антикитайские альянсы в АТР: роль Австралии и Новой Зеландии

В 2010-е гг. все более наглядно стали проявляться противоречия между США и КНР. Вашингтон начал опасаться стремительного усиления Пекина, превратившегося в экономического и технологического гиганта, способного стать лидером не только в АТР, но и в мире в целом. Свои возрастающие амбиции Китай подкреплял успешным развитием ВПК и повышением боеспособности собственных вооруженных сил. В сложившихся обстоятельствах американское руководство перешло к усилению давления на КНР по ряду значимых для китайской стороны вопросов (проблема Тайваня и Гонконга, ситуация с правами человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, территориальные споры в Южно-Китайском море). Стало понятно, что США и Китай превращают АТР в арену для геополитического противостояния. Стороны перешли к укреплению отношений со своими традиционными союзниками в регионе и к поиску новых партнеров как в сфере экономики, так и в области безопасности. Для того чтобы в долгосрочной перспективе иметь больше возможностей для военно-политического сдерживания Китая и укрепления своих позиций в АТР, американцы даже попытались подключить к реализации своих масштабных задач в регионе Североатлантический альянс, который на протяжении последних 15 лет довольно успешно развивает партнерские связи с Австралией, Новой Зеландией, Республикой Корея и Японией.

Китай внимательно следит за военной активностью США и НАТО в АТР, при этом дает ей негативную оценку. Так, например, в июле 2023 г. в ходе пресс-конференции официальный представитель министерства национальной обороны КНР старший полковник Тань Кэфэй заявил, что «именно США и НАТО выступают в качестве самого крупного источника возникновения рисков и дестабилизирующего фактора для международного мира и безопасности»¹⁹. В связи с этим китайские эксперты по-

¹⁹ US, NATO biggest source of risks for international peace and security: Defense spokesperson // Ministry of National Defense of the People's Republic of China. 27.07.2023. URL: http://eng.mod.gov.cn/xb/News_213114/NewsRelease/16240418.html (дата обращения 23 июля 2024).

лагают, что, с одной стороны, Пекин должен довольно жестко реагировать на военную активность американцев и их союзников по Североатлантическому альянсу в АТР, особенно в Южно-Китайском море²⁰. С другой стороны, проблемы в отношениях КНР с НАТО и США не должны влиять на успешное взаимодействие Китая с отдельными европейскими странами и ЕС в целом, прежде всего в экономической сфере²¹. Это означает, что китайскому руководству следует избегать попадания в созданную США ловушку конфронтации между Китаем и Европой.

Поскольку в стратегическом плане противостояние с КНР является для США даже более значимым, чем геополитическое противоборство с Россией, Вашингтон в последние годы решил дополнить систему партнерств НАТО в АТР новыми гибкими форматами взаимодействия с региональными партнерами. Первоначально для этой цели предполагалось использовать Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности (QUAD), объединяющий Австралию, Индию, США и Японию. Это объединение должно было стать осевой структурой искусственно формируемого Индо-Тихоокеанского региона²².

Особое внимание QUAD стала уделять администрация Д. Трампа, которая существенно повысила геополитическую значимость данного формата взаимодействия в области безопасности. Однако в какой-то момент стало понятно, что это объединение не может решить всего спектра задач в рамках военно-политического сдерживания Китая, как минимум потому, что Индия не была готова участвовать в таких военных программах, предлагаемых США, реализация которых могла бы привести к резкому обострению отношений с Пекином. Представители экспертного сообщества КНР, несмотря на то что опасаются институализации QUAD, рассматривая данную структуру как угрозу национальной безопасности своей страны, все же отмечают непрочность данного объединения, прежде всего, из-за особой позиции Индии²³.

²⁰ *Fan A., Yang S.* Op. cit.

²¹ *Hu X.* Op. cit.

²² *Торопчин Г.В.* Quo vadis, Quad? История и перспективы «четырёхугольника». URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-quad-istoriya-i-perspektivy-chetyryekhugolnika/> (дата обращения 22 января 2024).

²³ *Wang W.* "Internal division of Quad highlights fragile nature of US mini cliques system" // *Global Times*. 25.06.2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202406/1314794.shtml> (дата обращения 23 июля 2024).

Похоже, что это осознают и в Вашингтоне. В связи с этим в сентябре 2021 г. Австралией, Великобританией и США было подписано соглашение в области безопасности, которое получило обозначение AUKUS. Данное объединение, несмотря на отсутствие каких-либо официальных заявлений на этот счет, фактически носит антикитайский характер. При этом AUKUS должен стать не просто площадкой для диалога для трех англосаксонских государств, а форматом, позволяющим наладить практическое сотрудничество в области ракетных технологий, гиперзвукового оружия, киберпространства и, конечно, в военно-морской сфере²⁴.

Китай сразу же официально выразил недовольство созданием подобной структуры. Комментируя в конце сентября 2021 г. решение о формировании AUKUS, официальный представитель Министерства национальной обороны КНР старший полковник У Цянь, заявил, что этот шаг наносит серьезный удар не только по региональной, но и по международной безопасности: «Развитие сотрудничества США, Великобритании и Австралии в сфере атомных подводных лодок в любой форме, будь то аренда, экспорт, совместные исследования и разработки, серьезно обострит гонку вооружений в регионе, подорвет региональный мир и стабильность, нанесет ущерб усилиям в области международной ядерной безопасности и поставит под угрозу мир и безопасность во всем мире»²⁵.

Опасения Китая, безусловно, понятны. Планируемая передача Австралии 8 атомных подводных лодок позволяет ей войти в элитный клуб государств, обладающих таким классом судов. Правда, в настоящее время представители австралийского экспертного сообщества заявляют о том, что такого количества субмарин не хватит для надежного обеспечения безопасности побережья страны, потребуется, как минимум, 12, а еще лучше 18 подлодок²⁶. Тем не менее благодаря такому уровню сотрудничества в воен-

²⁴ *Торопчин Г.В.* Акценты английского: к вопросу об образовании AUKUS // Российский совет по международным делам. 29.09.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktsenty-angliyskogo-k-voprosu-ob-obrazovanii-aukus/> (дата обращения 22 января 2024).

²⁵ China firmly opposes AUKUS' nuclear submarine cooperation: Defense spokesperson // Ministry of National Defense of the People's Republic of China. 01.10.2023. URL: http://eng.mod.gov.cn/xb/News_213114/TopStories/4895980.html (дата обращения 23 июля 2024).

²⁶ *Briggs P.* How many nuclear-powered submarines for Australia? // The Strategist. 12.10.2023. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/how-many-nuclear-powered-submarines-for-australia/> (дата обращения 23 января 2024).

ной сфере с лидерами Североатлантического альянса – США и Великобританией Австралия может чувствовать себя полностью защищенной и действовать более напористо в отношении КНР.

Так, например, в конце апреля 2022 г. глава австралийского оборонного ведомства Питер Даттон заявил о том, что Австралия не позволит Китаю создать свои военные базы на Соломоновых островах: «В нашем регионе, у нас на пороге, не будет китайских военно-морских баз»²⁷. Стоит отметить, что министр обороны не сказал о том, какие средства готова использовать Канберра, чтобы остановить Пекин. В свою очередь, австралийские эксперты подчеркивают, что в случае войны с Китаем Австралия не будет наносить удары по китайской территории, но вполне может рассматривать в качестве целей базы КНР в Южно-Китайском море и в южной части Тихого океана²⁸.

Новая Зеландия, конечно, не так сильно, как Австралия, вовлечена в работу других антикитайских структур в области безопасности, создаваемых США в АТР, помимо партнерства с НАТО. Веллингтон, даже ощущая поддержку со стороны стран Альянса, готов вступить лишь в ограниченную политическую конфронтацию с Пекином. Об этом свидетельствует тот факт, что в августе 2023 г. Служба безопасности и разведки Новой Зеландии (NZSIS) заявила о том, что Китай является главной силой, осуществляющей иностранное вмешательство в их страну²⁹. Подобная риторика новозеландских властей говорит о том, что они, так же как их австралийские коллеги, похоже, сделали свой выбор в глобальном противостоянии США и КНР, и он не в пользу Пекина. При этом парадоксальным образом тесное взаимодействие с Североатлантическим альянсом может позволить Новой Зеландии в ближайшее время не присоединяться к откровенно антикитайским форматам, чтобы не переходить опасную черту в отношениях с Китаем. Вряд ли в такой ситуации американцы смогут что-то предъявить своим партнерам.

²⁷ Австралия выступила против появления военных баз КНР на Соломоновых островах // Интерфакс. 24.04.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/837610> (дата обращения 25 января 2024).

²⁸ Австралия в случае войны может ударить по военным базам Китая, пишут СМИ // РИА Новости. 09.08.2023. URL: <https://ria.ru/20230809/avstraliya-1889006476.html> (дата обращения 25 января 2024).

²⁹ Разведка Новой Зеландии обвинила Китай в иностранном вмешательстве // Лента.ру. 11.08.2023. URL: https://lenta.ru/news/2023/08/11/china_new_zeland/ (дата обращения 25 января 2024).

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в последние годы развитие партнерских отношений НАТО с Австралией и Новой Зеландией осуществлялось на антироссийской и антикитайской основе. Североатлантический альянс смог привлечь Канберру и Веллингтон к оказанию военной помощи Киеву в период проведения СВО, хотя это и не отвечает их национальным интересам.

Что касается противодействия Китаю, с которым у Австралии и Новой Зеландии, являющихся частью так называемого коллективного Запада, несмотря на тесные торговые связи, действительно в последние годы возникли определенные противоречия в экономической (введение санкций и взаимные ограничения в области экспорта) и военно-политической сферах (разногласия по ситуации в Южно-Китайском море, взаимные обвинения в шпионаже и во вмешательстве во внутренние дела, а также в военной активности, направленной против интересов другой стороны), то оно в основном осуществляется не напрямую при помощи механизма партнерства НАТО. Вероятно, что в ближайшее десятилетие Североатлантический альянс займет более жесткую позицию в отношении КНР, и его роль в реализации американской стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе повысится. Пока что США пытаются использовать такие форматы, как QUAD и AUKUS, для того чтобы усилить взаимодействие с Австралией на антикитайской основе, и стараются подключить Новую Зеландию к проектам, направленным против интересов КНР, не отказываясь при этом от механизма партнерства НАТО с этими странами. В связи с этим можно прогнозировать, что Канберра и Веллингтон будут в среднесрочной перспективе прямо или косвенно вносить свой вклад в осуществляемое Альянсом военно-политическое сдерживание Москвы и Пекина.

Литература

- Леонова 2022 – *Леонова О.Г.* Влияние стратегического партнерства АУКУС на геополитическую ситуацию в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 3. С. 194–211.
- Тимошенко 2022 – *Тимошенко В.Н.* Американско-новозеландские военно-политические отношения в 2008–2020 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 2. № 2 (55). С. 217–229.
- Щербунов 2021 – *Щербунов В.О.* Военно-политические отношения Австралии и США в условиях роста влияния Китая в АТР // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 32–46.

Frühling 2016 – *Frühling S.* Australia and NATO: Six decades of cooperation // NATO and Asia-Pacific / ed. by A. Moens, B. Smith-Windsor. Rome: NATO Defense College, 2016. P. 135–154.

References

- Frühling, S. (2016), “Australia and NATO: Six decades of cooperation”, in Moens, A. and Smith-Windsor, B., eds., *NATO and Asia-Pacific*, NATO Defense College, Rome, Italy, pp. 135–154.
- Leonova, O.G. (2022), “The impact of the AUCUS strategic Partnership on the geopolitical situation in the Indo-Pacific region”, *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 194–211.
- Timoshenko, V.N. (2022), “American – New Zealand military-political relations in 2008–2020”, *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, vol. 2, no. 2 (55), pp. 217–229.
- Shcherbunov, V.O. (2021), “Military-political relations between Australia and the United States amid the growing influence of China in the Asia-Pacific”, *RSUH/ RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 32–46.

Информация об авторе

Евгений С. Корнев, кандидат исторических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; korenev.es@mail.ru

Information about the author

Evgenii S. Korenev, Cand. of Sci. (History), Saratov State University, Saratov, Russia; 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; korenev.es@mail.ru

Германия и страны Балтии: военно-политическое сотрудничество на современном этапе

Артем С. Ломакин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, lomakinartemmsu@mail.ru*

Аннотация. Сотрудничество ФРГ со странами Балтии имеет сегодня важное значение для Берлина, который видит в государствах региона один из ключевых узлов по противодействию России, а также зону своего прямого политического влияния. В условиях деградации режима международного контроля над конвенциональными вооружениями, а также роста вероятности ядерного конфликта важность данного исследования обусловливается потребностью в изучении военной политики стран-членов НАТО. В данной исследовательской работе поднимается проблема многовекторного военного сотрудничества между ФРГ и странами Балтии, а также влияние данного сотрудничества на общую систему европейской безопасности с учетом продолжающегося конфликта на Украине, который берет свое начало с 2014 г. и продолжается до сих пор, охватывая все больше географического пространства, в том числе и Балтийское море. Целью данного исследования является анализ эволюции военно-политического сотрудничества ФРГ, Литвы, Латвии и Эстонии в контексте эскалации кризиса европейской безопасности. Одним из ключевых результатов данного исследования стало рассмотрение военно-политического сотрудничества между Германией и странами Балтии с позиции военно-политической и военно-технической кооперации. Была дана оценка вызовам и потенциальным возможностям, которые открываются перед Германией и странами Балтии в контексте продолжающейся деградации архитектуры европейской безопасности. Задачами данного исследования является: проследить эволюцию военно-политических подходов ФРГ по отношению к государствам Балтии. Проанализировать текущий уровень и состояние военно-политических связей между ФРГ и государствами рассматриваемого региона. Оценить степень влияния сотрудничества Германии и стран Балтии на европейскую безопасность в контексте военно-политического кризиса в регионе.

Ключевые слова: ФРГ, военная политика, сотрудничество, НАТО, Литва, Латвия, Эстония, балтийский регион

Для цитирования: Ломакин А.С. Германия и страны Балтии: военно-политическое сотрудничество на современном этапе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 86–112. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-86-112

Germany and the Baltic States. Military-political cooperation at the present stage

Artem S. Lomakin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
lomakinartemmsu@mail.ru*

Abstract. Cooperation between Germany and the Baltic states is of great importance to Berlin, which sees the region as a key component for deterring Russia and the area of its direct political influence. With the degradation of the international conventional arms control regime and the growing probability of a nuclear conflict, the importance of this study is determined by the need to examine the military policy of the NATO member states. This research paper addresses the issue of a multi-vector military cooperation between Germany and the Baltic States and the impact of this cooperation on the overall European security system, taking into account the ongoing conflict in Ukraine, which started in 2014 and continues to this date, covering an increasing geographical area, including the Baltic Sea. One of this study's key results was examining the military-political cooperation between Germany and the Baltic states from the perspective of a military-political and military-technical cooperation. The research contains an assessment of the challenges and the potential opportunities for Germany and the Baltic states in the context of the ongoing degradation of the European security architecture. The methodological basis of this study was the theory of military force building, which allowed the author to provide an objective approach to understanding the issues of the military-political cooperation between the countries under consideration.

Keywords: FRG, military policy, NATO, Lithuania, Latvia, Estonia, Baltic region

For citation: Lomakin, A.S. (2024), "Germany and the Baltic States. Military-political cooperation at the present stage", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 86–112, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-86-112

Введение

Обозначенная тема привлекает особое внимание ученых и экспертов под различными углами зрения. Вопросы исторической

ретроспективы вклада ФРГ в НАТО и германского военного строительства в данной сфере рассматриваются в работах Ф.О. Трунова («Основные направления политико-военного сотрудничества Германии и стран Балтии на современном этапе»), М.Е. Мегема, А.Н. Саликова и И.Н. Тарасова («Отношения ФРГ и стран Балтии в рамках ЕС и НАТО»), в которых поднимается проблема эволюции военно-политического сотрудничества в сфере безопасности, а также влияние данного сотрудничества на расстановку сил в регионе. Вместе с тем в условиях новой военно-политической реальности в Европе, после начала специальной военной операции (СВО) на Украине, характер военно-политической кооперации между рассматриваемыми государствами приобретает новое значение в контексте противостояния государств коллективного Запада и РФ.

В качестве модели данного исследования выступает теория «наступательного реализма», созданная американским ученым-политологом Джоном Миршаймером. Опираясь на фундаментальный труд Д. Миршаймера «Трагедия политики великих держав» [Mearsheimer 2014] и пять столпов «наступательного реализма» (анархия международных отношений, наличие объема наступательных вооружений у великих держав, отсутствие уверенности государств относительно намерений других акторов, вектор на выживание и рациональность великих держав) и придерживаясь теории Миршаймера, можно определить ключевые операционные цели государства: локальная гегемония, максимизация благосостояния страны, достижение превосходства в рамках сухопутного компонента и необходимость достижения ядерного превосходства. Кроме того, теоретико-методологической основой исследования является теория строительства вооруженных сил. Она является аполитичной и позволяет объективно проанализировать, какие реальные задачи ставит перед собой военно-политическое руководство ФРГ. С момента объединения в 1990 г. официальный Берлин уделяет все больше внимания развитию и модернизации национальных вооруженных сил не только в плане взаимодействия с союзниками по НАТО, но и с точки зрения собственных национальных интересов¹.

Балтийский регион вновь стал ареной противостояния в рамках конфронтации по линии РФ–НАТО/Запад [Brose 2022].

¹ *Квашин А.В., Остапков В.И.* Успешное решение проблем строительства Вооруженных Сил – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности // Flot.com. 11.03.2004. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/safety/13.htm?ysclid=m307qw0jps161020936> (дата обращения 24 января 2024).

Свидетельством роста внимания к данному региону является увеличение степени гибридного противодействия и существенный рост концентрации вооруженных сил как РФ в Калининградской области и северо-западной части страны, так и стран-членов НАТО в пределах государств Балтии и Балтийского моря. Увеличение числа военных учений и маневров, в рамках которых отработываются силовые сценарии с применением ядерного оружия (ЯО)², также свидетельствует о высокой значимости Балтии в военно-стратегическом планировании и военном строительстве противостоящих сторон³.

Диверсии на газопроводах «Северный поток-1» и «Северный поток-2», а также взрыв вблизи газопровода “Balticconnector”⁴ стали крупнейшими за последнее время атаками на объекты критической инфраструктуры, направленными против энергетической безопасности стран-членов НАТО/ЕС⁵. Вместе с тем страны НАТО привели свои национальные вооруженные силы в состояние повышенной готовности⁶ и продолжают наращивать свой потенциал по линии конфронтации с РФ в Балтийском море и в государствах Балтии путем развертывания подразделений и военной инфраструктуры в рамках Расширенного передового присутствия (Enhanced Forward Presence, eFP) НАТО, миссий НАТО по патрулированию и защите воздушного и морского пространства Балтии [Ломакин 2023а], координации военного сотрудничества Объединенного экспедици-

² Geopolitik im Ostseeraum // SWP-Aktuell. 08.07.2023. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/geopolitik-im-ostseeraum> (дата обращения 7 сентября 2024).

³ *Swistek G., Paul M.* Geopolitics in the Baltic Sea Region. The “Zeitenwende” in the context of critical maritime infrastructure, escalation threats and the German willingness to lead // SWP Comment. 16.02.2023. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2023C09/> (дата обращения 7 сентября 2024).

⁴ Gastransport zwischen Finnland und Estland wegen Leck eingestellt // Focus. 10.03.2023. URL: <https://de.rt.com/europa/183052-gaspipeline-zwischen-finnland-und-estland/> (дата обращения 10 сентября 2024).

⁵ Security implications of Nord Stream sabotage // CSIS. 08.07.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/security-implications-nord-stream-sabotage> (дата обращения 29 марта 2024).

⁶ NATO's military presence in the east of the Alliance // NATO. 08.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения 29 марта 2024).

⁷ Stretching the Joint Expeditionary Force. An idea for our times // RUSI. 08.09.2023. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/stretching-joint-expeditionary-force-idea-our-times> (дата обращения 7 сентября 2024).

онного корпуса (JEF, Joint Expeditionary Force)⁷, а также в рамках нового формата «3+3» (Литва, Латвия, Эстония, Германия, Канада и Великобритания), направленного на консолидацию усилий партнеров по обеспечению безопасности в регионе. При этом механизм «3+3» официально именуется в системе НАТО как формат «4+4», в который входят также Польша и США.

Согласно обновленной Морской доктрине РФ⁸, Балтийский пролив относится к зоне обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане. Россия будет проводить курс по наращиванию и укреплению национальной военной группировки с целью повышения степени безопасности и боеготовности в случае дальнейшей эскалации кризиса европейской безопасности, в том числе и в Балтийском регионе, а также на российско-польской и российско-норвежской границах⁹.

Вместе с тем Берлин сохраняет традиционно высокий интерес к укреплению военно-политического сотрудничества со странами Балтии, так как оно в значительной степени отвечает запросам национальной безопасности ФРГ и коллективной безопасности по линии НАТО. Германия заинтересована также в формировании обновленной оборонной идентичности ЕС [Werther-Pietsch 2019], что представляет для Берлина окно возможностей, способствующее решению приоритетных задач по расширению своего влияния и укреплению трансатлантической солидарности одновременно¹⁰.

Место и цели ФРГ в диалоге с государствами Балтии

Устремления официального Берлина направлены на защиту и помощь государствам Балтии, которые были признаны Германией одной из первых сразу после их сецессии из состава СССР [Хацина 2021]. Примечательно, что в период холодной войны официальный

⁸ Морская доктрина Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации № 512 от 31 июля 2022 г. // Министерство иностранных дел. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1688734/ (дата обращения 7 сентября 2024).

⁹ Strengthening Baltic security. Next steps for NATO // CSIC. 27.06.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/strengthening-baltic-security-next-steps-nato> (дата обращения 7 сентября 2024).

¹⁰ Deutsche Marineführung bei Ostsee-Großmanöver // Zeit. 18.09.2023. URL: <https://www.zeit.de/news/2023-09/18/deutsche-marinefuehrung-bei-ostsee-grossmanoever> (дата обращения 2 сентября 2024).

Бонн наряду со своими союзниками не признавал факт вхождения государств Балтии в состав СССР, ссылаясь на нелегитимность Договора о ненападении между Германией и СССР 1939 г. [Readman 2007].

Сегодня же внешнеполитический курс ФРГ придерживается линии по активной поддержке стремлений Эстонии, Латвии и Литвы вносить более существенный вклад в реализацию военно-политического курса НАТО. Активизация военной политики Германии по отношению к данным странам может пониматься как стремление занять новое положение в НАТО путем достижения поставленных целей и задач по итогам саммитов НАТО 2022 г.¹¹ и 2023 г.¹², а также Стратегической концепции НАТО¹³. Реализация данного курса отвечает и на запросы Берлина в контексте продвижения политической концепции “Zietenwende” [Bisiada 2023] («Новая эра», «Поворотный момент». – *Прим. авт.*) в ответ на рост национально-патриотических движений в странах Балтии и Польше после начала СВО на Украине 24 февраля 2022 г.¹⁴ Среди упомянутых выше стран Германия стремится занять место в качестве гаранта безопасности [Мегем, Саликов, Тарасов 2016], союзника и надежного партнера в случае возможной эскалации¹⁵.

Можно сделать вывод о том, что политика Германии по отношению к странам Балтии является долгосрочным и планомерным политическим проектом, который требует определенных финансовых, политических, дипломатических и военных затрат, однако Германия готова к этому и продолжает усиливать свое присутствие.

Потребность в укреплении взаимоотношений между ФРГ, с

¹¹ 2022 NATO Summit // NATO. 10.01.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_196144.htm (дата обращения 29 марта 2024).

¹² Vilnius Summit Communiqué // NATO. 11.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (дата обращения 29 марта 2024).

¹³ Strategic concepts // NATO. 21.02.2023. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_56626.htm?selectedLocale=en (дата обращения 29 марта 2024).

¹⁴ Winter is coming. The Baltics and the Russia-Ukraine war // LSE Ideas. Dec. 2022. URL: <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/reports/2022-12-05-BalticRussia-FINALweb.pdf> (дата обращения 3 сентября 2024).

¹⁵ “Das ist unser Krieg“ – Der Blick der Baltischen Staten und Polens auf die Ukraine // FES. 29.03.2023. URL: <https://www.fes.de/portal-zeitenwende/artikelseite-zeitenwende/das-ist-unser-krieg-der-blick-der-baltischen-staten-und-polens-auf-die-ukraine> (дата обращения 29 сентября 2024).

одной стороны, и Эстонией, Латвией и Литвой – с другой, основывается не только на противодействии угрозе со стороны РФ. По данным исследований [Schneckener 2022], ключевыми факторами, обусловившими военное сотрудничество между Германией, странами Балтии и их реакцию на конфликт на Украине, стали:

- 1) членство в НАТО: все четыре страны являются членами НАТО, и принцип коллективной обороны альянса подчеркивает важность взаимного сотрудничества перед лицом вызовов безопасности, в том числе новых или нетрадиционных угроз международной безопасности¹⁶;
- 2) двусторонние отношения: прочные дипломатические и экономические связи между Германией и странами Балтии способствовали военному сотрудничеству, подчеркивая взаимосвязанность региональной безопасности;
- 3) интеграция в ЕС: стремление к более глубокой интеграции в Европейский союз, разделяемое странами Балтии, совпадает с поддержкой Германией более сильной европейской политики безопасности и обороны.

Балтийский регион оставался приоритетным направлением германской внешней политики и политики безопасности в период работы всех кабинетов А. Меркель, что нашло отражение в поддержке интеграции Балтийских государств по линии НАТО [Lang 2003], финансово-экономического сотрудничества¹⁷, а также в вопросах координации культурного обмена¹⁸ и проблемах обороны после начала событий на Украине зимой 2014 г. [Ворожеина, Максимов, Тарасов 2015]. Важно подчеркнуть, что ряд отечественных экспертов обозначили период 2013–2015 гг. как некий «спад диалога» [Трунов 2024], однако частота визитов федерального канцлера не может быть не учтена при проведении комплексного анализа контактов между ФРГ и стран Балтии.

¹⁶ Geopolitics in the Baltic Sea Region. The “Zeitenwende” in the context of critical maritime infrastructure, escalation threats and the German willingness to lead // SWP Comment. 10.01.2023. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2023C09_GeopoliticsBalticSeaRegion_Web.pdf (дата обращения 29 сентября 2024).

¹⁷ Estland, Lettland und Litauen // Internationales Büro. 11.02.2024. URL: https://www.internationales-buero.de/de/estland_lettland_litauen.php (дата обращения 29 сентября 2024).

¹⁸ SWP-Studie Stiftung Wissenschaft und Politik. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit // SWP Comment. 12.11.2023. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/studien/2021S15_Deutsche_Aussenpolitik.pdf (дата обращения 29 сентября 2024).

Таким образом, сотрудничество ФРГ и стран Балтии основывается на более глубоком подходе при определении степени сплоченности их взаимоотношений по вопросам организации коллективных взглядов на военную политику. Эти взгляды не ограничиваются желанием противодействия РФ, но данный вопрос усиливает степень их взаимодействия и способствует решению вопросов военного характера.

Базис военно-политического взаимодействия Германии с государствами Балтии

Комплексное понимание динамики военного сотрудничества ФРГ со странами Балтии требует рассмотрения исторического контекста, который охватывает стремление государств Балтии к обеспечению устойчивой безопасности в военно-политической сфере, в том числе при помощи старших партнеров, среди которых обозначена именно Германия. Эти взаимосвязанные нарративы формируют среду безопасности для стран-членов НАТО в Восточной Европе, без учета которых не представляется возможным дать полную оценку военной кооперации.

В период «холодной войны» страны Варшавского договора называли Балтийское море «морем мира»¹⁹. Но подлинная суть данной метафоры сводилась к утверждению “*mare clausum*” («закрытое море», *лат.*), так как именно Балтийское море представлялось морем утверждения советской военно-морской мощи [Miljan 1974]. Де-факто Балтийское море было разделено на контролируруемую Варшавским договором территорию к востоку от острова Фемарн, с одной стороны, и контролируемую НАТО территорию к западу от Фемарна до пролива Скагеррак – с другой. Дания, Федеративная Республика Германия и Норвегия занимались обеспечением безопасности той части Балтийского моря, которая входила в зону ответственности НАТО²⁰.

Более того, вместе с двумя неприсоединившимися государствами, Швецией и Финляндией, в Балтийском море существовал район, который имел важное стратегическое значение для контроля над основными морскими линиями в районе, где доминировал Варшавский договор. Как таковой, он мог бы стать объектом со-

¹⁹ Geopolitik im Ostseeraum // SWP Comment. 10.11.2022 URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/geopolitik-im-ostseeraum> (дата обращения 29 сентября 2024).

²⁰ Ibid.

ветской агрессии, но явно не рассматривался в оборонных планах НАТО [Jansson 1988]. Однако и Финляндия, и Швеция создали бое-способные силы с концепциями тотальной обороны и готовности мобилизации всего общества в интересах возможного сдерживания СССР [Wither 2020]. Территория восточной части Балтийского моря, граничащая со Швецией и Финляндией, обеспечивала стратегический военный и логистический плацдарм в случае военной конфронтации с СССР, который позволил бы НАТО обеспечить возможность для наступления и высадки десантов с моря²¹.

Таким образом, перспектива отношений ФРГ со странами Балтии после 1991 г. была в значительной степени выстроена не только на общих демократических ценностях, экономическом сотрудничестве и культурной общности, но также на основе стремления стран коллективного Запада контролировать акваторию Балтийского моря и противодействовать СССР, а затем и РФ по вопросам достижения военного преимущества на море. Сегодня политика стран НАТО в Балтии подкрепляется угрозой от КНР. Германия и союзники видят в деятельности Китая в Арктике определенную угрозу безопасности, что вызывает серьезную потребность в сосредоточении больших сил наблюдения и мониторинга со страны НАТО в Балтийском регионе и Северном море²².

Безусловно, важное место в развитии межгосударственного диалога между официальным Берлином и странами Балтии занимает формат «ВЗ+1». Возможности данного формата в перспективе создали надежные условия для ускоренной интеграции Эстонии, Латвии и Литвы в ЕС и НАТО (страны вступили в НАТО в 2004 г.) [Трунов 2019]. Близость культур, экономические связи и географическое положение – все эти факторы служат определенным базисом в выстраивании диалога между рассматриваемыми странами, и их необходимо учитывать при рассмотрении вопросов военно-политического сотрудничества между ними²³. Кроме того, именно формат «ВЗ+1» заложил основы партнерских отношений между странами, что отразилось на формировании подходов стран к вопросам безопасности, развития институтов европейской интеграции и отношений с РФ и т. д.

Данные возможности способствовали укреплению позиций стран Балтии при поддержке ФРГ в сложной системе взаимоот-

²¹ Ibid.

²² What does China's Arctic presence mean to the United States? // Rand. 29.12.2022. URL: <https://www.rand.org/pubs/articles/2022/what-does-chinas-arctic-presence-mean-to-the-us.html> (дата обращения 7 сентября 2024).

²³ Ibid.

ношений в странах коллективного Запада и налаживанию диалога по получению помощи, в том числе военно-политической. В то же время страны Балтии выражали одобрение действий Германии на международной арене. К примеру, в рамках ежегодной встречи в формате «ВЗ+1» в 2020 г.²⁴ страны договорились о взаимной поддержке и сотрудничестве по укреплению позиций в Совете Безопасности ООН, ссылаясь на продолжающийся конфликт на Украине, который имеет непосредственное отношение к странам-членам «ВЗ+1».

Германия также являлась председателем Совета государств Балтийского моря (СГБМ)²⁵ в 2022 г. Таким образом, можно отследить последовательность действий и решений по отношению к действиям РФ, а также налаживание координации по вопросам безопасности с другими членами СГБМ на фоне нового витка эскалации конфликта между РФ и Украиной в конце февраля 2022 г. Так, 3 марта того же года Совет принял решение приостановить членство РФ, а членство Беларуси остановлено в качестве государства-наблюдателя²⁶. Таким образом, платформа СГБМ, сосредоточенная на проблемах и вопросах Балтийского региона, коллективным решением исключила РФ как сторону конфликта с Украиной. По линии Совета также ведется работа по координации разминирования морского дна, где Германия также прикладывает значительные усилия²⁷.

В стремлении занять позицию лидера среди стран Балтии и обеспечить своих союзников самым необходимым перед лицом угрозы возможного масштабного вооруженного конфликта гер-

²⁴ ВЗ+1 – meeting with the Baltic countries // Auswaertiges-amt. 20.07.2020. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/laenderinformationen/estland-node/maas-b3-1/2369478> (дата обращения 4 сентября 2024).

²⁵ Germany passes presidency of the Council of the Baltic Sea States on to Finland // Auswaertiges-amt. 01.07.2023. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/europe/cooperation-in-europe/german-presidency-baltic-sea-council/2604996> (дата обращения 3 сентября 2024).

²⁶ Statement published by the Norwegian MFA: Russia suspended from the Council of the Baltic Sea States // CBSS. 03.03.2023. URL: <https://cbss.org/2022/03/03/statement-published-by-the-norwegian-mfa-russia-suspended-from-the-council-of-the-baltic-sea-states/> (дата обращения 3 сентября 2024).

²⁷ Nazi-era bombs on Baltic seabed threaten wind farms, says EU official // Financial Times. 24.07.2023. URL: <https://www.ft.com/content/1769ac48-6344-4eb6-884f-dee7096ef2e5> (дата обращения 3 сентября 2024).

манское федеральное правительство на протяжении более 30 лет самым внимательным образом отвечала на запросы Эстонии, Латвии и Литвы в сфере безопасности и обеспечения обороны.

С 2014 г. бундесвер принимает участие по линии сотрудничества с Эстонией, Латвией и Литвой в рамках миссии NATO Reinforcement Air Policing Baltic States. Из-за обострения ситуации на Украине в марте 2014 г. страны НАТО приняли решение усилить группировку миссии, а после саммита НАТО в Уэльсе приступили к практической реализации решения. В том же году было увеличено количество аэропортов на территории Эстонии и материально-техническая база миссии²⁸. Ежегодно ФРГ привлекает к участию свой военный контингент в количестве шести боевых самолетов Eurofighter, а с 2020 г. Германия смогла интегрировать центр управления Deployable Control and Reporting Centre (DCRC) в миссию Baltic Air Policing (BAP).

В 2017 г. НАТО приняло решение развернуть группировку в Польше и странах Прибалтики. Данная миссия необходима для обеспечения безопасности стран Восточной Европы и сдерживания угроз, исходящих от России [Lanoszka, Leuprecht, Muti, Derow 2019]. Под контролем бундесвера в Литве находится боевая группа национальных вооруженных сил. Всего в Литве дислоцированы четыре боевые группы (Великобритании, Канады, США, Германии), каждая из которых достигает численности до тысячи солдат и офицеров. Вышеупомянутую группировку усиливают приданные подразделения принимающей страны в г. Рукле. В задачи бундесвера входит обучение местных ВС и организация учений, а также проведение ротации каждые шесть месяцев с момента начала миссии (согласно основополагающему акту Россия–НАТО, не допускается постоянное размещение войск альянса в Восточной Европе)²⁹. В ходе боевых учений и маневров силы НАТО ведут отработку позиционных боев и обороны. Весной 2022 г. по решению германского правительства была расширена помощь со стороны бундесвера восточноевропейским

²⁸ Facing Russia's strategic challenge. Security developments from the Baltic to the Black Sea // Publications Office. 05.09.2017. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/42694c1e-e3a7-11e7-9749-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения 3 сентября 2024).

²⁹ Wissenschaftliche Dienste DB Entsendung von Soldaten der Bundeswehr im Rahmen der Beistandsinitiative "Enhanced Forward Presence" ohne Mandatierung durch den Deutschen Bundestag // Bundeswehr. 09.03.2023. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/691210/5f9070f9c0be1e5aa31dcdb0b984aef2/WD-2-016-20-pdf.pdf> (дата обращения 3 сентября 2024).

странам–членам альянса: был увеличен военный контингент в Литве, анонсировано продление миссии Air Policing в Румынии, оговорены возможности по созданию новых подразделений НАТО в Словакии, а ВМФ Германии предоставил дополнительные силы противовоздушной обороны (ПВО) и суда для обеспечения безопасности в Северном, Балтийском и Средиземном морях³⁰. Кроме того, бундесвер принимает активное участие в совместных военных учениях НАТО в Балтийском регионе.

Примечателен и тот факт, что реализация реформы бундесвера в некоторой степени сопряжена со странами Балтии и военно-технической кооперацией. Так, 3 октября 2023 г. министр обороны Германии Б. Писториус в интервью эстонским СМИ заявил о том, что развертывание бригады нового типа в размере 4 тыс. солдат и офицеров в Латвии, где Германия является рамочной нацией³¹, будет начато зимой 2024 г.³² Под определением бригады нового типа действующий министр обороны ФРГ подразумевал формирующиеся дивизии нового поколения, которые комплектуются в тесном взаимодействии и с учетом потребностей НАТО по линии VJTF. Именно они и будут представлять основу сил 45-й бригады [Ломакин 2023b]. С 1 января 2023 г. Германия является руководителем Объединенной оперативной группы высокой готовности (VJTF – Very High Readiness Joint Task Force) – головной части Сил реагирования НАТО (NRF – NATO Response Force).

6 ноября 2023 г. министерство обороны ФРГ опубликовало информацию³³, согласно которой Б. Писториус поддержал предло-

³⁰ Заявление Федерального канцлера Федеративной Республики Германия, Депутата Германского Бундестага Олафа Шольца. Берлин, 27 февраля 2022 г. // Bundesregierung. 27.02.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/заявление-ферального-канцлера-федеративной-республики-германия-депутата-германского-бундестага-олафа-шольца-берлин-27-февраля-2022-2008380> (дата обращения 3 сентября 2024).

³¹ VJTF. Very high readiness joint task force. Die Speerspitze der schnellen NATO-Eingreiftruppe. Bundeswehr 2023. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/meldungen/vjtf-speerspitze-schnelle-nato-eingreiftruppe> (дата обращения 3 сентября 2024).

³² 4000 German soldiers near Kaliningrad // B92. 03.10.2023. URL: https://www.b92.net/eng/news/world.php?yyyy=2023&mm=10&dd=03&nav_id=116748 (дата обращения 3 сентября 2024).

³³ Entscheidungen zur Brigade Litauen // BMVG. 06.11.2023. URL: <https://www.bmvg.de/de/presse/entscheidungen-zur-brigade-litauen-5699268> (дата обращения 3 сентября 2024).

жение генерального инспектора бундесвера К. Бройера по отправке в Литву 203-го танкового батальона и 122-го бронетанкового батальона. Третий же батальон новой бригады будет входить в состав ротированной под руководством Германии многонациональной боевой группы НАТО «eFP» в Литве, в которую также входят голландские и норвежские войска, – новое формирование, получившее название “Panzerbrigade 45”. Согласно заявлению, передислокация командных элементов новосозданной бригады будет осуществлена весной 2024 г., а к началу зимы того же года будет завершена переброска штаба бригады. Вместе с тем сейчас руководство страны занимается работой по модернизации восстановленных подразделений бундесвера на замену тем, которые будут переброшены в Литву. Таковыми являются 375-й и 215-й бронетанковые артиллерийские батальоны и 131-й артиллерийский батальон³⁴. Окончательное решение о переброске “Panzerbrigade 45” в Литву, как ожидается, будет закреплено в программном документе бундесвера – «Инструкции по размещению от Федерального министерства обороны BMVg». Представляется, что в задачи новой бригады будет входить работа по достижению оперативной совместности, обучению и подготовке литовских военнослужащих, а также подготовка персонала по слаживанию многонационального контингента в Литве.

Таким образом, государства Балтии стали для Германии тем самым окном возможностей, где бундесвер имеет реальную перспективу апробировать в должной мере новую систему управления, комплектования и базирования национальных вооруженных сил. Данная система является новой для относительно молодого германского государства и подразумевает развертывание крупной по военно-техническим показателям группировки, которая будет располагаться за пределами национальных границ ФРГ. В настоящий момент Германия и Литва на уровне оборонных ведомств прорабатывают варианты размещения инфраструктуры для данной бригады, а также ведут переговоры по созданию предприятия ОПК в сфере производства боеприпасов. Данный пример развития событий вокруг строительства германских оборонных предприятий может иметь под собой реальный фундамент, ведь аналогичная ситуация прослеживается вокруг строительства предприятия ОПК

³⁴ On the warpath: the development and modernisation of the Baltic states' armed forces // OSW. 05.10.2024. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2024-05-10/warpath-development-and-modernisation-baltic-states-armed> (дата обращения 3 сентября 2024).

корпорации “Rheinmetall” на Украине³⁵, а также в других странах Восточной Европы³⁶.

Важным событием с точки зрения изучения взаимоотношений ФРГ со странами Балтии стал запрет поставок эстонских ВиВТ, произведенных в Германии, на нужды Украины. Так, еще в январе 2022 г., до начала СВО, ФРГ отказала Эстонии в праве направить германские ВиВТ на нужды Украины³⁷, в то время как США, Великобритания и Польша одобрили аналогичные поставки. Уже через несколько дней Литва и Польша осудили действия Германии по недопущению поставок вооружений для усиления украинских ВС в ответ на сосредоточение крупной группировки войск РФ³⁸. Данный факт может говорить о том, что официальный Берлин не ожидал начала активных боевых действий³⁹, а значит, и не выступал инициатором по вопросу передачи ВиВТ из стран Балтии на нужды ВСУ. Таким образом, Германия не желала способствовать возможной эскалации конфликта. В данной ситуации наблюдается попытка прямого управления над поставками ВиВТ. Вместе с тем в 2022 г. ФРГ выделила 2,7% от ВВП (53,4 млрд долл.) на нужды обороны⁴⁰, а также направила Украине ВиВТ на общую сумму 12 млрд евро.

³⁵ Rheinmetall aims to build military plant in Ukraine in record-short time // Technology. 14.07.2023. URL: <https://www.technology.org/2023/07/14/rheinmetall-aims-to-build-military-plant-in-ukraine-in-record-short-time/> (дата обращения 3 сентября 2024).

³⁶ Armsmaker Rheinmetall sets up maintenance hub in Romania // Reuters. 02.04.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/armsmaker-rheinmetall-sets-up-maintenance-hub-romania-ukraine-weapons-2023-04-02/> (дата обращения 3 сентября 2024).

³⁷ Germany blocks Estonia from transferring weapons to Ukraine // Baltic Times. 23.01.2023. URL: https://www.baltictimes.com/germany_blocks_estonia_from_transferring_weapons_to_ukraine/ (дата обращения 3 сентября 2024).

³⁸ Poland and Lithuania pile pressure on Germany to supply tanks to Ukraine // Politico. 17.01.2023 URL: <https://www.politico.eu/article/davos-world-economic-forum-poland-lithuania-pressure-germany-tanks-ukraine-war-russia-andrzej-duda-gitanas-nauseda/> (дата обращения 3 сентября 2024).

³⁹ How Russia's invasion changed German foreign policy // Chatham House. 30.11.2022 URL: <https://www.chathamhouse.org/2022/11/how-russias-invasion-changed-german-foreign-policy> (дата обращения 3 сентября 2024).

⁴⁰ The military balance. 2023 // IISS. 2023 URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/> (дата обращения 3 сентября 2024).

Страны Балтии с самого начала СВО на Украине заняли позицию по безоговорочной поддержке Украины, указав на неразрывность существования действующей политической украинской системы и собственной государственности⁴¹. Заявление министра обороны Латвии А. Пабрикса о том, что если бы другие страны Европы внесли такой же вклад, как Литва, в военную поддержку Украины, то конфликт был бы уже завершен, вызвало много дискуссий в Европе⁴². В этой связи важно понимать, что поддержка государствами Балтии Украины в процентном соотношении от их ВВП (рис. 1) в период с января по октябрь 2022 г. составила 0,8% – Эстония, 0,9% – Латвия, 0,4% – Литва и занимают первое, второе и четвертое места среди стран–доноров военной помощи⁴³.

Военное сотрудничество Германии в Балтийском регионе осуществляется в основном через ее участие в НАТО и двусторонние отношения со странами этого региона, в частности с Эстонией, Латвией и Литвой. Это сотрудничество обусловлено стратегической необходимостью укрепления безопасности и сдерживания потенциальных угроз со стороны региональных противников, в первую очередь России, чьи действия на Украине и в других регионах усилили обеспокоенность стран Балтии и членов НАТО.

Сотрудничество Германии со странами Балтии в военной сфере более интенсивно по сравнению с взаимодействием с государствами региона, не являющимися членами НАТО. Это во многом объясняется взаимными гарантиями безопасности в рамках НАТО и общим восприятием угрозы с Востока. Германия значительно расширила свое участие в Усиленном передовом присутствии НАТО – ключевом элементе системы сдерживания и обороны альянса в Балтийском регионе. Немецкие войска возглавляют одну из четырех многонациональных боевых групп, размещенных в Литве, что является четким свидетельством приверженности Германии безопасности стран Балтии и стратегическим приоритетам НАТО.

⁴¹ Winter is coming: the Baltics and the Russia-Ukraine war // ISE. 05.12.2023. URL: <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/reports/2022-12-05-BalticRussia-FINALweb.pdf> (дата обращения 3 сентября 2024).

⁴² If other countries did as much the war would be over // Politico. 20.09.2022. URL: <https://www.politico.com/newsletters/national-security-daily/2022/09/20/if-other-countries-did-as-much-the-war-would-be-over-00057820> (дата обращения 25 января 2024).

⁴³ KIEL Institute for the World Economy, 2022. Ukraine support tracker, 2023. URL: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/> (дата обращения 25 января 2024).

Направление этого сотрудничества включает в себя различные совместные военные учения, обмен разведданными и наращивание потенциала. Эти мероприятия призваны повысить оперативную совместимость вооруженных сил Германии и стран Балтии, обеспечив им возможность эффективно действовать совместно в ответ на возможные кризисы. Германия, предоставив обучение и военную технику, также сыграла решающую роль в укреплении обороноспособности стран Балтии.

Перспективы будущего сотрудничества включают углубление этих военных связей и расширение роли Германии в региональных оборонных инициативах. Потенциально это может включать в себя более существенный вклад в системы противовоздушной и противоракетной обороны, расширение сотрудничества в области киберзащиты и увеличение военно-морского присутствия в Балтийском море для обеспечения безопасности на море.

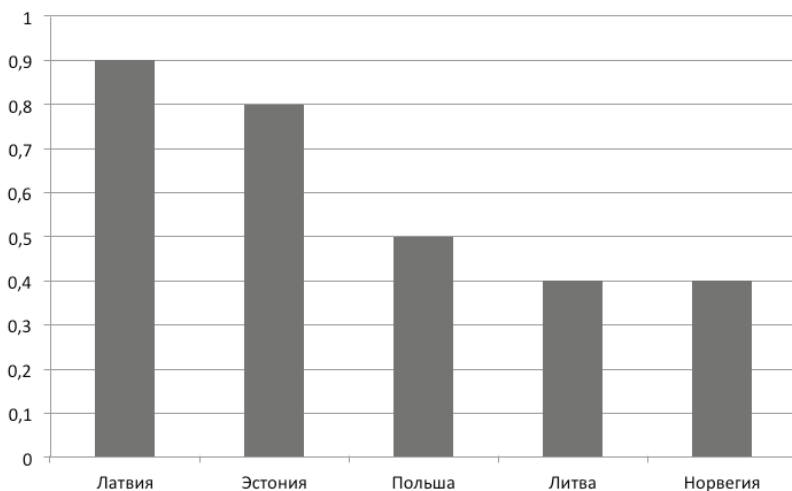


Рис. 1. Государства-лидеры по отправке военной помощи Украине (в % от ВВП)

Источник: Ukraine support tracker. ifw-kiel.de, 06.05.2023.

URL: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/> (дата обращения 11 сентября 2024)

В военно-политической сфере действия Германии в Балтийском регионе направлены на стабилизацию обстановки в регионе, сдерживание агрессии и укрепление принципов коллективной

обороны, которые занимают центральное место в стратегических целях НАТО. Эти усилия согласуются с более широкой стратегией Соединенных Штатов, которые стремятся укрепить восточный фланг НАТО против потенциальной российской агрессии и обеспечить единое и надежное присутствие альянса в критически важных регионах. Таким образом, инициативы Германии не только поддерживают местные императивы безопасности, но и вносят вклад в трансатлантическую архитектуру безопасности, укрепляя сплоченность и стратегическую согласованность между США и европейскими членами НАТО.

Эстония направила Украине 255 млн евро военной помощи в 2022 г. В перечень отправленных ВиВТ входят: ракеты “Javelin”, гаубицы, противотанковые мины, гранатометы, минометы, боеприпасы, транспортные средства, медицинское оборудование, средства индивидуальной защиты и продовольственные рационы⁴⁴. Совместно с ФРГ была реализована передача двух полевых госпиталей и медицинского оборудования⁴⁵. Кроме того, Эстония оказывает помощь по вопросам обеспечения и поддержания кибербезопасности⁴⁶.

По сведениям базы данных международной торговли ООН COMTRADE⁴⁷, в 2022 г. объем экспорта оружия, боеприпасов, деталей и частей к стрелковому оружию из Германии в Эстонию составил 2,78 млн долл. (табл. 1). В том же году объем импорта ВиВТ Литвы из Германии оружия, боеприпасов, частей и принадлежностей составил 10,44 млн долл. Примечательно, что в 2019 г. был зафиксирован резкий скачок в закупках ВиВТ на приблизительно сумму 14 млн долл. Объяснением этого скачка может являться активная работа литовских ВС по модернизации армии, особенно на нужды “eFP” (рис. 2). Что касается Латвии, то в 2022 г. объем экспорта оружия и боеприпасов, частей и принадлежностей в Латвию из Германии составил 4,48 млн долл. Речь идет о БТР Boxer, 155-мм САУ PzH 2000 и танках Leopard 2. Кроме того, осенью

⁴⁴ Republic of Estonia Ministry of Foreign Affairs. Estonia is sending Ukraine ammunition and equipment // Republic of Estonia Ministry of Foreign Affairs. 03.05.2022. URL: <https://www.kaitseministeerium.ee/en/news/estonia-sending-ukraine-ammunition-and-equip-ment> (дата обращения 10 сентября 2024).

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ National cyber security Index. National cyber security index ranking // NCSI. 05.02. 2021. URL: <https://ncsi.ega.ee/ncsi-index/?order=rank;e-Estonia, 2022. Estonia to pilot> (дата обращения 10 сентября 2024).

⁴⁷ United Nations COMTRADE database on international trade // Comtradeplus.un.org. 02.03.2023. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения 10 сентября 2024).

2023 г. Латвия и Эстония подписали рамочное соглашение с немецкой компанией “Diehl Defense” о закупке ЗПК IRIS-T SLM.

Таблица 1

Экспорт германских ВиВТ в страны Балтии за 2022 г.
(в млн долл.)

Категория ВиВТ	Страна импортер ВиВТ из Германии		
	Эстония	Латвия	Литва
Боевые системы	–	–	6,91
Бомбы, гранаты, торпеды, мины, ракеты	0,7	2,27	0,61
Пистолеты и составные детали	1,42	1,75	2,04
Пружинные, пневматические или газовые пистолеты и пистолеты-пулеметы, дубинки	0,35	0,16	0,45
Холодное оружие	0,31	0,3	0,43

Источник: United Nations COMTRADE database on international trade // Comtradeplus. 2023. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения 10 сентября 2024).

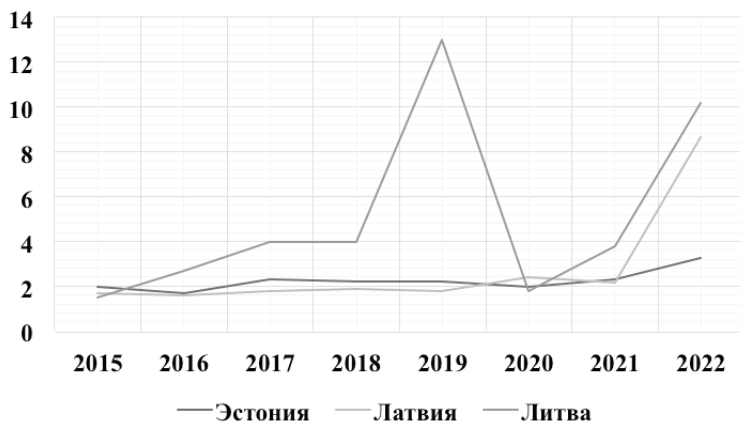


Рис. 2. Экспорт германских ВиВТ в страны Балтии (в млн долл.)
Источник: United Nations COMTRADE database on international trade // Comtradeplus. 04.02.2023. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (дата обращения 10 сентября 2024).

Эстония направила военной помощи Украине на сумму, эквивалентную 40% от своего годового военного бюджета, что представляет собой более 0,8% от ВВП государства⁴⁸. Население Эстонии составляет более 1,3 млн. После начала СВО на Украине Эстония приняла более 110 тыс. беженцев из Украины, из которых более 60 тыс. остались жить в Эстонии⁴⁹. Это способствовало увеличению населения государства на 4,6%. Численность ВС в 2022 г. достигла 7,2 тыс. солдат и офицеров (табл. 2). Согласно заявлению министерства обороны Эстонии, в 2024 г. бюджет увеличен оборонный бюджет на 42%, что будет эквивалентно 3% от ВВП, что выше на 1% от квоты НАТО, установленной альянсом в 2006 г. Кроме того, согласно договоренностям по итогам Мадридского саммита НАТО 2022 г., страны-члены НАТО договорились о направлении в Эстонию дополнительных войск из США и Великобритании⁵⁰. Однако на практике были осуществлены обратные действия: в сентябре 2022 г. Великобритания вывела половину своих сил из Эстонии, что вызвало серьезные опасения у эстонцев⁵¹. Сегодня официальный Таллин заявляет об острой необходимости развертывания дополнительных сил НАТО на территории Эстонии с требуемой для этого инфраструктурой и логистикой. Вполне вероятно, что Германия сможет заменить данные силы путем развертывания частей бундесвера.

С самого начала СВО Латвия направила Украине гуманитарной и военной помощи, соразмерной почти трети всего национального оборонного бюджета, выделив в общей сложности 0,9% (298 млн евро) гуманитарной, финансовой и военной помощи⁵². Среди поставок

⁴⁸ Ukraine Support Tracker // Kiel Institute for World Economy. 08.10.2022. URL: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/> (дата обращения 25 января 2024).

⁴⁹ 60 000 Ukrainian war refugees have stayed in Estonia since February 24 // Eesti Rahvusringhääling News. 10.10.2022. URL: <https://news.err.ee/1608744949/ska-60-000-ukrainian-war-refugees-have-stayed-in-estonia-since-february-24> (дата обращения 25 января 2024).

⁵⁰ Baltic defense after Madrid // Foreign Policy Research Institute. 28.07.2022. URL: <https://www.fpri.org/article/2022/07/baltic-defense-after-madrid/> (дата обращения 25 января 2024).

⁵¹ Britain to halve soldiers in Estonia force amid rising tension with Russia // The Times. 03.05.2022. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/britain-to-halve-soldiers-estonia-russia-tensions-lcw9h72rn> (дата обращения 25 января 2024).

⁵² Latvian aid to Ukraine equivalent to 0.8% of GDP // LSM. 18.08.2022. URL: <https://eng.lsm.lv/article/society/society/latvian-aid-to-ukraine-equivalent-to-08-of-gdp.a469983/> (дата обращения 25 января 2024).

ВиВТ были обозначены: машины скорой помощи, зенитные установки «Стингер», вертолеты «Ми-17» и 155-мм гаубицы⁵³. Кроме того, национальная армия Латвии была увеличена на 500 человек и достигла 7,2 тыс. солдат и офицеров (см. табл. 2). В 2022 г. оборонный бюджет Латвии составил 2,2% от ВВП (758 млн евро) и предусматривает постепенное увеличение в течение трех лет до показателя 2,5%. В стране с населением около 1,9 млн человек официально зарегистрировано свыше 40 тыс. украинских беженцев.

Важно обозначить, что сотрудничество ФРГ и стран Балтии по линии помощи Украине также соответствует целям и задачам официального Берлина по шефству и организации коллективных поставок помощи, что также активизирует работу военно-промышленного комплекса, направленного в том числе и на выполнение оборонных заказов для рассматриваемых стран. Создание подобной «замкнутой» среды для ФРГ является важным направлением работы, что находит свое отражение в поддержании высокой степени взаимодействия со своими союзниками.

Политика стран Балтии по отправке военной и финансовой помощи на Украину имеет прямое отношение к совместному видению и пониманию перспектив эскалации кризиса европейской безопасности со стороны Берлина, Вильнюса, Риги и Таллина. Отправка военной помощи напрямую стимулирует и продвигает повестку усиления военно-технической кооперации стран Балтийского региона, которые являются активными заказчиками германских ВиВТ⁵⁴. В нынешних же условиях Литва, Латвия и Эстония в значительной степени нуждаются в новых закупках германских вооружений, так как, с одной стороны, это закрывает потребность армий данных государств в условии активных поставок на Украину, а с другой – поставки германских ВиВТ будут направлены на модернизацию национальных вооруженных сил, которая необходима сегодня в условиях активизации военно-политического взаимодействия в регионе. Кроме того, оказание военной помощи Украине со стороны стран Балтии является важным репутационным шагом для германского ВПК, который в определенной степени заинтересован в поиске путей по поддержанию и возможному наращиванию

⁵³ Ukraine support tracker – a database of military // Financial and humanitarian aid to Ukraine. 07.10.2022. URL: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/?cook-ieLevel=not-set> (дата обращения 25 января 2024).

⁵⁴ Germany assures Baltic states of military support // Ahk-Balt. 31.05.2023. URL: <https://www.ahk-balt.org/news/news-details/germany-assures-baltic-states-of-military-support> (дата обращения 12 сентября 2024).

военных поставок. В конечном счете Германия может создавать активные каналы сбыта ВиВТ в страны Балтии с целью получения конкурентного преимущества перед своими союзниками (США, Великобританией и Францией). Причем важность данных действий подчеркивалась экспертами и аналитиками еще до начала СВО на Украине⁵⁵.

В июне 2022 г. Германия приняла решение направить в Литву передовой командный пункт 41-й бронетанковой бригады, которая прибыла из Киля на пароме уже 5 сентября⁵⁶. В ближайшем будущем она будет действовать на основе ротации, однако официальный Вильнюс стремится к тому, чтобы бригада стала постоянной. В ходе встречи 14 октября 2022 г. в формате «Бухарестской девятки» министр обороны США Ллойд Остин заявил, что бригада должна стать постоянной.

Литва, страна с населением почти 2,7 млн человек, в настоящее время принимает более 70 тыс. украинских беженцев – примерно 2,6% населения, из которых почти 42 тыс. человек находятся в трудоспособном возрасте⁵⁷. К концу 2023 г. рост ВВП Литвы замедлился до 0,1%, а среднегодовая инфляция снизилась до 9%⁵⁸. При этом численность ВС Литвы достигает 23 тыс. военнослужащих, что представляет собой первенство среди своих соседей (см. табл. 2).

Главным приоритетом ФРГ в Балтии сегодня является достижение функциональной совместимости сил НАТО с технической точки зрения, развитие общей коммуникационной сети по обмену и получению информации и отчетности о событиях на границах. Кроме того, Германия преследует цели по организации работы не

⁵⁵ The Baltic States would wish Germany's new government to step up in defence and step back from Russia // ICDS. 18.02.2023. URL: <https://icds.ee/en/baltic-states-would-wish-germanys-new-government-step-up-in-defence-and-step-back-from-russia/> (дата обращения 12 сентября 2024).

⁵⁶ BNS. First German brigade troops arrive in Lithuania // IRT. 05.09.2022. URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1772438/first-german-brigade-troops-arrive-in-lithuania> (дата обращения 12 сентября 2024).

⁵⁷ Statistics of war refugees from Ukraine // Lietuvos Statistika. 02.05.2023. URL: <https://osp.stat.gov.lt/ukraine-dashboards> (дата обращения 25 января 2024).

⁵⁸ Metų valstybės biudžeto svarstymas: numatomos didesnės pensijos, kompensacijos už dujas ir elektrą // IRT. 10.11.2023. URL: <https://www.lrt.lt/naujienos/verslas/4/1818100/pirmasis-2023-metu-valstybes-biudzeto-svarstymas-numatomos-didesnes-pensijos-kompensacijos-uz-dujas-ir-elektra> (дата обращения 25 января 2024).

только над собственным вкладом в коллективные проекты НАТО, а также над организацией самой этой работы и поддержания блоковой дисциплины на высоком уровне, куда войдет и защита объектов критической инфраструктуры, в том числе в Балтии.

Таблица 2

Численность ВС Эстонии, Латвии, Литвы и ФРГ (в ед.)

	Эстония	Латвия	Литва	Германия
Численность ВС	7200	6600	23 000	183 150
Резервисты	17 500	15 500	7 100	32 650
Танки	–	3	–	321
Боевые машины пехоты	44	–	30	680
Артиллерия	168	112	118	245
Боевые надводные корабли	–	–	–	11
Подводные лодки	–	–	–	6
Боевые самолеты	–	–	–	226
Боевые вертолеты	–	–	–	51

Источник: The military balance. 2023 // IISS. 02.03.2023. URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/> (дата обращения 7 сентября 2024).

Влияние сотрудничества Германии и стран Балтии на европейскую безопасность

В нынешних условиях сотрудничество и партнерство между рассматриваемыми странами можно обозначить как коллективную деятельность по противодействию Российской Федерации. Одновременно с этим страны ведут активную работу по оказанию военно-политической и военно-технической помощи Украине, подчеркивая коллективность принимаемых решений. Кроме того, Германия, Эстония, Латвия и Литва ведут работу по обеспечению региональной стабильности и ее укреплению, снижая негативные «побочные» эффекты конфликта на Украине (решение вопросов гуманитарного кризиса, распределения и приема потоков беженцев).

Еще одним фактором, оказывающим значительное влияние на архитектуру европейской безопасности, является определенная степень сплоченности и мотивация рассматриваемых государств

в их реакции на новые вызовы безопасности. Вместе с тем партнерство направлено на решение общих проблем безопасности, но некоторые проблемы сохраняются:

1. Расходы на оборону: страны Балтии столкнулись с проблемами в достижении целевых показателей расходов НАТО на оборону, что повлияло на их военный потенциал и реакцию на конфликт на Украине.

2. Реакция России: расширение военного сотрудничества может спровоцировать реакцию России – гораздо более высокое военное присутствие на своих северо-западных границах. В связи с этим необходимо проведение более осторожного, но последовательного военно-политического и дипломатического курса для предотвращения дальнейшей эскалации украинского конфликта.

3. Продолжающийся конфликт на Украине требует постоянной адаптации мер безопасности и сотрудничества между рассматриваемыми странами.

Заключение

В конце февраля 2022 г. военно-политическое сотрудничество между Германией и странами Балтии в значительной степени углубилось, что отражает их общую озабоченность проблемами безопасности и заинтересованность в развитии сотрудничества в военно-политической сфере. Ключевые события последнего времени и оценка военно-технической кооперации стран в очередной раз подчеркивают значимость этого партнерства в решении проблем, вызванных глубоким кризисом европейской безопасности, которой способствует также окончательная «поляризация» Балтийского моря.

Сотрудничество, вероятно, будет продолжать адаптироваться к новым вызовам и возможностям по мере эскалации кризиса европейской безопасности. Географическое положение государств Балтии будет способствовать дальнейшему усилению военно-политического сотрудничества между ФРГ и странами Балтии, что негативно отразится на отношениях между странами коллективного Запада и России. Установление более тесного сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности будет направлено на наращивание конвенциональных вооружений на территории Литвы, Латвии и Эстонии. Подобное накопление сил позволит выстроить новую систему военного присутствия стран НАТО в две линии. Первая – страны Балтии с военно-технической под-

держкой союзников, вторая – страны Северной Европы (Дания, Швеция, Финляндия, Норвегия), на территории которых будет подготовлена необходимая инфраструктура НАТО (ПВО, ПРО, а также, возможно, силы ядерного сдерживания), направленная на сдерживание РФ. Таким образом, государства Балтии будут являться ключевым районом по развитию военного потенциала НАТО в ближайшее время.

Опираясь на модель «наступательного реализм», можно сделать вывод о том, что сегодня перед ФРГ стоит задача налаживания военно-политического сотрудничества со странами Балтии с целью получения необходимой поддержки и укрепления германских позиций в Восточной Европе на фоне эскалации кризиса европейской безопасности и милитаризации европейского пространства. Страны Балтии в силу своего уникального географического положения притягивают все больше внимания на фоне конфликта по линии РФ–НАТО.

Партнерство рассмотренных государств будет продолжаться и по линии укрепления военного потенциала стран Балтии при активном содействии ФРГ как на основе двухсторонних отношений, так и через каналы НАТО. Прежде всего речь идет о модернизации национальных вооруженных сил в бронетанковой, военно-воздушной и противоракетной сферах. Кроме того, Германия активно занимается масштабными инфраструктурными проектами с целью дальнейшего развертывания укрупненной группировки бундесвера, а также других армий НАТО на территории Литвы. Официальный Берлин выражает готовность по выполнению обязательств перед своими балтийскими союзниками и направляет значительные силы и ресурсы на достижение поставленных целей в максимально сжатые сроки.

По мере развития ситуации на Украине это сотрудничество, вероятно, будет продолжать адаптироваться к новым вызовам и возможностям, являясь свидетельством устойчивости и адаптивности коллективных усилий по обеспечению безопасности в условиях сложной военной расстановки сил в Восточной Европе. Роль Германии в сотрудничестве со странами Балтии представляет собой роль старшего союзника, который стремится к первенству среди ведущих стран–членов НАТО. Сегодня бундесвер также принимает активное участие в обеспечении защиты восточной зоны ответственности альянса. Прежде всего речь идет о наращивании военно-политической кооперации и взаимодействия на уровне ВПК.

Литература

- Ворожеина, Максимов, Тарасов 2015 – *Ворожеина Я.А., Максимов И.П., Тарасов И.Н.* Евроатлантическая интеграция стран Балтии в политическом дискурсе Германии // *Власть*. 2015. Т. 23. № 10. С. 208–212.
- Ломакин 2023а – *Ломакин А.С.* Всеобъемлющая концепция модернизации Бундесвера // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 5. С. 69–79.
- Ломакин 2023б – *Ломакин А.С.* Анализ деятельности Федеративной Республики Германия в рамках НАТО // *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*. 2023. № 2. С. 27–37.
- Мегем, Саликов, Тарасов 2016 – *Мегем М.Е., Саликов А.Н., Тарасов И.Н.* Отношения ФРГ и стран Балтии в рамках ЕС и НАТО // *Власть*. Т. 23. № 12. С. 165–171.
- Трунов 2019 – *Трунов Ф.О.* Основные направления политико-военного сотрудничества Германии и стран Балтии на современном этапе // *Актуальные проблемы Европы*. 2019. № 3. С. 117–138.
- Трунов 2024 – *Трунов Ф.О.* Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010 – начале 2020-х гг.: военные и политические аспекты // *Балтийский регион*. 2024. Т. 16. № 1. С. 61–80.
- Хащина 2021 – *Хащина Э.Э.* Правовые акты о независимости прибалтийских республик 1988–1990 гг. как основа для моделирования механизма предотвращения сецессий // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. № 1 (14). С. 52–73.
- Bisiada 2023 – *Bisiada M.* The discursive construction of a new reality in Olaf Scholz's Zeitenwende speech // *Critical Discourse Studies*. No. 3 (21). P. 1–18. <https://doi.org/10.1080/17405904.2023.2186450>.
- Brose 2022 – *Brose J.* Ukraine-Krieg aus konfliktwissenschaftlicher Perspektive // *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*. 2022. Vol. 15. No. 2–3. P. 163–178.
- Jansson 1988 – *Jansson C.N.* The Baltic. A sea of contention // *Naval War College Review*. 1988. Vol. 41. No. 3. P. 47–61.
- Lang 2003 – *Lang K.-O.* Die baltischen Staaten vor den Toren von EU und NATO // *FES-Analyse*. Feb. 2003. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/stabsabteilung/01461.pdf> (дата обращения 25 января 2024).
- Lanoszka, Leuprecht, Muti, Derow 2019 – *Lanoszka A., Leuprecht C., Muti K., Derow J.J.R.* Leveraging the NATO enhanced forward presence two years on // *The Riga Conference Papers 2019: NATO at 70 in the Baltic Sea Region*. Vol. 41. No. 7. P. 15–31.
- Mearsheimer 2014 – *Mearsheimer J.* The tragedy of great power politics. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2014. 256 p.
- Miljan 1974 – *Miljan T.* The Baltic Sea: Mare Clausum or Mare Liberum? // *Cooperation and Conflict*. 1974. Vol. 9. P. 19–28.
- Readman 2007 – *Readman K.S.* The Baltic question in West German politics, 1949–1990 // *Journal of Baltic Studies*. 2007. Vol. 38. No. 2. P. 153–178.

- Schneckener 2022 – *Schneckener U.* Gestörter Empfang: Putins Kriegsnarrative und die deutsche Russlandpolitik // *Zeitschrift für Friedens- und Konfliktforschung*. 2022. Vol. 11. P. 279–293.
- Werther-Pietsch 2019 – *Werther-Pietsch U.* Comprehensive approach 3.0: “Triple Nexus” // *Österreichische Militärische Zeitschrift*. 2019. Vol. 2. P. 155–166.
- Wither 2020 – *Wither J.* Back to the future? Nordic total defence concepts // *Defence Studies*. 2020. Vol. 20. Iss. 1. P. 61–81.

References

- Bisiada, M. (2023), “The discursive construction of a new reality in Olaf Scholz’s Zeitenwende speech”, *Critical Discourse Studies*, vol. 21, no. 3, pp. 1–18, <https://doi.org/10.1080/17405904.2023.2186450>.
- Brose, J. (2022), “Ukraine-Krieg aus konfliktwissenschaftlicher Perspektive“, *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*, vol. 15, no. 2–3, pp. 163–178.
- Jansson, C.N. (1988), “The Baltic. A sea of contention”, *Naval War College Review*, vol. 41, no. 3, pp. 47–61.
- Khashchina, E.E. (2021), “Legal acts on the independence of the Baltic republics in 1988–1990 as a basis for modeling a mechanism for preventing secessions”, *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 1, pp. 52–73.
- Lang, K.-O. (2003), “Die baltischen Staaten vor den Toren von EU und NATO“, *FES-Analyse*, Feb. 2003, available at: <https://library.fes.de/pdf-files/stabsabteilung/01461.pdf> (Accessed 25 Jan. 2024).
- Lanoszka, A., Leuprecht, C., Muti, K. and Derow, J.J.R. (2019), “Leveraging the NATO enhanced forward presence two years on”, in *The Riga Conference Papers 2019: NATO at 70 in the Baltic Sea Region*, vol. 41, no. 7, pp. 15–31.
- Lomakin, A.S. (2023), “Analysis of the Federal Republic of Germany within the NATO”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika*, no. 2, pp. 27–37.
- Lomakin, A.S. (2023), “Comprehensive modernization concept for the Bundeswehr”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika*, vol. 67, no. 5, pp. 69–79.
- Mearsheimer, J. (2014), *The tragedy of great power politics*, W.W. Norton & Company, New York, USA.
- Megem, M.E., Salikov, A.N. and Tarasov, I.N. (2016), “EU and NATO relations between Germany and the Baltic States”, *Vlast*, vol. 23, no. 12, pp. 165–171.
- Miljan, T. (1974), “The Baltic Sea: Mare Clausum or Mare Liberum?”, *Cooperation and Conflict*, vol. 9, pp. 19–28.
- Readman, K.S. (2007), “The Baltic question in West German politics, 1949–1990”, *Journal of Baltic Studies*, vol. 38, no. 2, pp. 153–178.
- Schneckener, U. (2022), “Gestörter Empfang: Putins Kriegsnarrative und die deutsche Russlandpolitik”, *Zeitschrift für Friedens- und Konfliktforschung*, vol. 11, pp. 279–293.

- Trunov, F.O. (2019), “The main directions of political and military cooperation of Germany with Baltic states today”, *Urgent Problems of Europe*, no. 3. pp. 117–138.
- Trunov, F.O. (2024), “Peculiarities of cooperation between Germany and Lithuania in the late 2010s – early 2020s. Military and political aspects”, *Baltiiskii region*, vol. 16, no. 1, pp. 61–80.
- Vorozheina, Ya.A., Maksimov, I.P. and Tarasov, I.N. (2015), “Euro-Atlantic integration of the Baltic States in the German political discourse”, *Vlast'*, vol. 23, no. 10, pp. 208–212.
- Werther-Pietsch, U. (2019), “Comprehensive approach 3.0: ‘Triple Nexus’”, *Österreichische Militärische Zeitschrift*, vol. 2, pp. 155–166.
- Wither, J. (2020), “Back to the future? Nordic total defence concepts”, *Defence Studies*, vol. 20, iss. 1, pp. 61–81.

Информация об авторе

Арте́м С. Ломакин, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; lomakinartemmsu@mail.ru

Information about author

Artem S. Lomakin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; lomakinartemmsu@mail.ru

Истоки палестино-израильского конфликта и войны в секторе Газа 2023–2024 гг.

Сергей Л. Медведко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, smedvedko@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена возникновению палестино-израильского конфликта и его самой последней и кровопролитной фазе – войне в секторе Газа. Факты и детали этих недавних событий еще недостаточно изучены, однако мы можем осмыслить причины возникновения актов насилия и террора, боевых действий и войн, которые сотрясают Ближний Восток, в том числе в Газе. Речь пойдет об истоках возникновения палестинской проблемы. Она не только не была решена за последние почти 80 лет, но и, как никогда, сегодня обострилась. Это проявилось в разразившейся 7 октября 2023 г. в секторе Газа самой настоящей войне между палестинским движением ХАМАС и израильской армией (ЦАХАЛ), которая повлекла за собой боевые действия на территории Ливана и привела к ирано-израильскому столкновению.

В исследовании показано, что экстремизм и террор ряда палестинских движений, в частности ХАМАС, возникли не на пустом месте. Приводятся факты того, как сионистские организации, даже еще до создания государства Израиль, начали проводить акты террора на земле Палестины, а в ходе первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. эти действия приобрели, по признанию не только арабских, но и иностранных исследователей, масштаб и черты геноцида. Насилие порождало ответное насилие, а террор – антитеррор. В результате конфликт превратился в один из самых затяжных и кровопролитных в современной истории. Статья подготовлена на основе российских и зарубежных источников и литературы, а также собственных материалов автора, полученных в ходе полевых исследований во время многократных командировок на Ближний Восток, в том числе в Израиль и Палестину.

Ключевые слова: Палестина, Израиль, Газа, сионизм, война, палестинская проблема, арабо-израильский конфликт, террор, накба, беженцы

Для цитирования: Медведко С.Л. Истоки палестино-израильского конфликта и войны в секторе Газа 2023–2024 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 113–132. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-113-132

© Медведко С.Л., 2024

The origins of the Palestinian-Israeli conflict and the war in the Gaza Strip

Sergei L. Medvedko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, smedvedko@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the emergence of the Palestinian-Israeli conflict and its most recent and bloody phase – the war in the Gaza Strip. The facts and details of these recent events have not yet been sufficiently studied, but we can understand the root causes of the acts of violence, terror, military operations and wars that are shaking the Middle East, including Gaza. We will talk about the origins of the Palestinian problem. Not only has it not been resolved in the last almost 80 years, but it has also been escalated today more than ever. This was manifested in the real war that broke out on October 7, 2023, in the Gaza Strip between the Palestinian movement Hamas and the Israeli army (IDF), which led to the military actions in Lebanon and to the Iranian-Israeli clash. The study shows that extremism and terror of some Palestinian movements, in particular, Hamas, did not arise from scratch. The article presents the facts of how Zionist organizations, even before the creation of the State of Israel, started carrying out the acts of terror on the land of Palestine, and during the first Arab-Israeli war of 1948–1949. Those actions acquired, according to not only Arab, but also foreign researchers, the scale and features of genocide. Violence engendered retaliatory violence, and terror – counterterrorism. As a result, the conflict has turned into one of the longest and bloodiest in modern history. The article is based on Russian and foreign sources and literature, as well as on the author's own materials obtained during the field studies on multiple business trips to the Middle East, including Israel and Palestine.

Keywords: Palestine, Israel, Gaza, Zionism, war, Palestinian problem, Arab-Israeli conflict, terror, nakba, refugees

For citation: Medvedko, S.L. (2024), “The origins of the Palestinian-Israeli conflict and the war in the Gaza Strip”, *RSUH/ RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 113–132. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-113-132

Введение

Война, разразившаяся 7 октября 2023 г. в секторе Газа, отличается от всех предыдущих арабо-израильских. Ранее все войны носили характер противостояния арабских государств против Израиля, с которым одновременно вели боевые действия сразу

несколько арабских стран. В 1948–1949 гг., например, против молодого еврейского государства выступили Египет, Сирия, Ливан, Ирак, Иордания и даже Саудовская Аравия, в 1967 г. – Египет, Сирия, Иордания, а в 1973 г. – Египет и Сирия. В последней же войне боевые действия Израиля были направлены не против государства или одного государства, а всего лишь против одной палестинской организации под названием движение ХАМАС¹.

Война в Газе была порождена нерешенной палестинской проблемой, которая имеет ряд исторических и геополитических аспектов, оказавших влияние на весь ход арабо-израильского конфликта. А он возник прежде всего в результате создания государства Израиль и отказа его лидеров претворить резолюцию ООН от 1947 г. по предоставлению равных прав евреям и арабам при создании двух отдельных суверенных государств. При этом сегодня в Израиле проживают 7,7 млн евреев. Во всем же мире палестинцев и их потомков насчитывается 25 млн, в различных арабских странах их 6 млн, в Израиле – 2 млн, на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа – 5 млн. И у них нет своего государства².

Война 2023: террор против террора

Полвека спустя после последней «классической» арабо-израильской войны 1973 г. движение ХАМАС 7 октября 2023 г. начало операцию, а по сути войну против Израиля. Боевики произвели пуски тысяч ракет по израильской территории, убили 1200 человек (большой частью мирных граждан) и захватили еврейских заложников, тоже в основном гражданских. В Израиле назвали этот акт террора «худшим днем насилия за 75-летнюю историю» еврейского государства³ и приступили к ответной операции. Началась ответная операция. В результате жертв среди палестинского населения стало в 20 раз больше, чем среди еврейского. Убитыми в Газе на 90% оказались мирные люди. Более двух миллионов палестинцев по-

¹ Аббревиатура арабского названия «харакат аль-мукавама аль-исламийа», что переводится как Исламское движение сопротивления.

² Международное обозрение. 16.02.2024 // Россия-24. 34-я минута. URL: <https://ya.ru/video/preview/18038166964298363096> (дата обращения 3 октября 2024).

³ High civilian toll in Gaza is cost of crushing Hamas, Israeli military officials say // Reuters. 19.12.2023. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2023-12-19/high-civilian-toll-in-gaza-is-cost-of-crushing-hamas-israeli-military-officials-say> (дата обращения 5 октября 2024).

кинули дома. Непропорциональный масштаб возмездия Израиля вызвал протест во всем мире. Если в первые дни войны симпатии мирового сообщества оказались не стороне еврейского государства, то по мере того, как жертвы среди палестинских женщин и детей стали исчисляться не одним десятком тысяч, Тель-Авив подвергся осуждению повсеместно и был обвинен в терроре. Генеральная Ассамблея ООН 27 октября 2023 г. приняла резолюцию с призывом к перемирию. Документ поддержали свыше 120 стран, включая Россию. Но кровопролитие не остановилось.

Действительно, количество жертв и масштабы разрушений в Газе превосходят показатели предыдущих арабо-израильских войн. Например, в ходе 6-дневной июньской войны 1967 г. и октябрьской – 1973 г. общие потери составляли соответственно 5413 и 6450 человек. По масштабам потерь от войны в Газе отстает даже первая арабо-израильская война 1948–1949 гг., когда погибли 21 111 человек⁴.

Конфликт начался до рождения государства Израиль

Чтобы понять причины последних событий в Палестине и в Газе, вернемся на десятилетия назад, когда и были созданы предпосылки арабо-израильских войн, в том числе в Газе. Ведь тогда и была заложена та самая мина, которая многократно срабатывала, провоцируя арабо-израильские войны и конфликты в регионе, подрывая при этом любые дипломатические усилия по решению палестинского вопроса. Палестино-еврейский конфликт зародился еще в 20-х годах (задолго до начала арабо-израильского), когда в населенную арабами Палестину устремились первые еврейские поселенцы.

Стартом вооруженного противостояния считают 1948–1949 гг. Война разразилась через день после провозглашения еврейского государства. Многие полагают, что виновниками первой арабо-израильской войны и проблемы палестинских беженцев оказались якобы сами арабские государства. Однако факты опровергают это расхожее утверждение. Притеснения палестинцев, их изгнание и многочисленные убийства начались еще до появления государства Израиль. Войну развязали сионистские организации. При этом они совершали террористические акты и против ан-

⁴ The polynational war memorial. URL: http://www.war-memorial.net/Arab-Israeli_Wars-7.0 (дата обращения 4 октября 2024).

глийских военнослужащих. В 1946 г. взорвали гостиницу «Царь Давид», где размещалось английское командование [Yargu 1968, p. 58]. Жертвами стал 91 человек. Так еврейские отряды пытались показать, что борются с колонизаторами. Но прежде всего они стремились заставить палестинцев покинуть те места, которые планировали включить в состав будущего еврейского государства.

СССР предлагал создать в Палестине двуединое арабо-еврейское государство, где все имели бы равные права. Но советская инициатива не получила поддержки. Комитет ООН по Палестине 25 ноября 1947 г. одобрил план раздела Палестины, который затем был принят Генеральной Ассамблеей ООН. Согласно резолюции 181(II) от 29 ноября 1947 г., на бывшей подмандатной территории Англии в Палестине планировалось создать два государства – еврейское (площадь 14,1 тыс. кв. км, население 1 009 800 человек) и арабское (площадь 11,1 тыс. кв. км, население 758 520 человек). Для Иерусалима с окрестностями предусматривалась международная зона [Пырлин 2001, с. 70]. При этом Израиль в определенных ему границах оказался бы страной с большинством арабского населения (499 020 – евреев и 509 780 – арабов) [Никитина 1968, с. 35]. Чтобы не допустить такой ситуации, сионисты еще при британской колонизации в 20–30-х годах начали вытеснять арабских феллахов, скупая их земли [Звягельская 2012]. Если палестинцы не соглашались, их изгоняли силой и лишали имущества.

Французский исследователь Оливье Карре писал, что англичане еще до ухода из Палестины закупали для вооруженных еврейских формирований (типа Хаганы) оружие, вербовали наемников, что «позволило Израилю увеличить свою армию с лета 1948 г. до конца войны с 60 тысяч до 100 тысяч солдат, в то время как арабы смогли ей противопоставить лишь 30-тысячную армию»⁵. Российский исследователь Александр Широкопад отмечает, что против арабов сражались также «добровольцы из-за рубежа, с военным опытом после Второй мировой войны» [Широкопад 2024, с. 87].

Некоторые историки не без ехидства замечали, что израильская армия появилась на свет раньше, чем само государство Израиль. Генерал Игаль Аллон признавал, что источником регулярных военных формирований евреев в Палестине в начале XX в. была организация Хашомер, а первые еврейские подразделения создавались при английской армии еще во времена Первой мировой войны⁶.

⁵ Carré O. Proche Orient entre la guerre et la paix. P.: Ed. de l'Epi, 1974. P. 71.

⁶ Allon Y. The making of Israel army. N.Y.: Universe Books, 1970. P. 4.

Основой израильской армии стала подпольная сионистская организация Хагана в Палестине. Англичане использовали ее в Палестине для подавления арабского восстания 1936–1939 гг. Затем Хагана трансформировалась в регулярную еврейскую армию Палмах⁷. Отец-основатель Израиля Хаим Вейцман откровенно признавал, что «интересы сионизма и Великобритании в Палестине почти полностью совпадали»⁸. В обучении и оснащении Хаганы, помимо Великобритании, принимали также участие США, ФРГ, Франция, Италия⁹. Вооруженная Западом армия Израиля называлась «силами обороны». Однако на самом деле она была «не столько оборонительной, сколько агрессивной армией, агрессивной по своей тактике и, прежде всего, по своему духу и целям» [Weinstock 1969, p. 422].

В 1947 г. военизированные сионистские организации Хагана, Иргун и Штерн начали необъявленную войну против местных арабов. Они провели террористические операции в населенных пунктах: Яффа, Аккра, Иерусалим, Квазза, Саламе, Бир-Аббас, Кастель¹⁰. Апофеозом их жестокости стала ночь с 9 на 10 апреля 1948 г., когда военизированные отряды Иргун учинили резню в арабской деревне Дейр-Ясин, где было убито 254 человека, в основном женщин и детей. Весной 1948 г. сионисты устроили побоище в Акке, Хайфе, Касталь, Катамоне и в Иерусалиме¹¹. Все эти события предшествовали провозглашению Израиля и вступлению армий арабских государств в войну с ним.

По утверждению британского военного теоретика Эскина Чайлдерса, до мая 1948 г. из различных районов Палестины, перешедших впоследствии под контроль Израиля, было изгнано около 300 тысяч арабов. Бежавшие утверждали, что покинули родные места под угрозой применения оружия. Э. Чайлдерс приводит показания свидетелей, которые слышали передаваемые сионистами через рупор приказы палестинцам «уйти из Иерусалима, пока вас не убили и пока вас не постигла участь жителей Дейр-Ясина»¹². «Палестинские арабы не покинули свои дома добровольно, или подчиняясь приказам правительств арабских стран, – пишет ан-

⁷ *Dayan M.* Story of my life, N.Y.: William Morrow and Company Inc., 1976. P. 75–77.

⁸ *Crossman R.* A nation reborn. N.Y.: Atheneum Publishers, 1960. P. 40.

⁹ *Тума Э.* Военная доктрина Израиля и действительность // *Международная жизнь.* 1972. № 2. С. 48.

¹⁰ *Dayan M.* Op. cit. P. 93–111.

¹¹ *Allon Y.* The Making of Israel Army. P. 5.

¹² *Childers E.* The other exodus // *The Spector.* 1961. 12 May. P. 8–11.

глийский историк Арнольд Тойнби. – Они ушли под страхом смерти» [Примаков 1978, с. 13]. О подобных фактах рассказывают и израильские авторы Ури Авнери, Натан Вайншток [Weinstock 1969, р. 221], архиепископ Иаким¹³, военный историк Эдгар О'Бэлланс [O'Ballance 1957, р. 63], а также, естественно, палестинские исследователи, такие как, например, Амер Рашед [Рашед 2009, с. 320].

Несмотря на поражение арабов в первой войне, Израилю все же не удалось добиться главной цели – создать еврейское государство на всех палестинских территориях. Война переросла в перманентную арабо-израильскую конфронтацию. При этом Лондон делал ставку и на арабов – Египет, Иорданию, Ирак, которые находились от него в полукOLONиальной зависимости. Англичане тогда не только вооружали и обучали армии этих стран, но и в ряде случаев выступали в роли командиров [Vober 1972, р. 19].

«Накба» – палестинская катастрофа

Войска арабских государств Иордании, Египта, Сирии, Ирака, Ливана и Саудовской Аравии 15 мая 1948 г. вступили на территорию Палестины с целью ее защиты. Но Израилю удалось не только их разбить, но и захватить большую часть тех земель, которые в соответствии с резолюцией 181 ООН от 1947 г. предназначались палестинскому государству. По мнению посла Организации освобождения Палестины (ООП) в Советском Союзе генерала Мухаммеда аш-Шаера, арабские страны на самом деле в те годы «разыграли лишь фарс вступления арабских армий в битву» [Шаер 1978, с. 10]. Они не сумели удержать территории, на которых по решению ООН предполагалось создать арабское государство Палестины.

С фактом образования государства Израиль палестинцы связывают явление «накба». Слово это можно перевести как катастрофа, потрясение, катаклизм. Впервые термин в 1948 г. ввел сирийский историк Константин Зурейк, автор книги «Значение Накбы» [Зурейк 1948]. Понятие стало обозначать «исход со своих земель палестинцев» в 1948–1949 гг. С Западного берега реки Иордан и из сектора Газа более 700 тысяч палестинцев массово бежали, 418 их деревень оказались разрушенными¹⁴.

¹³ Le Monde. 1964. 5 Mais.

¹⁴ Morris B. Arab-Israeli war // Crimes of war. 8.11.2019. URL: <https://web.archive.org/web/20030611142809/http://crimesofwar.org/thebook/arab-israeli-war.html> (дата обращения 10 февраля 2024).

С тех пор палестинцы отмечают 15 мая как День «Накбы». Они объявляют минуту молчания, организуют марши и демонстрации. Символом Накбы стали ключи, которые для палестинских беженцев символизируют право на возвращение в свои дома¹⁵. Другим символом, как рассказал мне в Дамаске в 1988 г. Генеральный секретарь Народного фронта освобождения Палестины Жорж Хабаш¹⁶, является простая электрическая лампочка, свисающая с потолка. Я видел такие лампы в офисе и дома Хабаша. Палестинцы, находящиеся на чужбине, отказываются от люстр и светильников, демонстрируя так, что они не у себя дома. Им не до уюта.

Палестинский вопрос в порочном кругу

Первая арабо-израильская война продемонстрировала разобщенность арабского мира. Известный идеолог арабского национализма Саты аль-Хусри не без сарказма писал: «Не следует говорить, что арабы проиграли битву за Палестину, хотя их было семь государств, а следует говорить потому что их было семь государств»¹⁷. Монархические тогда государства Египет, Ирак, Иордания, Саудовская Аравия не создали единый фронт. Теоретик баасизма¹⁸ Ильяс Фарах считал, что главная причина поражения арабов заключалась в «отсталом феодальном строе и реакционном режиме государств, выступающих против Израиля» [Фарах 1972, с. 17]. Ему вторил один из лидеров баасизма, Муниф Разаз, утверждая, что «арабы проиграли войну по вине анахрони-

¹⁵ Thousands of Palestinians mark Nakba Day: We want to return to our homes // Ynetnews. 14.05.2009. URL: <https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3716117,00.html> (дата обращения 14 февраля 2024).

¹⁶ Жорж Хабаш – один из наиболее леворадикальных деятелей палестинского национально-освободительного движения, лидер Народного фронта освобождения Палестины (НФОП). Родился в 1926 г. в городе Лод под Тель-Авивом в семье палестинских христиан. В 1948 г. во время первой арабо-израильской войны его семья вынуждена была покинуть свой дом.

¹⁷ الحصري ساطع. آراء وأحاديث في القومية العربية. دراسات القومية العربية، 1969. ص. 33. [аль-Хусри С. Мнения и беседы об арабском национализме. Бейрут: Марказ дирасат аль-кауmia аль-арабия, 1969. С. 33].

¹⁸ Теория партии Баас, правящей в Сирии с 1963 г. до сего дня и с 1960-х гг. по 2003 г. в Ираке.

ческих правительства, которые не должны были бы существовать в середине XX в.»¹⁹.

По мнению американского исследователя Абу Джабера, именно с поражением арабов в войне 1948–1949 гг. связано первое активное «вторжение» арабских политиков, особенно баасистов, в сферу межарабской политики: «Палестинский кризис стал источником пробуждения национальных чувств, сыграл роль настоящего катализатора движения за арабское единство» [Abu Jaber 1966, pp. 27–28]. Палестина, по образному выражению советского историка Г. Мирского, «стала магическим словом, пользуясь им, как мечом, арабские националисты сокрушали тех, кто не признавал идеи арабского единства»²⁰.

По данным ирландского писателя и журналиста Э.Б. Чайлдерса, в течение 13 лет после возникновения Израиля число палестинских беженцев увеличилось с 1948 по 1961 г. с 650 000 до 1 145 000. И большинство из них с трудом выживало за счет помощи со стороны UNRWA – Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР)²¹. Между тем, как подсчитал американский исследователь Поул Джонсон, вопрос об арабо-израильском конфликте поднимался лишь только в период с 1948 по 1956 г. более 200 раз. Но безрезультатно [Johnson 1957, p. 18].

Захват Израилем в 1967 г. новых арабских земель, в том числе Западного берега реки Иордан и сектора Газа, усугубил ситуацию. Многие арабы бежали в Иорданию. Однако непростые отношения палестинцев с королем Хусейном привели к «черному сентябрю», когда королевская армия вступила в вооруженный конфликт с отрядами ООП и вытеснила тех в Сирию и Ливан. Не решила проблему и следующая октябрьская война 1973 г. А обосновавшиеся в Ливане отряды различных палестинских организаций вызвали там резкое недовольство правохристианских формирований, которые развязали против палестинцев боевые действия. Так, весной 1975 г. в Ливане началась 15-летняя гражданская война – одна из самых сложных и кровопролитных, в которую ввязались не только все ливанские партии и движения, но и внешние силы: Израиль, США, Франция, Сирия, опосредованно и другие арабские страны, а также Иран.

¹⁹ *Rouleau E.* Apres vingt ans d'existence tumultueuse le Baas continue a influencer la politique Arabe // *Monde Diplomatique.* 1967. Sept. P. 15.

²⁰ *Мирский Г.* Агрессия Израиля и арабское единство // *Новое время.* 1967. № 28. С. 18.

²¹ *Childers E.* The other exodus. P. 8–11.

Идея создания единого государства, которое объединило бы Израиль, Западный берег и сектор Газа, стала вновь обсуждаться среди палестинцев после войны 1967 г. Но позже палестинские движения ФАТХ и ХАМАС отвергли такую идею, так как в случае ее реализации они потеряли бы свое влияние на территориях, которые они контролируют. Для израильских же лидеров общее государство означало бы отказ от главной цели сионизма. К тому же в 90-х годах палестинцев в Израиле и на оккупированных территориях оказалось больше, чем израильян-евреев. Таким образом, израильские власти не могли бы уже объявить Израиль еврейским государством.

15 ноября 1988 г. в Алжире состоялось важнейшее для палестинцев событие. На сессии Национального совета Палестины²² ее участники приняли декларацию о независимости Палестины. На сегодняшний день Государство Палестина признают 138 государств-членов ООН из 193. Его не признали Израиль, США, Канада, Австралия, Япония и большинство стран Западной Европы.

Разговоры о едином палестино-израильском государстве с тех пор стали звучать реже и почти заглохли, когда премьер-министр Израиля Ицхак Рабин и лидер ООП Ясир Арафат подписали в 1993 г. соглашения в Осло, которое должно было дать старт переговорам по решению проблемы сосуществования двух государств. Но на этом дело снова застопорилось – Тель-Авив затягивал решение проблемы, пытаясь внушить миру мысль о «постоянной угрозе» Израилю со стороны арабов.

В мае 2004 г. практически все страны проголосовали в ООН за резолюцию 58/292. Согласно документу, в связи с правом палестинцев на самоопределение и суверенитет границы будущего независимого палестинского государства должны основываться на границах, существовавших до 1967 г. Спустя 8 лет Генассамблея ООН 29 ноября 2012 г. снова подтвердила «право палестинского народа на самоопределение и независимость в своем государстве», причем на землях, что были захвачены израильянами в 1967 г. На том же заседании собравшиеся приняли решение «предоставить Палестине статус государства-наблюдателя, не являющегося членом ООН»²³.

²² Законодательный орган Организации освобождения Палестины.

²³ Государства, не являющиеся членами ООН // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/node/125193> (дата обращения 14 февраля 2024).

Газа – сердце Палестины

Этот палестинский анклав имеет свои территориальные и исторические особенности. Газа – узкая (от 6 до 12 км) полоска земли на юге Палестины, тянущаяся на 40 км вдоль моря. Многие историки считают, что именно ей Палестина обязана своим названием. В этом месте более 3 тысяч лет назад проживал народ, именовавшийся филистимляне. От него и пошло арабское название Фыластын, известное как Палестина. С населением в 2,3 млн человек Газа сегодня – один из самых густонаселенных районов в мире.

С 2005 г. сектор изолирован как Израилем, так и Египтом, которые опасаются, что через туннели для контрабанды могут быть совершены террористические вылазки. Из-за блокады и тесноты сектор часто называют «крупнейшей в мире тюрьмой под открытым небом». Палестинские беженцы, покинувшие свои дома в ходе первой войны, и их потомки составляют 70% жителей анклава. Сектор до 1967 г. находился под контролем Египта. Но и тогда, как, например, в 1955 г. израильтяне совершали вооруженные вылазки. Их жертвами становились сотни мирных жителей Газы. Тысячи людей были согнаны с родных мест – из Яффы, Хайфы, Катамона [Медведко 1980, с. 12].

В 1967 г. Израиль оккупировал у Египта сектор Газа и Синайский полуостров. Последний вернули Египту в 1982 г. после того, как Каир признал Израиль. А в 1993 г. в соответствии с соглашениями Осло анклаву предоставлялось ограниченное самоуправление. Израиль вывел войска, оставив сектор на попечительство Палестинской администрации во главе с Арафатом. Тот открыл в Газе свою штаб-квартиру.

В 2004 г. Израиль принял план разъединения. Согласно ему 8 тысяч еврейских жителей из 21 поселения осенью 2005 г. эвакуировались из Газы, равно как и армейские подразделения [Широкорад 2024, с. 399]. Произошло это под давлением международного сообщества и непрекращающихся выступлений палестинцев. Теперь Израиль контролировал сектор Газа дистанционно, патрулируя его северные границы, территориальные воды и воздушное пространство. Египет же отвечал за южную границу Газы. При этом ни Тель-Авив, ни Каир не разрешали свободный выезд из сектора. Египетские власти опасались ХАМАС.

По данным Центрального статистического бюро Палестины, население анклава выросло с 340 тыс. человек в 1970 г. до 1,13 млн в 2000 г. и до 1,6 млн в 2010 г. В настоящее время в Газе проживает порядка 2,3 млн палестинских граждан и беженцев. Население

сектора одно из самых молодых – с наибольшей долей детей и подростков по сравнению с другими странами. В Газе не существует ни крупных промышленных предприятий, ни экспорта. Сектор зависел от Израиля в поставках питьевой воды и электроэнергии. Уровень безработицы в Газе достигал 50%. Жители находились в прямой зависимости от иностранной помощи. По утверждению канадской исследовательницы Ясмин Абу Лябан, 97% населения в секторе Газы не имеют доступа к водоснабжению, причем 90% потребляемой воды непригодна для питья [Abu-Laban 2020, p. 25].

Такое положение способствовало тому, что, в отличие от Западного берега реки Иордан, где в палестинском движении сопротивления традиционно господствовали различные светские формы права и национализма, в секторе Газы, по словам российских востоковедов А. Крылова и В. Морозова, «сначала египетская, а затем израильская оккупация способствовали радикализации населения». Оформившиеся там экстремистские исламистские политические образования ХАМАС и «Исламский джихад»*, по утверждению экспертов, пользуются в Газе достаточно большой популярностью [Крылов, Морозов 2017].

Глава «Палестинской национальной инициативы» Мустафа Баргути²⁴ уверен, что Израиль и его союзники не хотят единства палестинцев, а потому препятствуют проведению любых выборов. В ходу старый колониальный принцип «разделяй и властвуй». Сегодня он «доходит до того, что Газе хотят навязать практически колониальный статус, вновь отделив ее от Западного берега. Это совершенно неприемлемо»²⁵. Свою позицию сформулировал и глава ПНА Махмуд Аббас во время переговоров в Рамалле с госсекретарем США Энтони Блинкеном. Он назвал Газу «неотъемлемой частью палестинского государства» и подчеркнул, что палестинцы не примут план Израиля отделить анклав от Западного берега²⁶.

* Признана террористической организацией в России.

²⁴ Родился в 1954 г. в Иерусалиме. Выпускник УДН им. П. Лумумбы, член парламента Палестины.

²⁵ Мустафа Баргути // Россия в глобальной политике. 14.12.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nakazanie-bez-anestezii/?ysclid=lt37z3c047834191826> (дата обращения 26 февраля 2024).

²⁶ Мы не ждем возвращения в Газу на броне израильского или американского танка // Коммерсантъ. 2024. 12.01. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6444572?ysclid=lt33iq6e9x124782035> (дата обращения 7 октября 2024).

ХАМАС как апогей палестинского сопротивления и гнева

Впервые я увидел написанное на арабском слово «хамас»²⁷ на стенах домов в Иерусалиме, будучи там в командировке в 1989 г. Тогда я не понял, к чему бы это слово писалось мелом или краской, где только возможно. В те годы об этой организации советские люди еще толком не знали. Она возникла в конце 1987 г. на волне первой интифады.

К тому времени палестинцы разочаровались в поддержке арабского мира. «Его лидеры лишь на словах поддерживают правое дело Палестины, используя его в своих корыстных политических целях», – не раз слышал я от палестинцев. Лозунги о необходимости решения палестинского вопроса ушли в прошлое. А ведь в 60–80-х годах такие арабские лидеры, как Гамаль Абдель Насер, Хафез Асад, Саддам Хусейн, Муаммар Каддафи, строили свою политическую карьеру на заявлениях о неотвратимости решения проблемы народа Палестины. Больше всего обвиняли египетского президента Садата, предавшего дело палестинцев, заключив сепаратную сделку с Израилем в 1979 г. в Кэмп-Дэвиде. Возникло недоверие и к признанному лидеру ООП Ясиру Арафату, который, по выражению Джорджа Хабаша, «как изменник сел за стол переговоров с израильскими оккупантами»²⁸.

Разочаровавшись в идеологии светских руководителей, многие палестинцы, особенно из Газы, обратились к исламистским партиям, в том числе экстремистского толка. Так, движение ХАМАС, одно из наиболее влиятельных в Палестине, было создано египетской религиозно-политической организацией «Братья-мусульмане»^{**}. Движение привлекло к себе значительную часть населения Газы и даже Западного берега – традиционной вотчины самой первой палестинской организации ФАТХ²⁹. За последние годы ХАМАС успело набрать среди жителей больше очков, чем другие палестинские структуры, в том числе ФАТХ. В 2005 г. уход израильтян был воспринят арабами как победа этой организации. Затем она создала систему социальной помощи населению, чем снискала его поддержку. В 2006 г. на выборах в

²⁷ Переводится с арабского как энтузиазм, задор, воодушевление, смелость.

²⁸ В интервью автору в Дамаске. 05.10.1988.

^{**} Признана террористической организацией в России.

²⁹ Аббревиатура арабских слов «حركة التحرير الوطني الفلسطيني», т. е. Движение палестинского национального освобождения.

Палестинский законодательный совет движение победило, получив 74 депутатских мандата (против 45 у ФАТХ)³⁰. В 2007 г. оно изгнало Палестинскую национальную администрацию (ПНА) из Газы и захватило полный контроль над анклавом. В отличие от ПНА, ХАМАС не признает право Израиля на существование. Антиизраильские вылазки его боевиков набирали обороты. Это привело к наземным операциям армии Израиля в Газе в 2008, 2012, 2014 и 2019 гг. Они не были столь масштабны, как война 2023–2024 гг. В ходе кампаний, например, 2019 г. погибли более 1000 палестинцев, а в 2014 г. – 1500, из них 550 – дети³¹.

Оценивая войну в Газе, король Иордании Абдалла сказал: «Там погибло больше детей, чем во всех других конфликтах по всему миру за прошлый год, а из тех, кто выжил, многие потеряли одного или обоих родителей – это целое поколение сирот»³². Иорданский монарх отверг любые планы Тель-Авива, предусматривающие оккупацию сектора или создание там зон безопасности. Причина кризиса, по его словам, кроется в отказе Израиля в законных правах палестинцев.

Врач из США Ирфан Галария, трудившийся волонтером в Газе, опубликовал в феврале 2024 г. в журнале «Лос-Анджелес таймс» статью, где рассказывает о тех ужасах, с которыми столкнулось население Газы³³.

Профессор ближневосточных исследований в Sciences Po – Парижской школы международных отношений – востоковед Жан-Пьер Филиу в интервью телеканалу «Аль-Джазира» поделился своими печальными подсчетами: «ЦАХАЛ за последние 75 лет

³⁰ Корочкина В.А. Что стоит за решением М. Аббаса о роспуске Палестинского законодательного совета // Институт Ближнего Востока. 26.12.2018. URL: <http://www.iimes.ru/?p=51423&ysclid=lsbq1zrj83944149572> (дата обращения 14 февраля 2024).

³¹ UN – highest Palestinian death toll in 2014 since 1967 // Middle East Monitor. 27.03.2015. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20150327-un-highest-palestinian-death-toll-in-2014-since-1967/> (дата обращения 13 февраля 2024).

³² King Abdullah of Jordan warns of catastrophic ramifications if war in Gaza continues // Independent. 08.01.2024. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/israel-gaza-jordan-king-abdullah-b2475067.html> (дата обращения 5 октября 2024).

³³ Galaria I. I'm an American doctor who went to Gaza. What I saw wasn't war – it was annihilation // Los Angeles Times. 2024. 16 Feb. URL: <https://www.latimes.com/opinion/story/2024-02-16/rafah-gaza-hospitals-surgery-israel-bombing-ground-offensive-children> (дата обращения 2 июля 2024).

провел 15 войн против сектора Газа. Однако ни одна из этих войн не привела к решению противоречий... Эта земля насчитывает 4000 лет истории и пережила сотни войн, но нынешняя война Израиля стирает память человечества на глазах»³⁴.

Движение ХАМАС своими недавними действиями хотело продемонстрировать, что оно существует как сила, с которой нужно считаться в политическом, военном и социальном плане. Стивен Кук – один из экспертов института Эни Энрико Маттей – в интервью компании CBS News, заявил, что целью ХАМАС было втянуть Израиль в трясину, похожую на ту, в которую тот попал, когда в 1982 г. вторгся в Ливан, и ему потребовалось 20 лет, чтобы выбраться³⁵. Израиль же главной целью своей военной операции назвал уничтожение организации. Однако, как верно подметил российский журналист-политолог сирийского происхождения Аббас Джумаа, «ХАМАС это не просто определенное количество лидеров и военных командиров. Это социальное явление, которое смогло перерасти в важную региональную политическую структуру»³⁶. Тот же Мустафа Баргути считает необходимым «различать борьбу за восстановление прав палестинцев и освобождение от израильской оккупации и поддержку ХАМАС». По его данным, согласно опросам общественного мнения, при выборах в Палестине абсолютного большинства не получили бы ни ХАМАС, ни ФАТХ. В Палестине установилось бы подобие плюралистической демократии³⁷.

³⁴ French historian: Israel destroyed 4000-year-old culture in Gaza // Al-Jazeera. 11.01.2024. URL: <https://www.aljazeera.com/program/the-bottom-line/2024/1/11/french-historian-israel-destroyed-4000-year-old-culture-in-gaza> (дата обращения 9 октября 2024).

³⁵ *Reals T., D'Agata C.* Why did HAMAS attack Israel, and why now? // CBS News. 25.10.2023. URL: <https://www.cbsnews.com/news/why-did-hamas-attack-israel-and-why-now/> (дата обращения 13 февраля 2024).

³⁶ Сопrotивление миру: каковы перспективы завершения войны в секторе Газа // Известия. 2024. 02.01. URL: <https://iz.ru/1627139/prokhor-dorenko/soprotivlenie-miru-kakovy-perspektivy-zaversheniia-voiny-v-sektore-gaza> (дата обращения 6 октября 2024).

³⁷ *Баргути М.* «Коллективное наказание» без анестезии // Россия в глобальной политике. 14.11.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nakazanie-bez-anestezii/?ysclid=lt37z3c047834191826> (дата обращения 6 октября 2024).

Заключение

Как показывают реалии, корни конфликта в Газе уходят глубоко в противоречивую и сложную историю региона. Истоки кризиса кроются, прежде всего, в итогах самой первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. и провале реализации резолюций ООН. Многие арабские исследователи отмечают, что без поддержки сионистских организаций со стороны Великобритании и затем США Израиль, возможно, не сумел бы выстоять. С другой стороны, успеху Израиля в его войнах способствовало отсутствие единства среди арабов, а также междоусобная борьба среди различных отрядов палестинского движения.

События осени 2023 г. в секторе Газы – это результат отчаяния палестинцев, их протест, вызванный 75-летней несправедливостью. Потеряв надежду на помощь извне, ХАМАС решило действовать в одиночку. По словам его официального представителя, палестинцы требуют, «чтобы международное сообщество добилось прекращения зверств в Газе, унижения палестинского народа, надругательств над святыми местами, такими как Аль-Акса. Все это является причиной начала этой битвы»³⁸. Террористическая вылазка ХАМАС и захват израильских заложников 7 октября 2023 г. стали ответом палестинцев на агрессивную и дискриминационную политику Тель-Авива на земле палестинцев. Израиль же ответил «антитеррором», который приобрел масштабы войны на истребление палестинцев. Именно этим нынешняя война отличается от всех предыдущих войн. Ее жертвы – большей частью мирное население с обеих сторон, особенно палестинской. В ней одно государство – Израиль объявило войну даже не другому государству, а народному движению. И, как считают многие аналитики, в том числе на Западе, в этой войне проиграл Израиль. И хотя его потери гораздо меньше, чем у палестинцев, миф о непобедимости ЦАХАЛ оказался разрушенным. Израиль потерял сотни солдат и единиц боевой техники, а своей главной цели – уничтожения ХАМАС не добился. Он проиграл еще и потому, что утратил свой авторитет и поддержку со стороны других народов, в частности даже традиционного союзника – американцев! Из страны народа-страдальца Израиль превратился в государство-палача. К 1 декабря 2024 г. им убиты

³⁸ *Pillar P.R.* Why Hamas attacked and what happens next // Responsible Statecraft. 07.10.2023. URL: <https://responsiblestatecraft.org/hamas-attack-israel/> (дата обращения 13 февраля 2024).

44 429 палестинцев³⁹, уничтожено более 70 тысяч домов, 150 медицинских учреждений⁴⁰, сотня учебных заведений, в том числе 11 университетов, около 1000 мечетей и церквей, сотни культурных объектов... По словам Президента РФ В. Путина, «то, что происходит в Газе... на войну не очень похоже, это какое-то тотальное уничтожение гражданского населения»⁴¹.

Результатом такого курса стало повсеместное проявление антисемитизма. По признанию Всемирной сионистской организации, число проявлений антисемитизма выросло во всем мире на 500%⁴².

Палестино-израильский конфликт и, особенно, события в Газе со всей очевидностью показали, что дальнейшее замалчивание решения палестинского вопроса со стороны Израиля, как то было на протяжении десятилетий, чревато еще более масштабными войнами и терактами. Война в Газе продемонстрировала, что силой палестино-израильскую проблему не решить, и Тель-Авив будет вынужден считаться с палестинцами. Он убедился, что не в состоянии контролировать их, а следовательно, гарантировать безопасность своих граждан. Но есть и другая проблема – междоусобица палестинцев, которая лишает их единой платформы. Им необходимо свести на нет противоречия между отдельными палестинскими течениями, прежде всего, входящим в ООП ФАТХ на Западном берегу, и ХАМАС, которое находится у власти в Газе.

Чтобы решить израильско-палестинскую проблему, в том числе и кризис в Газе, требуются уступки с обеих сторон. Палестинцы должны признать государство Израиль, а израильтяне – право палестинцев на свое собственное полноценное государство в границах, предусмотренных резолюциями ООН. Конечно, вражда и недоверие сторон настолько зашкаливают, что напрямую им, пола-

³⁹ Gaza health ministry says Israel-Hamas war death toll at 44,429 // Alarabiya news. 01.12.2024. URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2024/12/01/gaza-health-ministry-says-israel-hamas-war-death-toll-at-44-429/> (дата обращения 13 декабря 2024).

⁴⁰ Israel has destroyed 1000 mosques in Gaza since 7 October // The New Arab. 21.01.2024. URL: <https://www.newarab.com/news/israel-has-destroyed-1000-mosques-gaza-7-october> (дата обращения 5 октября 2024).

⁴¹ Путин назвал ситуацию в Газе войной с уничтожением гражданского населения. 05.06.2024. URL: <https://ria.ru/20240605/putin-1950828884.html?ysclid=m211arnrhu735892996> (дата обращения 5 октября 2024).

⁴² Klein Z. Global antisemitic attacks rise by 500% since last year, WZO reveals // Jerusalem Post. 30.10.2023. URL: <https://www.jpost.com/diaspora/antisemitism/article-770828> (дата обращения 5 октября 2024).

гаю, не договориться. Решить проблему можно только с участием заинтересованных посредников. К ним относится и Россия.

К новому витку эскалации вооруженного противостояния на Ближнем Востоке привели и израильские операции по уничтожению 31 июля в Тегеране одного из лидеров ХАМАС, Исмаила Хания, а 27 сентября 2024 г. в Бейруте – генерального секретаря ливанской шиитской организации «Хезболла» Хасана Насраллы и других руководителей этого движения. В ответ Иран выпустил сотни ракет по Израилю, а тот развернул крупномасштабную сухопутную операцию на юге Ливана. Бомбардировкам подверглись не только южные районы Ливана, но и его столица, а также другие города. В этой стране с начала конфликта в Газе от израильских ударов уже погибли 3823 и ранены 15 859 человек⁴³. Сотни тысяч ливанцев покинули свои дома⁴⁴. Резко возросли и потери армии Израиля.

Казавшийся многим локальный израильско-палестинский кризис в Газе перерос в крупный региональный конфликт, в котором уже участвуют не только Израиль, Палестина, но и Иран, Йемен, Ливан. Наносятся удары и по Сирии. Резкую антиизраильскую позицию заняла Турция. Так или иначе в ближневосточный водоворот все активнее вовлекаются США, Россия и европейские страны.

Литература

- Звягельская 2012 – *Звягельская И.Д.* История государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012. 360 с.
- Зурейк 1948 – 96.ص.1948. *زريق قسطنطين معنى النكبة. بيروت: دار العلم للملايين*, [Зурейк К. Значение накбы. Бейрут: Дар аль-Ильм лиль-маляин, 1948. 96 с.]
- Крылов, Морозов 2017 – *Крылов А.В., Морозов В.М.* Исламский фактор в политическом развитии Палестины // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017. № 21. С. 32–40.
- Медведко 1980 – *Медведко Л.И.* К востоку и западу от Суэца. М.: Изд-во политической литературы, 1980. 368 с.

⁴³ Число жертв израильских ударов по Ливану возросло до 3823 человек // РИА Новости. 2024. 27.11. URL <https://ria.ru/20241127/livan-1985905115.html?ysclid=m408324dpb300839991> (дата обращения 5 октября 2024).

⁴⁴ Большинство убежищ в Ливане уже не вмещают людей, заявили в ООН // РИА Новости. 04.10.2024. URL: <https://ria.ru/20241004/livan-1976363399.html?ysclid=m1xhrlwuy8x968711887> (дата обращения 6 октября 2024).

- Никитина 1968 – *Никитина Г.С.* Государство Израиль. М.: Наука, 1968. 417 с.
- Примаков 1978 – *Примаков Е.М.* Анатомия ближневосточного конфликта. М.: Мысль, 1978. 374 с.
- Пырлин 2001 – *Пырлин Е.Д.* Сто лет противоборства: 1897–1997: Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы. М.: РОССПЭН, 2001. 480 с.
- Рашед 2009 – *Рашед А.* Палестинская проблема: история и современность. М.: Библос консалтинг, 2009. 320 с.
- Фарах 1972 – 297. ص. 1972. في السياسة العربية الثورية قبل النكسة وبعدها. بغداد: دار حورية، [Фарах И. В революционной арабской политике: до неудачи и после нее. Багдад: Дар Хуррия, 1972. 297 с.]
- Шаер 1978 – *Шаер М.* Палестинское национально-освободительное движение с 1947 по 1975 г. (Некоторые проблемы вооруженной борьбы): Автореф. на правах рукописи. М., 1978. 18 с.
- Широкоград 2024 – *Широкоград А.Б.* Израиль–Палестина: 75 лет великого противостояния. М.: Вече, 2024. 464 с.
- Abu Jaber 1966 – *Abu Jaber Kamel S.* The Ba'th socialist party. History, ideology and organization. N.Y.: Syracuse University Press, 1966. 218 p.
- Abu-Laban 2020 – *Abu-Laban Y., Bakan A.B.* Israel, Palestine and the politics of race. Exploring identity and power in a global context. L.: I.B. Tauris Publ., 2020. 341 p.
- Bober 1972 – *The other Israel / ed. by A. Bober.* N.Y.: Anchor Books, 1972. 264 p.
- Johnson 1957 – *Johnson P.* The Suez War. L.: MacGibbon & Kee, 1957. 378 p.
- O'Ballance 1957 – *O'Ballance E.* The Arab-Israeli War 1948–1949. Westpor: Hyperion Press, 1957. 220 p.
- Weinstock 1969 – *Weinstock N.* Le Sionisme contre Israel. P.: Maspero, 1969. 622 p.
- Yargy 1968 – *Yargy S.* Guerre et paix en Palestine ou l'histoire du conflit Israélo-Arab (1917–1967). P.: Editions de la Baconnière, 1968, 219 p.

References

- Abu Jaber, K. (1966), *The Ba'th socialist party. History, ideology and organization*, Syracuse University Press, New York, USA.
- Abu-Laban, Y. and Bakan, A.B. (2020), *Israel, Palestine and the politics of race. Exploring identity and power in a global context*, I.B. Tauris Publ., London, UK.
- Bober, A. (1972), *The other Israel*, Anchor Books, New York, USA.
297. ص. 1972. في السياسة العربية الثورية قبل النكسة وبعدها. بغداد: دار حورية، [Farah, E. (1972), In the revolutionary Arab policy before the failure and after it. Dar Hurriyah, Bagdad, Iraq]
- Johnson, P. (1957), *The Suez War*. MacGibbon & Kee, London, UK.
- Krylov, A.V. and Morozov, V.M. (2017), “The Islamic factor in the political development of Palestine”, in *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, no. 21, pp. 32–40.

- Medvedko, L. (1980), *K vostoku i zapadu ot Suetsa* [To the East and West of Suez], Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, USSR.
- Nikitina, G.S. (1968), *Gosudarstvo Izrael* [The State of Israel], Nauka, Moscow, USSR.
- O'Balance, E. (1957), *The Arab-Israeli War 1948–1949*, Hyperion Press, Westport, USA.
- Primakov, E.M. (1978), *Anatomiya blizhnévostochnogo konfliktá* [Anatomy of the Middle East conflict], Mysl', Moscow, USSR.
- Pyrlin, E.D. (2001), *Sto let protivoborstva. 1897–1997. Genezis, evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy resheniya palestinskoi problemy* [A hundred years of confrontation. 1897–1997. Genesis, evolution, current state and prospects of solving the Palestinian problem], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Rashed, A. (2009), *Palestinskaya problema: istoriya i sovremennost* [The Palestinian problem. History and modernity], Biblos Konsalting, Moscow, Russia.
- Shirokorad, A.B. (2024), *Izrail – Palestina. 75 let velikogo protivostoyaniya* [Israel – Palestine. 75 years of the great confrontation], Veche, Moscow, Russia.
- Weinstock, N. (1969), *Le Sionisme contre Israel*, Maspero, Paris, France.
- Yargy, S. (1968), *Guerre et paix en Palestine ou l'histoire du conflit Israélo-Arab (1917–1967)*, Editions de la Baconnière, Paris, France.
- Zvyagel'skaya, I. (2012), *Istoriya gosudarstva Izrail* [The history of the State of Israel], Aspekt Press, Moscow, Russia.
96. Zureyk, K. (1948), *معنى النكبة. بيروت: دار العلم للملايين، 1948. ص. 96.* [Zureyk, K. (1948), The meaning of disaster. Dar al-Ilm lilmalyaen, Beirut, Lebanon]

Информация об авторе

Сергей Л. Медведко, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; smedvedko@mail.ru

Information about the author

Sergei L. Medvedko, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; smedvedko@mail.ru

Путь к сотрудничеству:
экономические связи между СССР/Россией и Канадой
в период 1989–2003 гг.

Иван С. Самойленко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Ivan30i@inbox.ru*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются ключевые этапы экономического сотрудничества между СССР/Россией и Канадой в период с 1989 по 2003 г. Сегодня Россия и Канада являются выдающимися глобальными игроками в связи с их значительным размером и влиянием на современный геополитический ландшафт. Однако исторические связи между странами не только играют ключевую роль в их внешней политике, но и служат важной темой для исследований, направленных на углубление понимания исторического прошлого. Хотя идеологические разногласия и последствия холодной войны осложнили диалог между ними, обе стороны продемонстрировали готовность укреплять сотрудничество во имя взаимной выгоды. Методология исследования включает в себя как первоначальный анализ официальных документов, статистических данных и научных работ, сфокусированных на смежных темах, так и синтез полученной информации для достижения объективных выводов. Кроме того, в исследовании рассматриваются некоторые основополагающие аспекты сотрудничества в области торговли и инвестиций между двумя странами, а также проблемы, с которыми страны сталкивались в процессе создания экономического партнерства. Результаты данного исследования могут дать ценное представление об общих характеристиках развития экономических отношений между двумя странами в начале постсоветского периода.

Ключевые слова: СССР, Россия, Канада, экономическое сотрудничество, торговля, инвестиции

Для цитирования: Самойленко И.С. Путь к сотрудничеству: экономические связи между СССР/Россией и Канадой в период 1989–2003 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 133–143. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-133-143

The path to cooperation.
Economic relations between the USSR/Russia and Canada
in 1989–2003

Ivan S. Samoilenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Ivan30i@inbox.ru*

Abstract. The current article delves into the key elements of the economic cooperation between the USSR/Russia and Canada between 1989 and 2003. It is widely known that Russia and Canada are prominent global players due to their substantial size and influence in today's geopolitical landscape. However, the historical bond between these nations is not only pivotal in their foreign policies but also serves as a vital topic for research aimed at gaining a deeper understanding of the historical past. Although the ideological disparities and the Cold War legacies have complicated the dialogue between them, both sides have demonstrated a willingness to enhance their cooperation for mutual benefit. Official documents, statistical data and scientific works on related topics are analyzed initially using the research method, and then the information obtained is synthesized to reach further objective conclusions. Furthermore, the study examines some fundamental aspects of trade and investment collaboration between the two countries, along with the challenges they encounter in establishing economic partnerships. The findings of this research can provide valuable insight into the overall characteristics of the economic relationship development between the two countries in the early post-Soviet period.

Keywords: USSR, Russia, Canada, economic cooperation, trade, investments

For citation: Samoilenko, I.S. (2024), "The path to cooperation. Economic relations between the USSR/Russia and Canada in 1989–2003", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 133–143, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-133-143

Вопрос изучения взаимоотношений между Советским Союзом/РФ и Канадой в период с 1980-х до 2000-х гг., – с учетом политических и экономических перемен того времени, – представляет собой немаловажный исторический контекст для изучения экономического взаимодействия двух государств. Основной целью работы является выявление ключевых факторов, определявших характер и динамику экономического взаимодействия между бывшим СССР/Россией и Канадой за указанный промежуток времени.

Для достижения вышеназванной цели были поставлены следующие задачи: во-первых, при помощи актуальных информационных ресурсов изучить отечественную и зарубежную теоретическую литературу, соответствующую заявленной теме исследования; во-вторых, выявить исторические предпосылки экономического сотрудничества между СССР/Россией и Канадой; в-третьих, дать оценку экономическим последствиям сотрудничества для обеих стран, включая анализ товарооборота, инвестиций и иных важных экономических показателей.

В данном контексте предметом исследования выступает процесс развития экономического сотрудничества СССР/России и Канады, в то время как объектом исследования является рассматриваемый период с 1989 по 2003 г. с учетом всесторонних направлений возможного сотрудничества.

Научная новизна исследования по анализируемой теме заключается в том, что экономическое взаимодействие между СССР/Россией и Канадой за промежуток 14 лет проводится в комплексной манере, а также вместе с тем включает в себя подробный анализ различных областей сотрудничества (торговли, инвестиций). Кроме того, дается оценка динамики взаимоотношений во время перехода России к рыночной экономике, что помогает исследовать влияние этого перехода на цельную картину российско-канадских экономических отношений.

Специфика выбранной темы обусловила выбор использованной литературы для исследовательской работы, которую можно разделить условно на несколько категорий. Во-первых, представляется возможным сослаться на отдельные труды некоторых зарубежных исследователей канадской историографии: члена Королевского общества Канады Фена Ослера Хэмпсона, а также Аллана Кагедана [Kagedan 1991], который в свое время посвятил себя изучению проблем и перспектив Канады и СССР, являясь директором операций национальной безопасности на государственной службе Канады. Несмотря на то что ранние зарубежные публикации в рассматриваемой области были по своему характеру преимущественно обзорными, это ничуть не умаляет их важности как для данной работы, так и в общем для понимания исторической ретроспективы.

Во-вторых, среди ведущих российских исследователей, акцентировавших внимание на теме, можно выделить некоторые труды Д.А. Володина [Володин 2009], Е.В. Израелян [Израелян 2017], А.Н. Комарова [Комаров 2017], которые в совокупности представляют собой твердый фундамент накопленных фактологических материалов как для изучения самостоятельной истории развития

двух отдельных стран, так и их экономических взаимоотношений между собой.

В-третьих, при изучении темы необходимо в том числе принимать во внимание документы и подписанные за анализируемый период Соглашения между Канадой и СССР/Россией: «О поощрении и взаимной защите капиталовложений», которое было подписано в 1989 г. и немногим позже вступило в силу, «Об экономическом сотрудничестве» за 1993 г. и «О торговых и коммерческих отношениях» за 1992 г. Также нельзя не отметить Соглашение «Об избежании двойного налогообложения» (1995 г.) и «О сотрудничестве между субъектами Российской Федерации и территориями Канады» (2000 г.) [Багрянцева 2017, с. 75].

На данный момент широко известно, что первоначальные шаги в сторону установления дипломатических связей между рассматриваемыми странами были сделаны еще в 1942 г., в период Второй мировой войны, когда СССР и Канада были участниками антигитлеровской коалиции.

Позднее, в ходе холодной войны, двухполюсная система международных отношений, – в совокупности с довольно тесной взаимосвязью между внешней политикой Канады и Соединенными Штатами, – определила разногласия и противоречия в подходе стран к глобальным проблемам. Казалось бы, иллюзорные надежды на то, что окончание холодной войны могло бы предложить международный порядок в мире и согласии, были перечеркнуты: с одной стороны, нарастающая волна национализма в СССР и западных демократических странах (включая Канаду), а с другой стороны, экономические и политические потрясения в Советском Союзе, который в то время был подвержен воздействию гражданских беспорядков, вызванных перестройкой [Kagedan 1991, p. 191].

Тем не менее осенью 1989 г. состоялся первый за восемнадцать лет исторический визит премьер-министра Канады Брайана Малруни в Советский Союз. По ходу длительных переговоров сторонами было заключено множество перспективных соглашений. Однако особо важное значение представляет подписанная Советско-канадская политическая декларация от двадцать первого ноября [Володин], поскольку именно подписание данной декларации смогло окончательно подтвердить прекращение враждебной политики периода холодной войны. Стало очевидно, что подписание соглашений и сам визит представителей Канады того времени в совокупности обещали начало новой эпохи в двусторонних отношениях между странами.

Последовательно рассматривая этапы взаимоотношений двух стран, стоит уточнить, что политический кризис в Советском Союзе, –

порожденный стремлением многих его групп к независимости и трудностями с переходом к рыночной экономике, – соответственно усложнил отношения с СССР не только конкретно для Канады, но и для других государств. Одновременно с этим в качестве одного из существенных результатов распада Советского Союза можно привести несомненное усиление зависимости от западных стран.

Невзирая на тот факт, что в начале 1990-х гг. экономическое взаимодействие между Канадой и Россией усиливалось, а сотрудничество в различных областях активно расширялось, в подавляющем большинстве внешнеполитических вопросов Канада по-прежнему практически в любом случае придерживалась позиции Соединенных Штатов [Израелян 2021]. Это наглядным образом демонстрирует, что для самого раннего этапа формирования и развития отношений между странами в постсоветский период в основном характерна некоторая обособленность и уверенный нейтралитет при отсутствии прямой или косвенной конфронтации.

Впрочем, стадия спокойной индифферентности продолжалась недолго: в контексте технического сотрудничества, направленного на реформирование российской экономики, с начала девяносто первого года усилиями и содействием правительства Канады произошел важный виток в развитии канадско-российских торгово-инвестиционных связей.

Тем не менее к 1993 г. объем торговли между Россией и Канадой пошел на убыль, составив 562 млн долл. США. Данный показатель почти два раза меньше в сравнении с предшествующим годом. Пусть Канада исторически выступила первым государством, которое в течение многих десятилетий поставляло в Советский Союз пшеницу (экспорт зерна в СССР достигал 90% всего торгового оборота между двумя странами), в конечном итоге основной причиной снижения объема торговли в указанный период можно назвать как раз-таки существенное уменьшение поставок канадского зерна с 899,8 млн до 61 млн долларов в связи с нарастанием задолженности России за предшествующие закупки зерна [Володин 2009].

В 1995 г., в соответствии с Соглашением об экономическом сотрудничестве, была достигнута договоренность о создании российско-канадской Межправительственной экономической комиссии (МЭК), первостепенной целью которой было установление успешного урегулирования вопросов торгово-экономического характера между Российской Федерацией и Канадой¹. В первоначальных

¹ О четвертой сессии Межправительственной российско-канадской комиссии (МЭК) // Министерство иностранных дел РФ. 03.07.2000. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ca/1677184/> (дата обращения 27 марта 2024).

планах было озвучено желание достигнуть увеличения объема взаимной торговли вдвое в течение пятилетнего периода посредством создания специализированных рабочих групп. В теории это должно было внести большой вклад в развитие двусторонних взаимосвязей следующим образом: одни занимались бы агропромышленным или топливно-энергетическим комплексом, другие – вопросами строительства, третьи относились бы к горнодобывающей промышленности. Остальные решали бы перспективные задачи, касавшиеся Севера или положения Арктической зоны.

Каждая серьезная политическая неопределенность неизбежно сказывается на потоке иностранных инвестиций. В связи с этим – вопреки многообещающим прогнозам – к 1996 г. и торговый оборот по-прежнему не увеличивался: по сравнению с предыдущим годом показатели практически не изменились, «зафиксировавшись» на уровне 700 млн долларов США [Володин 2009]. Среди инвесторов того времени представляется возможность выделить: “IMP Group International Inc”, “Norex Petroleum Ltd”, причем в последнем случае для осуществления проекта крупнейшим банком был выделен кредит в размере 60 млн канадских долларов; во-вторых, проект, в частности, получил поддержку со стороны премьер-министра Б. Малруни, который дополнительно предоставил страховые гарантии на сумму 30 млн долларов [Хорошилов 2009].

В 1998 г., в условиях экономического кризиса в Российской Федерации, было необходимо преодолеть не только соответственное сокращение общего объема двусторонней торговли: множество канадских компаний и предпринимателей, учредивших совместные предприятия в России (в том числе и “Norex Petroleum Ltd”), столкнулись с большим количеством судебных разбирательств и налоговых проблем на несколько лет вперед, в итоге потеряв контроль над своими предприятиями, что очевидным образом в ближайшем будущем привело к сокращению интереса инвесторов к развитию бизнеса в России.

Подробное рассмотрение официальных документов позволяет отметить, что общий объем канадских инвестиций в девяносто девятом году оценивался всего в 887 млн долларов США, что составляло лишь полпроцента от общего объема зарубежных инвестиционных вложений в экономику России. По мере анализа экономических показателей становится очевидным тот неоспоримый факт, что преимущественный потенциал для выгодного сотрудничества между РФ и Канадой использовался далеко не полностью.

В декабре того же года В.В. Путин сменил на посту президента Б.Н. Ельцина, что соответственным образом ознаменовало собой поворотный момент.

Рассматривая начало 2000-х гг., невозможно не уточнить тот немаловажный фактор, что экономика Канады признавалась одной из самых передовых во всем мире. Исключительной характеристикой того времени было активное участие сельского хозяйства и ресурсных секторов в общем объеме ВВП, а вместе с тем в структуре не только появлялись «новые» инновационные отрасли, но и успешной модернизации подвергались «старые».

Можно сказать, что в тот период в отношениях между Канадой и Российской Федерацией наблюдалось достаточно разностороннее и оживленное взаимодействие. Например, подтверждалось это как периодическими саммитами в рамках международных организаций (АТЭС, Совет Россия–НАТО, ООН, G8), так и непосредственно при двусторонних деловых встречах. Основными темами сторон в последнем случае было не только обсуждение путей укрепления торговых связей, но и рассмотрение принципов сотрудничества в области сельского хозяйства, энергетики и прочих масштабных сферах.

Согласно данным, представленным канадским статистическим ведомством, в период 2000-х гг. наблюдался динамичный рост объемов прямых инвестиций Канады в экономику Российской Федерации. Вопреки тому что Россия не была в тройке крупнейших получателей канадских прямых инвестиций, она все же привлекала внимание канадских инвесторов и представляла собой потенциальный объект для развития взаимовыгодных инвестиционных отношений.

Одним из немаловажных и широко известных моментов двустороннего сотрудничества можно назвать февральское прибытие «Сборной Канады» в 2002 г. (состоявшейся через 30 лет после суперсерии 1972 г. между сборными СССР и НХЛ) [Григорьева, Шульга 2022, с. 2], по итогам которого были заключены контракты на общую сумму более 335 млн долларов (разнообразные технические и инвестиционные проекты в областях информационных технологий, сельского хозяйства, производства пищевых продуктов, а также в области нефтегазовой и горнодобывающей промышленности).

Тогда целая делегация под предводительством премьер-министра Жана Кретьена включала в себя множество высокопоставленных лиц, в числе которых было не только более двух сотен бизнесменов и представителей канадских организаций различной направленности, но и к тому же премьеры всех десяти провинций Канады². В результате были подписаны два значимых документа,

² Хваленые профессионалы: «Сборная Канады» включилась в турнир на приз российского рынка // Время новостей. 18.02.2002. URL: <https://vremya.ru/2002/29/4/19847.html> (дата обращения 30 марта 2024).

один из которых представлял собой общий план по расширению дальнейшего сотрудничества, а другой являлся совместной инициативой в сфере мирного использования атомной энергии.

Несомненно, в то время Россия демонстрировала открытость к дальнейшему плодотворному сотрудничеству: В.В. Путин публично подмечал сходство между государствами, сравнивая их не только в контексте суровых климатических условий, экономического или государственного устройства, но и в общей любви к хоккею. Однако разумеется, что размытые рамки некой «похожести» могут оказывать разнонаправленное и непредсказуемое влияние на характер взаимодействия между сторонами. Одновременно это может являться как благоприятным, так и строго ограничивающим фактором в двусторонних связях, ведь сходство – это не всегда про чувство единства или благородной сплоченности, иногда это про существование возможного лимита успешно реализуемого потенциала. Таким образом, анализ результатов экономического сотрудничества для выявления позитивных и негативных аспектов двустороннего взаимодействия за период 1989–2003 гг. показал несколько ключевых моментов: после установления первоначальной основы для развития взаимоотношений между государствами путем подписания разноформатных соглашений взаимоотношения смогли временно стабилизироваться и нормализоваться только благодаря совместным усилиям сторон.

Подводя конечные итоги, нельзя не заключить, что изучаемая тематика экономических взаимоотношений с Канадой достаточно тесно связана с историей распада СССР и началом становления России. В начале 1990-х гг. основным фундаментом для укрепления будущих взаимовыгодных отношений между странами, обеспечивающим законность и стабильность в экономической сфере, выступают несколько подписанных за этот период соглашений, рассмотренных в статье.

В контексте перспективного сотрудничества между Россией и Канадой в промежуточном периоде до двухтысячных годов необходимо выделить создание МЭК и активные совместные инициативы в сферах агропромышленного комплекса, строительства, энергетики и топливных ресурсов, а также в освоении Арктики и районов Крайнего Севера. С другой стороны, примерно тот же период середины 1990-х гг. был обусловлен изменениями приоритетов и стратегических целей стран, что привело к существенным недопониманиям между Российской Федерацией и Западом, что и непосредственно повлияло на отношения с Канадой.

Среди сравнительно положительных аспектов также можно привести пример начала 2000-х гг. – после прихода В.В. Путина на

пост президента, – когда странами было инициировано большое количество формальных и неформальных встреч или переговоров. В данном случае даже без чтения между строк очевидным являлось намерение стран на дальнейшее укрепление партнерских отношений. Только несмотря на некий политический прогресс в начале двухтысячных, взаимоотношения между Канадой и Россией по-прежнему двигались по установленной динамике: сначала на поэтапное сближение, потом на постепенное отдаление. В числе серьезных нерешенных проблем того временного промежутка оставалось ослабление интереса к инвестированию в Россию.

В результате изучения зарубежной и отечественной литературы, выявления исторических предпосылок экономического сотрудничества, а также оценки экономических последствий сотрудничества для обеих стран представляется возможным прийти к относительно неоднозначному выводу: вопреки обоюдному стремлению к укреплению сотрудничества в течение рассматриваемого временного промежутка экономические отношения между анализируемыми государствами претерпели множество трансформаций, буквально от индифферентности до активного взаимодействия, и наоборот.

Тем не менее недвусмысленно следующее: преодолевая явные и неочевидные трудности на своем пути, СССР/России и Канаде методом проб и ошибок все-таки удалось стать достойными коллегами в области торгово-экономического взаимодействия и двустороннего диалога.

Литература

- Багрянцева 2017 – *Багрянцева А.С.* К 70-летию дипломатических отношений между СССР/Россией и Канадой (Международная научная конференция) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 8. С. 73–89.
- Володин 2009 – *Володин Д.А.* Российско-канадские отношения после холодной войны // Молодой ученый. 2009. № 3 (3). URL: <https://moluch.ru/archive/3/205/> (дата обращения 29 марта 2024).
- Григорьева, Шульга 2022 – *Григорьева Е.Е., Шульга П.С.* Некоторые эпизоды российско-канадского сотрудничества // Московский экономический журнал. 2022. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-epizody-rossiysko-kanadskogo-sotrudnichestva> (дата обращения 28 марта 2024).
- Израелян 2017 – *Израелян Е.В.* Россия и Канада: отношения на перепутье // Канада: современные тенденции развития: К 150-летию государства. М.: Вест Мир, 2017. С. 345–360.

- Израелян 2021 – *Израелян Е.В.* Российско-канадские отношения: «за» и «против» восстановления диалога // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760014728-7-1/> (дата обращения 28 марта 2024).
- Комаров 2017 – *Комаров А.Н.* Канада в системе глобального международного сотрудничества на рубеже XX–XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 2. С. 61–68.
- Хорошилов 2009 – *Хорошилов Е.Е.* Канадский капитал в России // Россия и Америка в XXI веке. 2009. № 3. URL: <https://rusus.ru/?act=read&id=170> (дата обращения 29 марта 2024).
- Kagedan 1991 – *Kagedan A.L.* Canada and the Soviet Union // *Canada among nations, 1990–1991: After the Cold War*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1991. P. 191–208.

References

- Bagryantseva, A.S. (2012), “To the 70th anniversary of diplomatic relations between the USSR/Russia and Canada (international scientific conference)”, *USA and Canada: Economics. Politics. Culture*, no. 8, pp. 73–89.
- Grigorieva, E.E. and Shulga, P.S. (2022), “Some episodes of Russian-Canadian cooperation”, *Moscow Economic Journal*, no. 12, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-epizody-rossiysko-kanadskogo-sotrudnichestva> (Accessed 28 March 2024).
- Israelyan, E.V. (2017), “Russia and Canada: relations at a crossroads”, in *Kanada: sovremennye tendentsii razvitiya: K 150-letiyu gosudarstva* [Canada: Modern Development Trends: On the 150th Anniversary of the State], Ves mir, Moscow, Russia, pp. 345–360.
- Israelyan, E.V. (2021), “Russian-Canadian relations: pros and cons of restoring dialogue”, *Russia and America in the 21st century*, no. 1, available at: <https://rusus.jes.su/s207054760014728-7-1/> (Accessed 28 March 2024).
- Kagedan, A. (1991), “Canada and the Soviet Union”, *Canada Among Nations, 1990–1991: After the Cold War*, McGill-Queen's University Press, Montreal, Canada, pp. 191–208.
- Khoroshilov. E.E. (2009), “Canadian capital in Russia”, *Russia and America in the 21st century*, no. 3, available at: <https://rusus.ru/?act=read&id=170> (Accessed 29 March 2024).
- Komarov, A.N. (2017), “Canada in the global international cooperation at the turn of the 20th–21st centuries”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 61–68.
- Volodin, D.A. (2009), “Russian-Canadian relations after the Cold War”, *Molodoi uchenyi*, vol. 3, no. 3, available at: <https://moluch.ru/archive/3/205/> (Accessed 29 March 2024).

Информация об авторе

Иван С. Самойленко, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; Ivan30i@inbox.ru

Information about the author

Ivan S. Samoilenko, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Ivan30i@inbox.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 321.011:338.439(520+866)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-144-157

Public policies for food sovereignty in Japan and Ecuador: a comparative analysis

Aleksandr V. Malov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
malov.pvo@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of agri-food policy in the State of Japan and the Republic of Ecuador. With the help of a case study method and the principle of unity of logical and historical, the author verified the structural characteristics of the functioning of the agricultural sectors of the two states. The models of Food sovereignty policy implementation adapted to the specific socio-humanitarian and political-legal landscapes of the two states were identified and compared based on the cross-cultural analysis and a comparative approach. It was found that the implementation of the strategic principles of food sovereignty is equally a priority not only for the modern countries of the Global South, but also for the countries of the Global North. In particular, the author proves that through the institutionalization of profile models (*Shokuiku* and *Buen Vivir*), the Governments of Japan and Ecuador, are implementing a number of strategically important national tasks. For instance, they strengthen local food systems, reduce the “metabolic rift” between urban and rural areas, protect biodiversity and popularize environmentally sustainable farming methods. At the same time, the author verified the structural shortcomings of the programs implemented in the two states. In particular, the problems associated with the cultivation of synthetically modified organisms, the monopolization of the domestic food market, the re-McDonaldization of the population and gaining independence from large TNCs.

Keywords: Japan, Ecuador, food sovereignty, food security, globalization, international relations, world politics

For citation: Malov, A.V. (2024), “Public policies for food sovereignty in Japan and Ecuador: a comparative analysis”, *RSUH/ RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 144–157, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-144-157

© Malov A.V., 2024

Государственная политика обеспечения продовольственного суверенитета в Японии и Эквадоре: сравнительный анализ

Александр В. Малов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, malov.pvo@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена изучению агропродовольственной политики в Государстве Япония и Республике Эквадор. С помощью метода кейс-стади и принципа единства логического и исторического были верифицированы структурные характеристики функционирования сельскохозяйственных секторов двух стран. С опорой на анализ кросс-культурных особенностей и компаративный подход идентифицированы и сопоставлены модели реализации политики продовольственного суверенитета, адаптированные под специфические социогуманитарные и политико-правовые ландшафты государств. Установлено, что следование стратегическим принципам продовольственного суверенитета представляется равнозначно приоритетным сегодня не только для стран Глобального Юга, но и для стран Глобального Севера. В частности, доказывается, что посредством институционализации профильных моделей (*Shokuiku* и *Buen Vivir*) правительства Японии и Эквадора укрепляют локальные продовольственные системы, сокращают «метаболический разрыв» между городом и деревней, защищают биоразнообразие и популяризируют экологически устойчивые методы ведения сельского хозяйства. Наравне с этим верифицируются и структурные недочеты отмеченных программ, связанные с культивацией синтетически модифицированных организмов, монополизацией отечественного продовольственного рынка, «макдональдизацией» населения и обретением независимости от крупных ТНК.

Ключевые слова: Япония, Эквадор, продовольственный суверенитет, продовольственная безопасность, глобализация, международные отношения, мировая политика

Для цитирования: Malov A.V. Public policies for food sovereignty in Japan and Ecuador: a comparative analysis // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 144–157. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-144-157

Introduction

The modern agri-food system based on intensive agriculture managed by large multinational corporations (MNCs), contributing to a relative increase in food security, stimulated a range of negative consequences

for both the environment and the socio-economic sphere of the world community [Donkers 2014, pp. 89–90]. Verification of the negative factors of the industrial model of food production and consumption, as well as registration of the growing demand for a range of products from the “4-F category: Food, Fiber, Forest and Fuel [Sauer, Borras 2016, p. 9]”, determines the search for more sustainable agricultural models and alternatives to global growth strategies. The concept of food sovereignty occupies a special place among those. The integration of strategic principles of food sovereignty is being carried out today by both economically developed and economically developing countries, equally concerned about domestic agricultural policy and focused on improving the level of national food security. Modern states such as Japan and Ecuador, which adapted the idea of “food sovereignty” [Малов 2018; Чугров, Малов 2019] into the socio-cultural and political-legal landscape, are no exception. This thesis will be devoted to a comparative analysis of the results of the conducted institutional procedure.

The case study: The Land of the Rising Sun

The Japan, despite its economic might and technological superiority, has significant problems in the domestic agricultural sector. Thus, the downward trends of the past six decades (from 1960 to 2022) were: reduction of the share of the agricultural sector in GDP from 12,8 to 1%; reduction of the area of agricultural land from 7,1 to 4,3 million hectares; decrease in the share of the rural population from 35 to 8,1%¹; the decrease in agricultural workers from 13,4 to 1,4 million people (70% of whom are in the age group of 65 years and older). The noted crisis trends are aggravated by the nation’s dependence on food imports by 60%². Japan is only 53% self-sufficient in meat, 98% in rice, 57% in seafood, 79% in

¹ FAO. The Food and Agriculture Organization Corporate Statistical Database (FAOSTAT). URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#country/110> (Accessed 15 March 2024).

² Annual report on food, agriculture and rural areas in Japan. 2022. P. 54–62 / Ministry of Agriculture, Fisheries and Food (MAFF). URL: <https://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-69.pdf> (Accessed 15 March 2024); Statistical handbook of Japan. 2018. P. 54–55 / Ministry of Internal Affairs and Communications Japan. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2018all.pdf> (Accessed 15 March 2024); Statistical handbook of Japan. 2022. P. 54–62 / Ministry of Internal Affairs and Communications Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2022all.pdf> (Accessed 15 March 2024).

vegetables, 17% in wheat, 39% in fruits, 8% in beans, and feed is entirely dependent on imports³.

The identified trends, set by the parameters of the Post-War Food Regime [Чургов, Малов 2019, с. 667] that passed away in the 1970s and supported by the power of the Corporate Food Regime [Малов 2018, с. 136] in force since the 1980s, provoked a number of socio-cultural changes. Thus, under the onslaught of globalization and Westernization, there has been a structural transformation of the Japanese food space, characterized by a regulatory dysfunction [Durkheim 1933, p. 368] of dietary norms and food taxonomies, provoking disintegration, disorientation and aberrant food behavior in all elements of the social system.

The introduction and popularization of foreign food models based on high consumption of meat, wheat and animal saturated fats [Farina 2018, p. 157] provoked the processes of striving for culinary knowledge [Iwabuchi 2002, p. 59] and reevaluation of gastronomic ideals. As a response to the growing activity of transnational agents and global food networks distorting the age-old culinary foundations of the nation, members of civil society and government structures initiated a policy of popularization of traditional food culture, which crystallized in the strategy of Food Education (*Shokuiku*).

Shokuiku: idea, strategy and national program

Shokuiku translates as Food education and consists of two hieroglyphs: 食 (*shoku*) – edibles, meals, 育 (*iku*) – education, upbringing, enlightenment or “education by nutrition” [Takeda 2014, p. 102]. The concept of *Shokuiku* was promulgated in July 2005, when the Basic Law on Food Education No. 63 (食育基本法 / *Sekuiku kihon-ho*) was enacted⁴. The *Shokuiku* serves as a “guiding star” by implementing the following functions: respect for nature and promotion of the production and consumption of organic products (Article 3); promotion of symbiotic

³ Statistical handbook of Japan. 2022. P. 53–62 / Ministry of Internal Affairs and Communications Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2023all.pdf#page=1> (Accessed 15 March 2024); Annual Report on Food, Agriculture and Rural Areas in Japan. 2015. P. 7 / The Ministry of Agriculture, Fisheries and Food (MAFF). URL: <http://www.maff.go.jp/e/pdf/ty2014.pdf> (Accessed 15 March 2024).

⁴ 電子政府の総合窓口 / 食育基本法 // 平成十七年法律第六十三号 . [E-government general window. 2005. Act no. 63. Food Basic Law] URL: http://elaws.e-gov.go.jp/search/elawsSearch/elaws_search/lsg0500/detail?lawId=417AC1000000063&openerCode=1#C (Accessed 15 March 2024).

relationship between the city and the rural area (Article 6); revitalization of rural communities (Article 7); strengthening of trusting relations between producers and consumers of food products (Article 7); increasing the level of food self-sufficiency (Article 7); ensuring food safety (Article 8); protection and development of orthodox food culture and autochthonous food traditions (Article 24)⁵.

At the same time, the Basic Law obliges the relevant ministries to cooperate with each other (Article 22⁶). Thus, the Cabinet of Ministers is responsible for planning, coordinating and evaluating the effectiveness of the strategy (*Shokuiku*). The Ministry of Health, Labor and Welfare (MHLW) is focused on the health and safety of food. The Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (MEXT) has the authority to involve teachers in improving curricula. The Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries (MAY) is focused on reducing dependence on imports by promoting domestic production and consumption of products. The Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries (MAFF) is focused on reducing dependence on imports by promoting domestic production and consumption of products.

The case study: The Republic of Ecuador

The Republic of Ecuador was integrated into the system of the international division of labor with the help of Structural Adjustment Programs (SAPs), which gave the Andean state the status of an exporter of exotic goods [Giunta 2018, p. 112]. The Ecuadorian authorities, observing the principles of the Washington Consensus, activated the deregulation option, which favored the import of basic foodstuffs. Thus, in the period between the 1980s and the 1990s, Ecuador confidently advanced towards the modernization of the domestic agricultural sector based on the cultivation of monocultures and export of such exquisite goods as cocoa, shrimp, bananas and flowers [Giunta 2014, p. 1204].

Years of neoliberal transformations and a focus on the global market have contributed to the consolidation of “economic elites” who have strengthened their control over various sectors of the Ecuadorian economy [Iturralde 2013, pp. 83–107]. The agricultural sector of the state is an illustrative example of similar monopolistic impulses that intensified by Corporate Food Regime [Малов 2018]. Today, three Ecuadorian companies (Corporación La Favorita, Corporación El Rosado, Megasantamaria) control more than 90% of the food retail

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

market [Giunta 2018, p. 116]. At the same time, *Pronaca* [Giunta 2018, p. 116] is the sole leader in the meat industry (62,16% of the domestic market), and *Noboa Corporation* is the largest producer of bananas [Brassel 2011, p. 28]. Two other giants (*Agripac* and *Ecuaquímica*) monopolistically supervise the production, import and distribution of products related to agricultural business.

Monopoly control over the distribution of licensed agricultural products, threatening the processes of proletarianization and precarization of labor, increases the dependence of small producers on the agri-food oligarchy. Moreover, owners of large livestock processing factories have benefited from the manipulation of public eating habits. So, in 2018, the income of only one owner of poultry and pig farming networks in Ecuador (*Pronaca*) amounted to 800 million US dollars [Giunta 2018, p. 116].

In the process of large-scale reconstruction of the agricultural sector, state support for small farmers sharply decreased, following a decrease in prices for their products. The changed vector of national interests of the Ecuadorian government led to the exclusion of peasants from the general process of “renovation” of the agri-food sector of the state, reoriented to capital-intensive technologies and market competition. For a country where a third of the population historically lives in rural areas⁷, the process of “agri-food globalization” has accelerated the marginalization of villagers. A long cycle of neoliberal transformations aimed at privatizing ecosystems and opening up the domestic economy for the benefit of market conditions ultimately caused a surge of public indignation and provoked an impulse of constitutional and legal reorganization [Giunta, Vitale 2013, pp. 81–83].

Buen Vivir: idea, strategy and national program

The key factors that accelerated the process of institutional modernization of Ecuador were: the collapse of the domestic food market; widespread corruption; the destruction of the country’s environmental potential and the age-old oppression and deportation of indigenous peoples [Giunta 2014, p. 1204].

The institutionalization of the concept of “Good Living” (Span. – *Buen Vivir*) was the official strategy of the Government of Ecuador, which expressed support for the indigenous population. The definition

⁷ FAO. The Food and Agriculture Organization Corporate Statistical Database (FAOSTAT). URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#country/58> (Accessed 15 March 2024).

of *Buen Vivir* is a copy of the Quechuan language construction – *Sumak Kawsay*, which translates as: “Sumak” – sublime, magnificent, beautiful, symbiotic and holistic; “Kawsay” – life, being and existence. As a result, a more correct translation is “abundant life”, although in official documents of Ecuador, *Sumak Kawsay* is synonymous with *Buen Vivir* (Good Living) [Albo 2009].

Buen Vivir is a multidimensional concept, of Andean cosmogony based on Native American principles (justice, equality, honor and solidarity [Walsh 2009, p. 104]) and producing a model of harmonious coexistence of man, society and nature. According to this point of view, Nature becomes a subject of law (according to the principle of agrarian and food citizenship) and exists not as an “external” factor of production, subordination and exploitation, but as an “immanent” element of heritage, respect and reproduction of life. Thus, the Indianist idea of *Buen Vivir*, based on the triumph of the “economy without growth”, as well as on the principles of ecocentrism, communitarianism, egalitarianism, pluralism and autochthonous biosocialism, correlates with the ideological module of Food sovereignty [Gudynas 2011].

Consequently, food sovereignty has become a legal instrument used by the Government of Ecuador to achieve a *Buen Vivir* for the entire population of the country. Thus, the status of food sovereignty in cooperation with *Buen Vivir* was officially enshrined not only in the “Constitution of the state” (*Article* no. 281⁸) and in the “Organic law” (*Article* no. 22⁹), but also in the “National development plans” by three presidents of the state: Rafael Correa (in 2007¹⁰, in 2009¹¹ and in 2013¹²), Lenin Moreno (in 2017¹³) and Guillermo Lasso (in 2021¹⁴).

⁸ Constitución del Ecuador. 2008. URL: <https://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/BDL/2008/6716.pdf> (Accessed 15 Aug. 2024).

⁹ Ley Orgánica del Régimen de Soberanía Alimentaria (LORSA). No. 583 de 5 de mayo de 2009. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/ecu88076.pdf> (Accessed 15 Aug. 2024).

¹⁰ Plan Nacional de Desarrollo: 2007–2010. Quito. 2007 / Gobierno Nacional de la Republica del Ecuador. URL: <http://www.planificacion.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2013/09/Plan-Nacional-Desarrollo-2007-2010.pdf> (Accessed 15 Aug. 2024).

¹¹ Plan Nacional de desarrollo Plan Nacional para el Buen Vivir: 2009–2013: Construyendo un Estado Plurinacional e Intercultural Versión Resumida. Quito. 2009 / Gobierno Nacional de la Republica del Ecuador. URL: [http://www.planificacion.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2012/07/Plan_Nacional_para_el_Buen_Vivir_\(version_resumida_en_espanol\).pdf](http://www.planificacion.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2012/07/Plan_Nacional_para_el_Buen_Vivir_(version_resumida_en_espanol).pdf) (Accessed 15 Aug. 2024).

At the same time, special executive authorities were authorized to implement the goals outlined in official documents.

The main ministries, departments and committees focused on the formation and implementation of food sovereignty (in the context of *Buen Vivir*) are 1) Ministry of Agriculture, Livestock, Aquaculture and Fisheries (*Span.* – MAGAP); 2) Ministry of Economic and Social Inclusion (*Span.* – MIES); 3) The National Institute of Popular and Solidarity Economy (*Span.* – IEPS); 4) National Secretariat for Planning and Development (*Span.* – SENPLADES); 5) Department of General Coordination of Commercial Networks (*Span.* – CGRC); 6) Plurinational and Intercultural Conference on Food Sovereignty (*Span.* – COPISA); 7) System of Food and Nutritional Sovereignty (*Span.* – SISAN).

The profile programs of executive authorities and expert groups are 1) National food storage system (*Span.* – UNA). Objective: regulation of the system of purchase, storage and marketing of basic agricultural products; 2) The National program of inclusive rural business (*Span.* – PRONERI). Objective: to link small agricultural producers and their associations with the agri-industrial complex and the main food distribution companies; 3) School of the Agrarian Revolution (*Span.* – ERA). Objective: transition to agriecological methods of production and provision of educational support to small producers, including the advantages of traditional and innovative knowledge; 4) Lands Plan (*Span.* – *Plan Tierras*). Objective: to provide small family producers with access to land resources.

Shokuiku and Buen Vivir: comparative analysis of concepts

The comparative analysis phase will follow the stage of separate consideration of the two concepts (*Shokuiku and Buen Vivir*) as institutional models for the implementation of food sovereignty policy. Thus, according to the codified data in Table No. 1, we note that both models,

¹² Secretaría Nacional de Planificación y Desarrollo. Gobierno Nacional de la Republica del Ecuador. *Buen Vivir Plan Nacional 2013–2017*. Quito. 2013. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/ecu139396.pdf> (Accessed 17 Oct. 2024).

¹³ Plan Nacional para el Buen Vivir: 2017–2021. Quito. 2017 / Gobierno Nacional de la Republica del Ecuador. URL: https://extranet.who.int/countryplanningcycles/sites/default/files/planning_cycle_repository/ecuador/ecu_plan_nacional_buen_vivir_2017_2021.pdf (Accessed 15 Aug. 2024).

¹⁴ Plan de Creación de Oportunidades: 2021–2025. Quito. 2021 / Gobierno Nacional de la Republica del Ecuador. URL: https://observatorioplanificacion.cepal.org/sites/default/files/plan/files/Plan-de-Creación-de-Oportunidades-2021-2025-Aprobado_compressed.pdf (Accessed 15 Aug. 2024).

which equally protect the principles of environmentalism, locavorism, subsidiarity, multiculturalism and self-sufficiency, seem to be equivalent to the strategy of Food sovereignty.

Table 1

Comparative analysis of Shokuiku and Buen Vivir as institutional models for the implementation of food sovereignty in Japan and Ecuador

Food sovereignty (strategic principles)	Buen Vivir (Good Living)	Shokuiku (Food Education)
Environmentalism / Coevolutionism	Provision and implementation of ecological and organic technologies in agricultural production and protection of agricultural biodiversity.	Upbringing a sense of respect for nature and promoting environmentally sustainable food production/consumption.
Localization of production and consumption	Strengthening and assisting organizations and networks of producers and consumers (including marketing and distribution) of food products to achieve a fair balance between rural and urban areas.	Revitalize rural communities and strengthen the information system for producers and consumers of food products.
Decentralization of power / Subsidiarity	Integration of competencies of ministries, departments and committees: MAGAP; MIES); IEPS; SENPLADES; CGRC; COPISA; SISAN.	Integration of the ministries' competencies: MHLW, MEXT, MAFF.
Multiculturalism / Polycentrism	Conservation and restoration of agricultural biodiversity and related folk wisdom (including the use, conservation and free exchange of seeds).	Protection of the autochthonous culinary culture (<i>Washoku</i>), popularization of joint meals with the family (<i>Kessoku</i>), promotion of the Japanese diet and lifestyle.
Food self-sufficiency (Reaching level 100 %)	Regulations: increase Standard: 100% Fact: from 70 to 97%	Regulations: increase Standard: 100% Fact: 38%

Note: Compiled by the author.

Table 2

Strategic principles of Food Sovereignty
and their practical implementation
(compliance/non-compliance) in Japan and Ecuador
(comparative analysis)

No	Strategic principles of Food Sovereignty (<i>setting of the ideal model</i>)	Compliance / non-compliance with food sovereignty standards (<i>practical compliance with the ideal model</i>)	
		Japan	Ecuador
1.	The rejection of synthetically modified organisms and the prohibition of genetic engineering.	non-compliance	non-compliance
2.	Abandoning energy-intensive monocultures and industrial farming.	non-compliance	non-compliance
3.	High level of food self-sufficiency.	non-compliance (<i>low</i>)	compliance (<i>high</i>)
4.	Decentralization of power / Subsidiarity	non-compliance	non-compliance
5.	Reduction of the “metabolic rift”	compliance	compliance
6.	Multiculturalism / Polycentrism	compliance	compliance
7.	Environmentalism / Coevolutionism	compliance	compliance
8.	Deactivation of the forces of “agri-food ultra-imperialism”	non-compliance	non-compliance
9.	Demonopolization of the domestic food market.	non-compliance	non-compliance
10.	The priority of the “internal” food market over the “external” one	non-compliance	non-compliance
Result (<i>proportion: Compliance/ Non-compliance</i>)		3/6 (30% of 100%)	4/6 (40% of 100%)

Note: Compiled by the author.

However, after declaring and postulating strategic standards, we will conduct a comparative analysis of the degree of their practical implementation. Thus, according to the codified data in Table No. 2, we note that according to the 10 established criteria of the ideal model of food sovereignty, Japan corresponds only by 30%, Ecuador by 40%. The structural tasks contributing to the successful implementation of Food

sovereignty are: the abandonment of synthetically modified organisms and energy-intensive monocultures, the demonopolization of the domestic food market, re-macdonaldization and gaining independence from large TNCs.

Conclusion

The list of scientific studies devoted to topical issues of international political economy is increasingly correlated with the analysis of global food relations, which justifiably strengthens the discursive authority of the specialized academic school of Critical Agrarian Studies. One of the key topics of this interdisciplinary field is the problem of ensuring food sovereignty, prompted by the “binomial crisis of ecology and economics [Sehn Korting 2023, p. 74]”.

A symmetrical “binomial response” capable of averting the prospects of a global socio-ecological catastrophe should be formulated on the epistemological platform of “recovery economics” (a large-scale transformation in which the discourse of global ecology dominates the ontology of natural capital [Corson, MacDonald, Neimark 2013, p. 3]) and “environmental justice” (equal interstate responsibility related to projects that have a negative impact on the environment [Busscher, Parra, Vanclay 2020, p. 502]). The proposed solution to the problem, which corresponds to the Food sovereignty, seems equally relevant for both the countries of the Global North and the Global South. As confirmation of the hypothesis, let us refer to the results of our research, which proved that the State of Japan and the Republic of Ecuador, having different potentials of geo-economic power, equally use the principles of food sovereignty.

However, the implementation of strategic programs, adjusted for the peculiarities of the cultural and political-legal landscape, can be qualified as satisfactory. Thus, along with the successful reduction of the “metabolic gap” and the popularization of environmentally sustainable farming methods, a number of unresolved problems remain. For example, deviations from the cultivation of synthetically modified organisms and energy-intensive monocultures, the demonopolization of the domestic food market, the re-McDonaldization of the population and gaining independence from large TNCs. The solution of these tasks will allow to reconstruct the neoliberal project of the current Corporate Food Regime [Малов 2018, с. 135]. The advent of a new “International regime of food Sovereignty”, in turn, will act as a paradigmatic alternative to conventional programs of privatization of life, commodification of nature and monetization of unconditional human reflexes [Малов 2018, с. 140].

Литература

- Малов 2018 – *Малов А.В.* Международный продовольственный режим // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1. С. 127–147.
- Чугров, Малов 2019 – *Чугров С.В., Малов А.В.* Продовольственный суверенитет и воспитание: гармонизация по-японски // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. № 4. С. 665–677.
- Albo 2009 – *Albo X.* Suma Qamana = El buen convivir // Revista Obets. 2009. Vol. 4. P. 25–40.
- Brassel 2011 – *Brassel F.* Las dinamicas monopolicas de la agroindustria // ¿Agroindustria y Soberanía Alimentaria? / Ed. F. Brassel, J. Breilh, A. Zapatta. Quito: SIPAE. 2011. P. 27–53.
- Busscher, Parra, Vanclay 2020 – *Busscher N., Parra C., Vanclay F.* Environmental justice implications of land grabbing for industrial agriculture and forestry in Argentina // Journal of Environmental Planning and Management. 2020. Vol. 63. No. 3. P. 500–522.
- Corson, MacDonald, Neimark 2013 – *Corson C., MacDonald K.I., Neimark B.* Grabbing “green”: Markets, environmental governance and the materialization of natural capital // Human Geography. 2013. Vol. 6. No. 1. P. 1–15.
- Donkers 2014 – *Donkers H.* Sustainable food security. A paradigm for local and regional food systems // International Journal of Humanities and Social Science. 2014. Vol. 12. No. 4. P. 89–102.
- Durkheim 1933 – *Durkheim E.* The division of labor in society. N.Y.: Macmillan, 1933. 439 p.
- Farina 2018 – *Farina F.* Japan’s gastrodiploacy as soft power: global washoku and national food security // Journal of Contemporary Eastern Asia. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 131–146.
- Giunta 2014 – *Giunta I.* Food sovereignty in Ecuador: peasant struggles and the challenge of institutionalization // The Journal of Peasant Studies. 2014. Vol. 6 (41). P. 1201–1224.
- Giunta 2018 – *Giunta I.* Soberanía alimentaria entre derechos del buen vivir y políticas agrarias en Ecuador // Revista THEOMAI. 2018. Num. 38. P. 109–122.
- Giunta, Vitale 2013 – *Giunta I., Vitale A.* Politiche e pratiche di sovranità alimentare // Agriregionieuropa. 2013. Num. 33. P. 81–83.
- Gudynas 2011 – *Gudynas E.* Buen vivir: Today’s tomorrow // Development. 2011. Vol. 54. No. 4. P. 441–447.
- Iturralde 2013 – *Iturralde P.* Los ejes de acumulación en el Ecuador de la Revolución Ciudadana // ¿A quién le Importa los Guayacanes? / Ed. S. Herrera, P. Sanchez, P. Iturralde, S. Latorre. Quito: IEE-CDES, 2013. P. 83–107.
- Iwabuchi 2002 – *Iwabuchi K.* Recentering globalization: Popular culture and Japanese transnationalism. L.: Duke University Press, 2002. 286 p.
- Sauer, Borrás 2016 – *Sauer S., Borrás S.* ‘Land Grabbing’ e ‘Green Grabbing’: uma leitura da ‘corrida na produção acadêmica’ sobre a apropriação global de terras // Revista Campo-Território, 2016. Num. 11 (23). P. 6–42.

- Sehn Korting 2023 – *Sehn Korting M., Assumpção e Lima D., Sobreiro Filho J.* Brazilian agricultural frontier: Land grabbing, land policy, and conflicts // IDS Bulletin: Transforming Development Knowledge. 2023. Vol. 54. No. 1. P. 73–88.
- Takeda 2014 – *Takeda H.* Securitizing food in Japan: global crises, domestic problems and a neoliberal state // *Governing insecurity in Japan: The domestic discourse and policy response* / Ed. W. Vosse, R. Drifte, V. Blechinger-Talcott. N.Y.: Routledge, 2014. P. 92–112.
- Walsh 2009 – *Walsh C.* Interculturalidad, estado, sociedad: luchas (de)coloniales de nuestra época. Quito: UASB-Abya Yala, 2009. 252 p.

References

- Albo, X. (2009), “Suma Qamana = El buen convivir”, *Revista Obets*, vol. 4, pp. 25–40.
- Brassel, F. (2011), “Las dinámicas monopólicas de la agroindustria”, in Brassel, F., Breilh, J., Zapatta, A., eds., *¿Agroindustria y Soberanía Alimentaria?*, SIPAE, Quito, Ecuador.
- Busscher, N., Parra, C. and Vanclay, F. (2020), “Environmental justice implications of land grabbing for industrial agriculture and forestry in Argentina”, *Journal of Environmental Planning and Management*. vol. 63. no. 3. pp. 500–522.
- Chugrov, S.V. and Malov, A.V. (2019), “Food sovereignty and education: A Japanese type of harmonization”, *RUDN Journal of Sociology*, no. 4, pp. 665–677.
- Corson, C., MacDonald, K.I. and Neimark, B. (2013), “Grabbing ‘Green’: Markets, environmental governance and the materialization of natural capital”, *Human Geography*, vol. 6, no. 1, pp. 1–15.
- Donkers, H. (2014), “Sustainable food security. A paradigm for local and regional food systems”, *International Journal of Humanities and Social Science*, vol. 12, no. 4, pp. 89–102.
- Durkheim, E. (1933), *The division of labor in society*, Macmillan, New York, USA.
- Farina, F. (2018), “Japan’s gastrodiploamacy as soft power: global washoku and national food security”, *Journal of Contemporary Eastern Asia*, vol. 17, no. 1, pp. 131–146.
- Giunta, I. (2014), “Food sovereignty in Ecuador: peasant struggles and the challenge of institutionalization”, *The Journal of Peasant Studies*, vol. 41, no. 6, pp. 1201–1224.
- Giunta, I. (2018), “Soberanía alimentaria entre derechos del buen vivir y políticas agrarias en Ecuador”, *Revista THEOMAI*, no. 38, pp. 109–122.
- Giunta, I. and Vitale, A. (2013), “Politiche e pratiche di sovranità alimentare” *Agriregionieuropa*, no. 33, pp. 81–83.
- Gudynas, E. (2011), “Buen vivir: Today’s tomorrow”, *Development*, vol. 54, no. 4, pp. 441–447.
- Iturralde, P. (2013), “Los ejes de acumulación en el Ecuador de la Revolución Ciudadana”, in Herrera, S., Sanchez, P., Iturralde, P. and Latorre, S. *¿A quién le Importa los Guayacanes?*, IEE-CDES, Quito, Ecuador, pp. 83–107.

- Iwabuchi, K. (2002), *Recentring globalization: popular culture and Japanese transnationalism*, Duke University Press, London, UK.
- Malov, A.V. (2018), "International food regime", *MGIMO Review of International Relations*, no. 1, pp. 127–147.
- Sauer, S. and Borras, S. (2016), "Land Grabbing e Green Grabbing: uma leitura da 'corrida na produção acadêmica' sobre a apropriação global de terras", *Revista Campo-Território*, vol. 23, no. 11, pp. 6–42.
- Sehn Korting, M., Assumpção e Lima, D. and Sobreiro Filho, J. (2023), "Brazilian agricultural frontier: land grabbing, land policy, and conflicts", *IDS Bulletin: Transforming Development Knowledge*, vol. 54, no. 1, pp. 73–88.
- Takeda, H. (2014), "Securitizing food in Japan: global crises, domestic problems and a neoliberal state", in Vosse, W., Drifte, R. and Blechinger-Talcott, V., eds., *Governing Insecurity in Japan: The domestic discourse and policy response*, Routledge, New York, USA, pp. 92–112.
- Walsh, C. (2009), *Interculturalidad, estado, sociedad: luchas (de)coloniales de nuestra época*, UASB-Abya Yala, Quito, Ecuador.

Information about the author

Aleksandr V. Malov, Cand. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; malov.pvo@gmail.com

Информация об авторе

Александр В. Малов, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; malov.pvo@gmail.com

УДК 32

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-158-170

Возможности применения методологии топологии в политической науке: теория и практики

Ольга Г. Щенина

Институт социологии

*Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия, oschenina@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения применения методологии топологии в контексте политической науки. На основе использования междисциплинарного подхода обосновывается возможность привлечения методологии разных наук (на примере топологии) для анализа процессов и явлений новой социальной реальности. Отмечается, что применение топологической оптики для анализа социально-политической действительности позволяет комплексно характеризовать процессы и явления современного социума. Методология топологии успешно применяется в самых разных областях, как в теоретико-методологическом ракурсе, так и практическом аспекте.

Топологический ракурс изучения социальных, политических, экономических процессов дает возможность их многоуровневого рассмотрения в контексте пространства и форм их проявления. Междисциплинарный подход к исследованиям политического пространства позволяет выявить новые контуры политических коммуникаций и политических отношений в сетях. Сетевое политическое пространство расширяет спектр и преобразует формы политических практик. Применение методологического потенциала топологии позволяет ученым выявить новые модели политических коммуникаций в пространстве сетевого общества. Тем самым топологическое измерение пространства социальных коммуникаций, в том числе политических коммуникаций, расширяет методологический аппарат специалистов. Топологическая оптика изучения социально-политических процессов и явлений позволяет исследователям проводить их качественный анализ в условиях глобальной турбулентности современного мира.

Ключевые слова: политическая наука, топология, междисциплинарность, методология топологии, топологический поворот, пространство, политические коммуникации

Для цитирования: Щенина О.Г. Возможности применения методологии топологии в политической науке: теория и практики // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 158–170. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-158-170

© Щенина О.Г., 2024

The possibilities of applying the methodology of topology in political science: theory and practice

Olga G. Shchenina

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, oschenina@mail.ru*

Abstract. The article attempts to consider the application of the methodology of topology within the context of political science. Based on the use of an interdisciplinary approach, the paper substantiates the possibility of employing the methodology of different sciences (on the example of topology) to analyze the processes and phenomena of a new social reality. It is noted that the use of topological optics for the analysis of socio-political reality makes it possible to comprehensively characterize the processes and phenomena of modern society. The methodology of topology has been successfully applied in a wide variety of fields, both from a theoretical and methodological perspective and in practice.

The topological perspective of studying social and political economic processes makes it possible to consider them at multiple levels in the context of space and the forms of their manifestation. An interdisciplinary approach to the research of the political space permits to identify the new contours of political communications and political relations in networks. The online political space expands the spectrum and transforms the forms of political practices. The application of the methodological potential of topology allows scientists to identify the new models of political communications in the space of a network society. Thus, the topological dimension of the space of social communications, including political communications, expands the methodological apparatus of specialists. The topological optics of studying socio-political processes and phenomena allows researchers to carry out their qualitative analysis in the conditions of global turbulence of the modern world.

Keywords: political science, topology, interdisciplinarity, methodology of topology, topological turn, space, political communications

For citation: Shchenina, O.G. (2024), "The possibilities of applying the methodology of topology in political science: theory and practice", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 158–170, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-158-170

Введение

В политологическом дискурсе в течение последнего десятилетия особое место занимает междисциплинарный подход к исследованию социума и человека. Дискуссионность этого направления

изучения современного общества связана с использованием широкого спектра концепций и теорий из различных областей знания, которые, зачастую причудливо сочетаясь, предлагают новую оптику изучения действительности.

Междисциплинарность, рассматриваемая как «междисциплинарное совмещение научных интересов в виде сложного мышления и междисциплинарного синтеза естественно-научных и социолого-политологических методов» [Алексеева 2020, с. 9], в социально-гуманитарных науках позволяет использовать методологии разных наук для анализа процессов и явлений новой социальной реальности. Так, достаточно широкое распространение в социальных и гуманитарных науках получили методы математики, физики, химии, биологии и других наук [Сморгунов 2023; Макагон 2012]. В поисках новых подходов и трактовок процессов непрерывно усложняющейся действительности все чаще специалисты обращаются к теориям и методологии точных и естественных наук. Их применение позволяет исследователям в разных ракурсах изучать нелинейный характер развития современного общества, например попытки использования основных положений квантовой теории – квантовой механики и квантовой теории поля для анализа социально-политических процессов в социуме. Нарастание вызовов, рисков и угроз в мире, процессы глобальной турбулентности, свидетелями которых мы являемся, настоятельно требуют расширения арсенала исследовательских методов. Таким образом, многоуровневые политические, экономические, социальные, коммуникативные процессы в современном мире рассматриваются в призме разных наук. Представляется, что это одно из перспективных направлений развития современного научного знания.

В социально-гуманитарном знании получают распространение методы топологии, которая рассматривается как «один из разделов так называемой неколичественной (качественной, реляционной) математики, что как нельзя лучше соответствует природе изучаемых гуманитарными науками объектов и явлений» [Полубиченко 2017а, с. 103]. Поэтому специалисты еще в конце прошлого столетия фиксировали обращение целого ряда ученых в разных областях знания к методологии топологии в своих исследованиях. Таким образом, в социально-гуманитарном знании возникает идея о «топологическом повороте» в социальных и гуманитарных науках в начале XXI в. [Шалаева 2016]. Вместе с тем эту тенденцию предлагалось рассматривать как некую смену парадигм в этой области. В научном дискурсе формируется мнение о том, что «в глобально-методологическом плане» ее можно рассматривать «как новую парадигму гуманитарного знания» [Полубиченко 2017а, с. 102].

Обзор научной литературы

Для осмысления возможностей применения методологии топологии в политической науке обратимся к предметной области топологии как науки. По мнению немецкого математика Иоганна Листинга, которого по праву считают «отцом топологии», так как он первым сформулировал предмет ее исследования, «под топологией будем понимать учение о модальных отношениях пространственных образов, или о законах связности, взаимного положения и следования точек, линий, поверхностей, тел и их частей или их совокупности в пространстве, независимо от отношений мер и величин» [Листинг 1932, с. 35]. В предисловии к известной работе И. Листинга «Предварительные исследования по топологии» Э. Кольман обращает внимание читателей на то, что «основная идея топологии – это отвлечение от положения, величины и формы геометрических фигур: изучаются лишь те их свойства, которые сохраняются при... непрерывных преобразованиях их» [Листинг 1932, с. 16]. Таким образом, применение топологической оптики в процессах анализа социально-политической действительности позволяет комплексно характеризовать процессы и явления современного социума.

Следует отметить, что методология топологии используется философами и политологами, социологами и лингвистами, этот перечень областей знаний достаточно широк. Методологический аппарат топологии стали активно применять для анализа многообразных процессов и явлений еще в XX столетии. Поскольку основными категориями топологии являются пространство и форма, не случайно получает стремительное развитие пространственный вектор топологии в контексте социально-гуманитарного знания. В этой связи необходимо обратиться к работе К. Левина «Принципы топологической психологии», в которой он формулирует социальную теорию поля [Левин 2019]. Пространственный ракурс изучения позволил ему на основе топологического анализа расширить представления о социальном пространстве и сформулировать основы социальной топологии. Многообразие подходов к изучению пространства предлагает П. Бурдьё в ставших классикой современной социально-политической мысли работах, например в «Социологии социального пространства» [Бурдьё 2007].

С точки зрения изучения пространственных и топологических аспектов современного общества на основе применения топологической оптики следует выделить целый ряд направлений исследований специалистов (они представлены на рис. 1) [Азаренко 2014; Савчук 2012; Халина 2015; Полубиченко 2017b; Заякина 2017].

К ним относятся самые разные области знания – топологическая антропология, социальная топология, филологическая топология, топология политических процессов, топологическая рефлексия. Безусловно, это далеко не полный перечень применения методологии топологии в ракурсе изучения человека и общества в целом. Топологические ракурсы исследования действительности в современном социально-гуманитарном знании предлагают широкую палитру методов для характеристики современного мира.

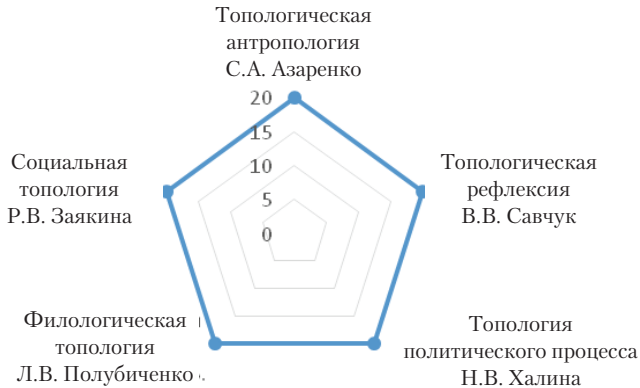


Рис. 1. Топологические ракурсы в социально-гуманитарном знании

Таким образом, возможность использования методологии топологии для анализа процессов и явлений новой социальной реальности представляется весьма эффективной и продуктивной.

Методы

Топологический ракурс изучения социальных, политических, экономических процессов дает возможность их многоуровневого рассмотрения в контексте пространства и форм их проявления. Особый исследовательский интерес представляет использование для их изучения одного из основных топологических понятий – гомеоморфности.

Термин «гомеоморфность» относится к ключевым понятиям топологии и используется прежде всего в области математики (геометрии) при анализе объектов в пространстве. Гомеоморфность

предметов состоит в сохранении их основных свойств в процессах деформации, и в этой связи достаточно вспомнить широко известный в топологии пример с чашкой и бубликом. Эти предметы гомеоморфны, поскольку при их растяжении или сжатии в процессе трансформаций они сохраняют свои свойства и представляют собой цельные поверхности, которые имеют всего лишь одно отверстие и с топологической точки зрения рассматриваются как один и тот же предмет (объект).

В этой связи уместно использовать свойство гомеоморфности при изучении процессов и явлений в социальной и политической сферах. Например, в процессе исследования политических отношений и политических коммуникаций на основе применения не только методов топологии, но и сетевого подхода. Политическое и социальное пространство в его дуализме – реальном и виртуальном – представляет особый интерес для социологов и политологов. А возможности топологической оптики позволяют исследователю выявить новые грани социально-политической реальности.

Следует упомянуть и о таком свойстве объектов, как непрерывность или континуальность, которое также относится к области топологического анализа. И эти категории топологии в контексте их применения в социально-гуманитарных науках позволяют осуществлять количественную и качественную экспертизу социальных процессов. На наш взгляд, для многих общественных процессов и явлений, социально-политических практик характерно свойство гомеоморфности. Например, социальные и политические отношения сохраняют в процессе развития свои основные характеристики, но при этом приобретают новые формы.

С развитием современных технологий, прежде всего информационно-коммуникационных технологий, и внедрением их в повседневность пространство социальных коммуникаций существенно изменяется, например, виртуальное пространство Интернета позволяет осуществлять коммуникации непрерывно во времени и пространстве (свойство континуальности), при этом они подвергаются модификации. В виртуальном пространстве коммуникации изменчивы, подвижны и представляют собой потоки информации и смыслов, символов и знаков. Представляется, что потоки политических коммуникаций топологически эквивалентны, т. е. имеют сходные свойства. При этом А.И. Демидов обращает внимание на «подвижность сетевой политической среды» в контексте изучения человека – его качеств, свойств, характеристик, коммуникаций в условиях сетевого общества [Демидов 2014, с. 110].

И в этой связи следует упомянуть еще об одном топологическом свойстве – морфогенезе, т. е. образовании новых форм.

В сетевом политическом пространстве, как упоминалось выше, возникают новые конфигурации и формы политических коммуникаций.

Методология топологии активно применяется в области информатики и вычислительной техники, информационно-коммуникационных технологий в ракурсе топологии сетей. В условиях организации локальных компьютерных сетей на основе принципов топологии классическими, по мнению специалистов, являются звезда, магистраль, кольцо. Наряду с перечисленными выделяют еще несколько видов топологии сетей, которые представляют собой своего рода симбиоз связей между устройствами в сетях. Таким образом, методология топологии успешно применяется в самых разных областях, как в теоретико-методологическом ракурсе, так и практическом аспекте. Образующая в процессах методологического синтеза своего рода полифония методов позволяет проводить количественный и качественный анализ процессов и явлений действительности.

Результаты анализа

Обратимся далее к характеристике одного из видов социальных коммуникаций – политических коммуникаций на основе топологического подхода. Поскольку «именно политические коммуникации формируют своеобразную «ткань отношений» [Сетевизация 2021, с. 281]. В пространстве социальных коммуникаций происходит конструирование форм и смыслов, в том числе и политических коммуникаций между субъектами политического процесса, а также политических отношений между ними.

На основе использования ключевых понятий топологии – пространства и формы – перейдем к их анализу в контексте политических коммуникаций. Обратимся к понятию «топологическое пространство – фундаментальный вид абстрактных пространств, формализующий понятия непрерывности, предельного перехода (сходимости) и близости между точками пространства» [Вечтомов 2014, с. 87]. В рамках предложенного здесь определения выделим несколько ключевых для изучения пространства политических коммуникаций подходов. С одной стороны, дуализм, т. е. неразрывное единство его виртуальной и социальной составляющих. Виртуальное пространство, возникшее сравнительно недавно с появлением Интернета, во многом преобразило жизнь современного человека и общества в целом, изменив внешнюю среду их обитания.

С другой стороны, в пространстве сетей политические коммуникации приобретают иные, нежели в социальной реальности, модели и формы. Важную роль при этом будет играть маршрутизация коммуникаций, определяемая не только технологической составляющей, т. е. топологией сетей, но и интенсивностью связей между субъектами в пространстве сетей. Однако следует обратить внимание на основные элементы коммуникационных процессов – это узлы сетей. Узлами сетей являются практически все субъекты политических коммуникаций, однако они не равноценны и оказывают разное влияние на пользователей политических сетей. Значимость узла сети определяется его количеством связей, а значит, и степень влияния на пользователей сетей, возможности аккумуляции и формирования их мнений оказывается сосредоточенной в немногочисленных узлах. Таким образом, лидеры мнений, имеющие в сетевом политическом пространстве значительное число связей, обладают бóльшим сетевым политическим капиталом, нежели остальные пользователи. Кроме того, проходя через узлы сетей, политические коммуникации приобретают иные конфигурации в пространстве политических сетей.

Получившая широкое распространение в сетевом обществе блогосфера является фактически неотъемлемой стороной виртуальной жизни современного сетевого человека. «Блоги стали превращаться в значимую публичную площадку для обмена мнениями, позициями, передачи определенных идей и информации, формирования общественного мнения в целом и соответственно “публики”, репрезентирующей смысловую направленность реально происходящих социально-политических событий, и через всю совокупность этих свойств они сами становились фактором конструирования новой реальности» [Никовская 2022, с. 8]. Безусловно, важную роль будет играть тот контент, в данном случае политический контент в политических коммуникациях, который блогер предлагает своим пользователям. Представляется возможным сделать вывод о том, что в сетевом политическом пространстве Интернета блогеры оказывают немаловажное влияние на политические коммуникации, на их смыслы и маршрутизацию.

Интерес для исследователя вызывает вопрос о взаимозависимостях субъектов политических коммуникаций, а также степени связанности между ними посредством узлов, т. е. в контексте развития политической науки представляется перспективным формирование направления исследований – топология политических коммуникаций в сетях. Таким образом, можно рассматривать «понимание топологии в качестве символической

конфигурации сетевых акторов [Заякина 2018, с. 128]. В подтверждение этого мнения, на наш взгляд, уместно привести одно из положений квантовой теории, рассматривающей пространство (квантовое пространство) как «ткань из соседских отношений»¹. Междисциплинарный подход к исследованиям политического пространства позволяет выявить новые контуры политических коммуникаций и политических отношений в сетях.

В ходе коммуникативных практик в пространстве политических сетей важную роль играет ресурсный потенциал субъектов политических коммуникаций. Это имеет большое значение в пространстве взаимодействия государства и общества, например, обращения граждан в органы власти, предоставление государственных услуг (посредством портала «Госуслуги») и др. Кроме того, в пространстве сетевых политических коммуникаций реализуется в разнообразных формах политическая деятельность граждан, например онлайн-участие в митингах, флешмобах, электронное голосование и др. Следовательно, сетевое политическое пространство расширяет спектр и преобразует формы политических практик. И еще один важный аспект – в виртуальном пространстве политических коммуникаций отчетливо проявляется переход от иерархического взаимодействия субъектов к сетевому.

Вместе с тем топологическое пространство политических коммуникаций в условиях цифровизации претерпевает существенные изменения, обусловленные прежде всего его технологической составляющей. Цифровизация трансформирует модели и формы как политических коммуникаций, так и политических отношений. В целом, по оценкам ряда специалистов, «политическое пространство современного общества представляет собой многоуровневую систему информационно-коммуникативных процессов» [Дюкина 2004, с. 195].

Для анализа пространства политических коммуникаций, как, впрочем, и социальных коммуникаций в целом, может быть органично применена предложенная Джоном Ло концепция «социальной топологии». Дж. Ло является одним из авторов акторно-сетевой теории, наряду с Бруно Латуром и Мишелем Каллоном. Эта теория во многом изменила наши представления о сетевом обществе в контексте связей и отношений, социальных практик. «Социальная топология» Дж. Ло, по сути, предлагает синтез топологии пространства и топологии формы в контексте анализа социальной реальности.

¹ Ровелли К. Нереальная реальность: Путешествие по квантовой петле / пер. с англ. А. Сергеева. СПб.: Питер, 2020. 304 с.

Выводы

В заключение следует отметить, что на основе использования междисциплинарного подхода возможность привлечения методологии разных наук (на примере топологии) для анализа процессов и явлений новой социальной реальности представляется достаточно эффективной. Отмечается, что применение топологической оптики для анализа социально-политической действительности позволяет комплексно характеризовать процессы и явления современного социума. Методология топологии успешно применяется в самых разных областях, как в теоретико-методологическом ракурсе, так и практическом аспекте.

Топологический ракурс изучения социальных, политических, экономических процессов дает возможность их многоуровневого рассмотрения в контексте пространства и форм их проявления. Междисциплинарный подход к исследованиям политического пространства позволяет выявить новые контуры политических коммуникаций и политических отношений в сетях. Сетевое политическое пространство расширяет спектр и преобразует формы политических практик. Применение методологического потенциала топологии позволяет ученым выявить новые модели политических коммуникаций в пространстве сетевого общества. Тем самым топологическое измерение пространства социальных коммуникаций, в том числе политических коммуникаций, расширяет методологический аппарат специалистов. Топологическая оптика изучения социально-политических процессов и явлений позволяет исследователям проводить их качественный анализ в условиях глобальной турбулентности современного мира.

Литература

- Азаренко 2014 – Азаренко С.А. Топологии сообщества. Казань: Познание, 2014. 228 с.
- Алексеева 2020 – Алексеева Т.А. Политическая наука в поисках нового мышления // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. № 1. С. 6–11.
- Бурдьё 2007 – Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
- Вечтомов 2014 – Вечтомов Е.М., Варанкина В.И., Лубягина Е.Н. Изучение топологической структуры // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 2. С. 86–93.
- Демидов 2014 – Демидов А.И. Политические качества сетевого человека // Сети в публичной политике, политическая наука: Ежегодник, 2014 / ред. А.И. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 104–121.

- Дюкина 2004 – Дюкина С.В. Структура политического пространства современного общества в рамках информационно-коммуникативной системы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2004. № 1. С. 189–196.
- Заякина 2017 – Заякина Р.А. Роль топологии в исследовании социальных объектов: вчера, сегодня, завтра // Идеи и идеалы. 2017. № 3 (33). Т. 2. С. 41–62.
- Заякина 2018 – Заякина Р.А. Генезис топологических воззрений в сетевом подходе // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2018. № 41. С. 124–130.
- Левин 2019 – Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. Е.А. Сурпиной. М.: Академический проект, 2019. 313 с.
- Листинг 1932 – Листинг И.Б. Предварительные исследования по топологии / пер. с нем. Э. Кольмана. М.; Л.: Гостехиздат, 1932. 116 с.
- Макагон 2012 – Макагон Т.И. Возникновение топологического восприятия пространства в теориях социальных полей // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 162–167.
- Никовская 2022 – Никовская Л.И. Блогинг как стремительно растущий институт публичной политики в контексте формирующегося сетевого общества // Социально-политические исследования. 2022. № 4 (17). С. 5–17.
- Полубиченко 2017а – Полубиченко Л.Б. Топологическая парадигма гуманитарного знания: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 102–117.
- Полубиченко 2017б – Полубиченко Л.В. Филологическая топология: теория и практика. М.: Флинта, 2017. 280 с.
- Савчук 2012 – Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: Канон-Плюс, 2012. 416 с.
- Сетевизация 2021 – Сетевизация политических отношений в условиях новой реальности / отв. ред. О.М. Михайленок, А.В. Назаренко. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 382 с.
- Сморгунов 2023 – Сморгун Л.В. Математика и политика // Политология: Новый лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 20–30.
- Халина 2015 – Халина Н.В. Топология современного политического процесса: топосная диалектика и деривационные механизмы электорального дискурса // История и теория политической науки. 2015. Вып. 7. С. 43–60.
- Шалаева 2016 – Шалаева А.В. О трансформации понятия пространства в гуманитарных дисциплинах в контексте *topologische Wende* // Труды БГТУ. История, философия, филология. 2016. № 5. С. 129–132.

References

- Alekseeva, A.I. (2020), “Political science in search of new thinking”, *Sotsial'nye i humanitarnye znaniya*, vol. 6, no. 1, pp. 6–11.
- Azarenko, S.A. (2014), *Topologii soobshchestva* [Community topologies], Poznanie, Kazan, Russia.

- Bourdieu, P. (2007), *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space], Saint Petersburg, Russia.
- Demidov, A.I. (2014), "Political qualities of a Network man", in Solov'ev, A.I., ed., *Networks in public policy, political science. Yearbook ,2014*, Politicheskaya ehntsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 104–121.
- Dyukina, S.V. (2004), "The structure of the political space of modern society within the framework of the information and communication system", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie*, no. 1, pp. 189–196.
- Khalina, N.V. (2015), "Topology of the modern political process: topos dialectics and derivational mechanisms of electoral discourse", in *Istoriya i teoriya politicheskoi nauki* [History and theory of political science], iss. 7, pp. 43–60.
- Levin, K. (2019), *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [Field theory in social sciences], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Listing, I.B. (1932), *Predvaritel'nye issledovaniya po topologii* [Preliminary studies on topology], Gostekhizdat. Moscow, Leningrad, USSR.
- Makagon, T.I. (2012) "The emergence of topological perception of space in the theories of social fields", *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, vol. 321, no. 6, pp. 162–167.
- Mikhailenok, O.M. and Nazarenko, A.V., eds. (2021), *Setevizatsiya politicheskikh otnoshenii v usloviyakh novoi real'nosti* [Networkization of political relations in the context of the new reality], FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Nikovskaya, L.I. (2022) "Blogging as a rapidly growing public policy institution in the context of the emerging network society", *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, vol. 17, no. 4, pp. 5–17.
- Polubichenko, L.V. (2017), *Filologicheskaya topologiya: teoriya i praktika* [Philological topology: theory and practice], Flinta, Moscow, Russia.
- Polubichenko, L.B. (2017), "Topological paradigm of humanitarian knowledge: myth or reality?", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 4. pp. 102–117.
- Savchuk, V.V. (2012), *Topologicheskaya refleksiya* [Topological reflection], Kanon-Plyus, Moscow, Russia.
- Shalaeva, A.V. (2016), "On the transformation of the concept of space in the humanities in the context of topologische Wende", *Trudy BGTU. Istoriya, filosofiya, filologiya*, no. 5, pp. 129–132.
- Smorgunov, L.V. (2023), "Mathematics and politics", in *Politologiya. Novyi leksikon* [Political science. New lexicon], Aspekt Press, Moscow, Russia, pp. 20–30.
- Vechtomov, E.M., Varankina, V.I. and Lubyagina, E.N. (2014), "Study of topological structure", *Herald of Vyatka State University*, no. 2, pp. 86–93.
- Zayakina, R.A. (2017), "The role of topology in the study of social objects: yesterday, today, tomorrow", *Idei i Idealy*, vol. 2, no. 3 (33), pp. 41–62.
- Zayakina, R.A. (2018), "Genesis of topological views in the network approach", *Tomsk State University. Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 41, pp. 124–130.

Информация об авторе

Ольга Г. Щенина, кандидат политических наук, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия: 117218, Москва, Россия, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, oschenina@mail.ru

Information about the author

Olga G. Shchenina, Cand. of Sci. (Political Sciences), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, Russia, 117218; oschenina@mail.ru

Рациональные и символические компоненты обоснования этнополитических конфликтов

Сергей В. Лебедев

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, svlebedev@fa.ru*

Михаил Н. Грачев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, grachev.m@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются рационалистский и символический подходы к обоснованию этнополитических конфликтов. Отмечается, что рационалистский подход, интерпретирующий этническое насилие как результат определенных «расчетов», сделанных политическими агентами, распадается на два условных направления. Первое из них основывается на идее «этнической дилеммы безопасности» и предполагает, что подобные конфликты начинаются с превентивного насилия, вызванного неуверенностью одного из политических агентов относительно намерений противостоящей ему стороны. Второе направление делает акцент на так называемых «хищнических элитах», стремящихся использовать этническое насилие как инструмент подъема собственной легитимности в условиях, когда остальные варианты исчерпаны. Подчеркивается, что данные направления не учитывают психосимволическое измерение политики, в частности, не принимая во внимание тот факт, что этническое насилие может не иметь чисто рационального основания и быть продуктом конфликта идентичностей, коллективной памяти и т. п. Напротив, символическая интерпретация, развиваемая политологами-конструктивистами, предлагает для понимания глубинной сути того или иного этнического конфликта анализировать его мифо-символический комплекс, а именно – исследовать эвкативные символы, становящиеся триггерами политического насилия. При этом данный подход не сбрасывает со счетов рационалистские трактовки этнического насилия и в известной степени абсорбирует их. Авторы предпринимают попытку рассмотреть военную кампанию Израиля в секторе Газа, начавшуюся в 2023 г., через призму рационалистского и символического подходов.

Ключевые слова: этнополитический конфликт, этническая дилемма безопасности, модель хищнических элит, психосимволическое измерение политики, символическая интерпретация конфликта, военная операция в секторе Газа

Для цитирования: Лебедев С.В., Грачев М.Н. Рациональные и символические компоненты обоснования этнополитических конфликтов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 171–188. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-171-188

Rational and symbolic components of the ethno-political conflicts justification

Sergei V. Lebedev

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia, solebedev@fa.ru*

Mikhail N. Grachev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
grachev.m@rggu.ru*

Abstract. This article is devoted to the analysis of the rationalist and symbolic approaches to the ethno-political conflicts justification. The authors note that the rationalist approach, which interprets ethnic violence as the result of certain “calculations” made by political agents, splits into two conditional directions. The first direction is based on the idea of an “ethnic security dilemma” and suggests that such conflicts begin with the preventive violence caused by the uncertainty of one of the political agents about the intentions of the opposing side. The second direction is focused on the so-called “predatory elites” who seek to use ethnic violence as a tool to raise their own legitimacy in the conditions when other options have been exhausted. The authors emphasize that these trends do not take into account the psycho-symbolic dimension of politics, in particular, they do not consider the fact that ethnic violence may not have a purely rational basis and be the product of the conflict of identities or collective memory, etc. On the contrary, the symbolic interpretation developed by the constructivist political scientists suggests analyzing its myth-symbol complex in order to understand the deep essence of an ethnic conflict, namely, to explore the evocative symbols that become the triggers of political violence. At the same time, this approach does not discount and, to a certain extent, absorbs the rationalist interpretations of ethnic violence. The authors attempt to examine Israel’s military campaign in the Gaza Strip, which began in 2023, through the prism of the rationalist and symbolic approaches.

Keywords: ethno-political conflict, ethnic security dilemma, predatory elite model, psycho-symbolic interpretation of politics, symbolic interpretation of conflict, military operation in the Gaza Strip

For citation: Lebedev, S.V. and Grachev, M.N. (2024), "Rational and symbolic components of the ethno-political conflicts justification", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 171–188, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-171-188

В настоящее время удельный вес этнической составляющей в политических конфликтах достаточно высок. Согласно обобщенным данным, представленным исследователями из университета Копенгагена, в среднем в мире ежегодно происходит около 20 вооруженных конфликтов, которые рассматриваются политологами в качестве этнических [Ferreira 2021, p. 8], т. е. таких, когда противоборствующие стороны идентифицируют себя и противника на основании принадлежности к той или иной этнической или этнорелигиозной группе. При этом в политической науке преобладает точка зрения, что подобные конфликты характеризуются особо высоким уровнем насилия, хотя некоторые исследователи и пытаются оспорить этот тезис [Kalyvas 2021]. Данные представления предопределили конструирование умозрительной концепции «древней вражды» (ancient hatreds argument) как основания этнополитических конфликтов. Однако с развитием конструктивистского понимания этничности в противовес примордиалистским трактовкам, а также благодаря росту популярности теории рационального выбора проблема этнического насилия приобрела инструментальное и даже экономическое измерение. Полагая, что политики перераспределяют в пользу своих сторонников материальные и иные социальные блага, чтобы заручиться необходимой поддержкой и голосами, американский политолог Дж. Фирон отмечает, что этнические черты облегчают процедуру разграничения между членами «выигрывающей коалиции» и остальными [Fearon 1999]. Иными словами, он предлагает поставить такой мысленный эксперимент: если бы в США голосование за Демократическую партию в случае ее победы означало бы получение экономических благ, то все граждане начали бы автоматически причислять себя к демократам. Однако этнические характеристики подделать сложнее, а это означает, что есть возможность исключить возможных «безбилетников» из членов «выигрывающей коалиции» и не уменьшать долю «казенного пирога» на каждого сторонника. Именно поэтому, считает Фирон, у политиков, практикующих стратегию партикуляризма, всегда будут стимулы политизировать этничность и провоцировать межэтнические конфликты.

Идеи Дж. Фирона являются иллюстрацией того, как современные исследователи часто интерпретируют этничность в качестве

феномена, который во многом является политически-конструируемым и политически-актуализируемым.

В соответствии со сложившимися в политической науке базовыми методологическими принципами на протяжении нескольких десятилетий парадигма рационального выбора была ключевой при объяснении феномена этнических конфликтов. Исследователи стремились максимально «отбросить» культурные и идейные аспекты подобных конфликтов и пытались представить основных участников как рациональных «максимизаторов полезности», не обязательно понимаемой чисто экономически.

В рамках данного подхода можно условно выделить два направления, которые отличаются идентификацией наиболее влиятельного фактора, запускающего этническое насилие. С. Кауфман назвал их школой «дилеммы безопасности» и школой «хищнических элит» (*predatory elites*) [Kaufman 2006].

Первая школа фокусируется на проблеме асимметричности информации о намерениях оппонента, а также отсутствия четкого понимания относительно возможных исходов конфликта, в результате чего принимается решение о нанесении предупредительного удара. Вторая школа рассматривает этническое насилие как частный случай «игры со ставкой на возрождение» (*gamble for resurrection*), т. е. попытки элиты, теряющей популярность, повысить свою легитимность за счет инициации конфликта против «других». При этом социальная группа, на которую опираются данные политики, увеличивает свою поддержку элите, даже если допускает, что именно элита в большей степени ответственна за эскалацию.

В рамках первой школы, делающей упор на асимметричность информации, используется классическая для теории международных отношений концепция «дилеммы безопасности» (*security dilemma*), согласно которой каждая из сторон не уверена относительно намерений контрагента и предпочитает делать ставку на наращивание военного потенциала как способа минимизации потерь. Однако это не проходит незамеченным другой стороной, которая также предпринимает ответные действия, что в итоге приводит к закручиванию спирали эскалации и иллюстрирует, в частности, гонку вооружений между сверхдержавами во время холодной войны.

Одним из первых исследователей, кто попытался применить эту концепцию к межэтническим конфликтам, был Б. Позен, который отмечал, что в этническом смысле дилемма безопасности возникает в ситуации ослабления государства [Posen 1993]. Если в международных отношениях эта дилемма вытекает из их анархичности и неопределенности (с точки зрения реализма), то межэтнические противоречия по общему правилу «сглаживаются»

авторитетом центральной власти. Впоследствии список условий, актуализирующих дилемму безопасности применительно к межэтническим отношениям, был значительно расширен: помимо слабости или отсутствия центральной власти стали приниматься во внимание атмосфера страха и антагонизма, наличие «политического пространства» для конфликта, экономические проблемы и т. п. [Bakalova 2013, p. 113].

В современной политической науке достаточно прочно обосновался концепт «этнической дилеммы безопасности» (ethnic security dilemma, ESD). Исследователи, разрабатывающие данное направление, в частности, показали, что важнейшими факторами этнического насилия являются неверная оценка перспектив исхода конфликта (инициатор обычно излишне оптимистичен) и отсутствие убедительного обязательства (credible commitment), когда лидеры этнических групп не могут представить взаимные достоверные доказательства, свидетельствующие об отсутствии скрытых агрессивных намерений. В этой ситуации, опасаясь того, что «другая сторона» сама тайно готовится к конфликту, лидер этнической группы решает нанести превентивный удар. Он, как пишет Р. Хардин, думает следующим образом: «Я могу улучшить свои перспективы пережить конфликт, если превентивно подавлю тех, с кем конфликтую» [Hardin 1995, p. 143]. Упреждающий удар становится триггером этнической войны.

В рамках второй школы упор делается на политический оппортунизм элит, которые рассматривают этническую войну как способ повысить свою легитимность и остаться у власти. В этом ключе особенно примечательна совместная работа Р. де Фигуредо и Б. Вайнгаста, в которой развивается идея, что этнический конфликт является нежелательной для всех, но при этом рациональной опцией [Figueiredo de, Weingast 1999]. У элит нет доступа к другим инструментам повышения легитимности, нет возможности перераспределить ресурсы в пользу сторонников и т. п., и при условии, что сохранение власти и политического капитала является для них приоритетом, они делают выбор в пользу этнического насилия. При этом их последователи не приветствуют начало этнической войны, но рационально начинают поддерживать свои элиты, считая «других» истинными виновниками эскалации напряженности и воспринимая своих лидеров в качестве защитников.

Таким образом, политологи интерпретируют этнические конфликты через призму теории рационального выбора, во многом также опираясь на концепты из школы реализма в международных отношениях. Тем не менее в последние годы в отечественной и зарубежной политической науке появляются работы, утверждающие

определенную субъективность политической реальности, – в том смысле, что политические процессы и институты зависят от коллективной психики, во многом иррациональной. Однако если воспользоваться языком поведенческой экономики, речь идет о «предсказуемой иррациональности»: исследование в области когнитивной и социальной психологии, идентификация наиболее типичных когнитивных искажений (*cognitive biases*) и эвристик позволяют с определенной долей уверенности прогнозировать иррациональное поведение. Следует отметить, что иррациональным оно является исключительно с точки зрения стороннего наблюдателя, который оценивает решения, принятые политическим агентом, исходя из собственных представлений, однако этот вопрос является в большей степени философско-методологическим и лежит за пределами данного исследования.

Тренд на изучение субъективно-психологического фактора в международных отношениях получил выражение в появлении нового теоретического направления – конструктивизма, авторы которого были охарактеризованы как «принятые мейнстримом революционеры» [Казанцев 2009, с. 105]. Конструктивизм привнес интерес к идентичностям и социально-ментальным конструктам как к факторам, которые активно влияют на политику. В данном контексте на стыке конфликтологии, теории международных отношений и психологии стал развиваться символический подход к этнополитическим конфликтам.

Наиболее обобщенную и последовательную теоретическую конструкцию данного плана разработал С. Кауфман, пытавшийся совместить ее с предпосылками об ограниченной рациональности политических субъектов [Kaufman 2001]. В своей теории он использовал предложенное Э. Смитом понятие «мифо-символического комплекса» [Smith 1999] как некоего краеугольного камня этнического сознания, повествующего о происхождении той или иной этнической группы, ее отличительных чертах, достижениях и главных антагонистах (к примеру, о других этнических группах). С точки зрения данного подхода конфликтность мифо-символического комплекса является достоверным предиктором возможности этнического насилия. Иными словами, если одна этническая группа строит свою идентичность вокруг исторического конфликта с другой, то возникают основания предполагать, что рано или поздно такая интерпретация приведет к реальному вооруженному противостоянию. При этом важно понимать, что, с одной стороны, подобные мифы являются привлекательным инструментом для политиков, тогда как с другой – накладывают на государственных и общественных деятелей определенные ограничения. В качестве

иллюстрации действия подобных ограничений можно привести убийство израильского премьер-министра И. Рабина в 1995 г., осуществленное ультраправым религиозным радикалом, который считал, что предпринятая главой правительства попытка урегулировать давний ближневосточный конфликт путем подписания в Осло соглашений с Организацией освобождения Палестины является предательством интересов Израиля.

Это, однако, не означает, что конфликтный мифо-символический комплекс не может эволюционировать или сознательно модифицироваться в ходе скоординированных политических усилий. А. Аккерман приводит достаточно успешный опыт подобной модификации в послевоенной Европе: если раньше Франция и Германия позиционировали друг друга в качестве исторически враждебных государств даже на страницах школьных учебников, то после 1945 г. ситуация стала постепенно меняться [Ackermann 1994].

Символическая теория не отбрасывает полностью концепцию рационального выбора, однако исходит из того, что рассуждения о политике всегда бывают эмоционально окрашены, поэтому рациональное понимание политическими агентами своих интересов всегда переплетается с эмоциональным отношением к той или иной ситуации. Следует отметить, что эта идея во многом отражает принятые в современной когнитивной психологии и поведенческой экономике представления об «ограниченно-рациональных индивидах», которые чаще пользуются «когнитивным автопилотом», то есть принимают решения на основании эмоций, стереотипов и стимулов, нежели на основании всестороннего анализа проблемы [Maital 2004]. Исследователи, работающие в русле данного подхода, развивают концепцию «эвокативных символов» (evocative symbols) как триггеров этнического насилия [Ross 2001]. Такие символы выражают политические интересы этнической группы, которые в определенном смысле являются рациональными, но репрезентуют их через аффективные образы и метафоры и задают манихейскую «черно-белую» картину мира. К примеру, если рассматривать палестино-израильский конфликт в исторической ретроспективе, то события 1947–1949 гг. (основание Израиля и первая война) воспринимаются палестинцами как «накба» (в переводе с арабского – катастрофа, потрясение, катаклизм), и сам этот термин заряжен сильнейшими эмоциями для арабов [Bar-Tal 2007]. В коллективной памяти израильтян эти события, напротив, символизируют национальное возрождение, воссоздание этнического государства и несут яркий позитивный заряд. Использование эвокативных символов в политических коммуникациях сопутствует этническим конфликтам.

По мнению политологов, разрабатывающих данное направление, важным драйвером возникающих конфликтов является борьба за «ценность группы» в условной иерархии этнических групп [Hogowitz 1985, p. 143], причем эта воображаемая иерархия обычно конструируется относительно какой-то одной или нескольких групп, нежели представляет собой реальный ранжированный список. Иными словами, это скорее звучит как «Мы лучше, чем Они», нежели «Мы занимаем *N*-е место в списке наиболее престижных этнических групп».

Следует отметить, что враждебные символы и мифы выступают необходимым, но не достаточным условием начала конфликта: каждая этническая группа обычно имеет в коллективной психике негативный и даже враждебный образ «иного», однако далеко не всегда это приводит к масштабным противостояниям. Наличие серьезных опасений этнической группы за свою безопасность также не является достаточным условием разворачивания конфликта, хотя и вносит в него значительный вклад.

В некотором смысле данная ситуация напоминает этологический и психологический феномен «борьбы или бегства» (*fight or flight*), но только на уровне этнической общности. Сознвая очевидную условность приведенного сравнения, следует отметить, что этническая группа выбирает стратегию борьбы при наличии возможности относительно эффективно бороться, как бы тавтологично это ни звучало. Возможности для организации этнического насилия имеют спатильное и ресурсное измерение, иными словами, необходимо наличие территориальной базы и эффективных инструментов его осуществления [Toft 2003].

Территориальная база обычно подразумевает существование региона компактного проживания этнической группы, однако в теории речь может также идти и о территории соседнего государства, которое заинтересовано в обострении межэтнических противоречий. Как подчеркивают российские исследователи И.С. Семененко, В.В. Лапкин и В.И. Пантин, «политизация этнонациональных противоречий становится сегодня эффективным средством продвижения интересов крупных игроков глобальной политики» [Семененко, Лапкин, Пантин 2016, с. 79].

Эффективность инструментов этнического насилия имеет многогранную природу: речь может идти как о наличии этнических военизированных организаций, действующих в условиях ослабления центральной власти, так и о подчинении государственного аппарата конкретной этнической группе и организации насилия над «другими» в альянсе с государственными органами, как это было в многократных случаях этнических чисток на протяжении

XX и XXI вв. В частности, в 1995 г. хорватская армия в ходе операции «Буря» фактически ликвидировала республику Сербская Краина, что сопровождалось массовым насилием против сербов.

Символический подход позволяет дать конструктивистскую интерпретацию этнической дилемме безопасности, не лишая ее полностью рационалистического содержания, но при этом подчеркивая ее субъективную трактовку лицами, принимающими решения. Два рассмотренных в рамках рационального выбора подхода к этническому насилию утверждают, что краеугольным камнем конфликта являются или опасения за безопасность в условиях дефицита информации, или «хищнические» планы элит, пытающихся повысить свою легитимность. Символический подход позволяет утверждать, что безопасность и борьба за власть являются взаимосвязанными явлениями: рассуждая о безопасности, лидеры определяют ее как подчинение, ослабление или уничтожение другой этнической группы, сплавливая тем самым безопасность и власть в единое символическое целое.

Кейс-стади: военная операция Израиля в секторе Газа (2023–2024)

Для тестирования рационалистской и символической моделей этнополитического конфликта авторы данной работы выбрали текущий (на момент лета 2024 г.) конфликт в секторе Газа и приняли попытку определить, что движет кабинетом израильского премьер-министра Б. Нетаньяху. Данный конфликт имеет ярко выраженную этническую и религиозную окраску, выступая в первую очередь столкновением светского и религиозного еврейского общества с преимущественно религиозным арабским обществом.

Этническая дилемма безопасности. В ходе исследования были обнаружены возможности рационалистской интерпретации военной операции Израиля через парадигму этнической дилеммы безопасности. Как нами уже отмечалось, ключевыми моментами в данной дилемме становятся недоверие и информационная асимметрия: каждая сторона подозревает другую в тайных замыслах и стремлении нанести внезапный удар. Как показывают исследования Палестинского центра политических и социологических исследований, стратегическое недоверие присутствует с израильской стороны не меньше, чем с арабской: 79% израильтян полагают, что «другая сторона», то есть жители Палестины, не заслуживают доверия. Более того, две трети израильских евреев и 38% жителей Израиля с арабскими корнями убеждены, что именно руководство Палестины

несет ответственность за недоверие между сторонами конфликта¹. Справедливости ради необходимо отметить, что палестинцы также убеждены, что Израилю нельзя доверять, и большинство из них считает, что именно руководство Израиля перечеркнуло попытки выстроить доверительные отношения между сторонами.

Взвешенный подход к разрешению конфликта, разделяемый, в частности, наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммедом ибн Салманом, заключается в том, что «для прочной стабильности в регионе необходимо достижение конкретного мирного соглашения с учетом прав как израильтян, так и палестинцев» [Рыжов, Комаха, Бородина 2023, с. 397]. Однако взаимное недоверие, сочетающееся с десятилетиями спорадического насилия, становится идеальной средой для формирования этнической дилеммы безопасности и создает стимулы для превентивного насилия для каждой из сторон.

Модель хищнических элит. Однако в ходе исследования были также обнаружены указания на роль «хищнических элит» в текущем конфликте. Кабинет премьера Б. Нетаньяху столкнулся с кризисом легитимности и массовыми протестами, вызванными крайне непопулярной реформой судебной системы, которую израильское общество восприняло как покушение на демократический строй. На этом фоне атака ХАМАС в октябре 2023 г. была охарактеризована как «самое катастрофическое событие, произошедшее с Израилем с момента создания <государства>» и это событие «случилось при Нетаньяху»². Подобная атака была бы крайне чувствительной для любого правительства, но для нынешнего премьер-министра она оказалась чувствительной вдвойне, так как он строил свой политический имидж вокруг нарратива о безопасности и даже получил среди политических обозревателей неформальное прозвище «Мистер Безопасность» (Mr. Security) [Rosenberg 2023]. Следует добавить также, что политическая карьера Нетаньяху получила очень мощный толчок в 1996 г. на волне массовых актов насилия против израильтян: достаточно жесткая «ястребиная» позиция относительно Палестины позволила ему обойти на выборах политического тяжеловеса Ш. Переса, вы-

¹ The Palestine/Israel pulse, a joint poll summary report // Palestinian Center for Policy and Survey Research (PSR). <2020. Oct. 26>. URL: <https://pcpsr.org/en/node/823> (дата обращения 28 августа 2024).

² Kampeas R. Netanyahu is unpopular at home. But not for the reasons US lawmakers are turning on him // The Times of Israel. 2024. March 22. URL: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-is-unpopular-at-home-but-not-for-the-reasons-us-lawmakers-are-turning-on-him/> (дата обращения 28 августа 2024).

ступавшего за использование дипломатического ресурса. С этой точкой зрения согласна И.Д. Звягельская, которая отмечает, что «и Бен-Гурион, и Нетаньяху постоянно не просто акцентировали проблему безопасности, но и рассматривали снижение угрозы главным образом за счет силовых действий» [Звягельская 2019, с. 97].

Именно поэтому атака ХАМАС 7 октября 2023 г. оказалась крупнейшим вызовом Нетаньяху. В сочетании с кризисом легитимности, обусловленным реформой судебной системы, это создало стимулы для использования в качестве политической стратегии «ставки на возрождение» – комплекса силовых мер для радикального решения палестинского вопроса и, как следствие, подъема популярности Нетаньяху в израильском обществе. Свои намерения премьер-министр очень четко обозначил в обращении 9 октября: «Картины опустошения и разрушений в опорных пунктах “Хамаса” – это только начало... Я сказал, что каждое место, где находится “Хамас”, превратится в разрушенные города, в будущем этого будет еще больше»³.

Следует отметить, что, конечно же, Нетаньяху действует «реактивно» и в большей степени отвечает на действия ХАМАС, поэтому в полной мере говорить о подтверждении модели «хищнических элит» представляется проблематичным. С другой стороны, масштаб военного ответа Израиля и риторика премьер-министра позволяют говорить о том, что он использует ситуацию для реализации политической стратегии «ставки на возрождение». При этом предварительные данные указывают, что парадоксальным образом израильское общество, поддерживая политику Нетаньяху в отношении Палестины, продолжает желать его ухода. Обозреватель “The Times of Israel” Р. Кампеас приводит мнение социолога Д. Шейдлин: «Вокруг [государственного] флага собираются люди, поддерживающие военные действия, но испытывающие глубокое негодование по отношению к правительству»⁴. Это противоречие заслуживает отдельного исследования, однако в качестве гипотезы можно предположить, что речь идет о достаточно высоком уровне критического мышления, обусловленного значительной степенью образованности израильского общества: страна делит с США 6–7-е места в мире по

³ *Беленькая М.* Нетаньяху пообещал превратить города «Хамаса» в руины // Коммерсантъ. 2023. 9 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6266550> (дата обращения 28 августа 2024).

⁴ *Kampeas R.* Netanyahu is unpopular at home. But not for the reasons US lawmakers are turning on him // The Times of Israel. 2024. March 22. URL: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-is-unpopular-at-home-but-not-for-the-reasons-us-lawmakers-are-turning-on-him/> (дата обращения 28 августа 2024).

уровню распространения высшего образования (на первом месте – Канада, Россия – на втором)⁵.

Символическая интерпретация конфликта. Интенсивность военной кампании, проводимой Израилем в секторе Газа, указывает на наличие «застарелой ненависти», которая становится благодатной почвой для широкомасштабного насилия. Многочисленные сообщения в СМИ достаточно красноречиво указывают на то, что израильская армия крайне жестоко обращается с местным населением, и это дало основание ряду наблюдателей даже говорить о совершении в ходе данной кампании военных преступлений. Подробный анализ боевых действий не является задачей данного исследования, однако сам факт концентрированной жестокости указывает на то, что ситуацию необходимо анализировать не только с позиции рациональных моделей.

Мифо-символический комплекс современного государства Израиль сформировался на базе коллективной памяти о многовековом преследовании евреев, кульминацией которого стал Холокост. Именно поэтому политический сионизм связывается в первую очередь с идеей создания мощного государства, которое сможет защитить своих граждан с помощью армии и спецслужб от подобных преследований в будущем. В качестве решения данной задачи делается акцент на необходимости нанесения решительных превентивных ударов по вероятному противнику, что имманентно прослеживается в израильской военной мысли. Исследователи из американской компании Rand Corporation* отмечают: «Стратегическая доктрина Израиля демонстрирует явное предпочтение упреждающим ударам. В дополнение к сдерживанию врагов Израиля и достижению решающих побед нанесение первого удара также помогает обойти ограничения, в рамках которых Израиль вынужден действовать» [Mueller et al. 2006, p. 190]. При этом все же следует отметить, что некоторые авторы объясняют идею превентивных ударов не столько исторической памятью, сколько особенностями ближневосточного геостратегического ландшафта⁶.

⁵ 10 most educated countries // Data pandas. Most educated countries. URL: <https://www.datapandas.org/ranking/most-educated-countries#top> (дата обращения 28 августа 2024).

* Организация, объявленная Министерством юстиции Российской Федерации нежелательной на территории России.

⁶ *Avi-Hai A.* Preemption has always been part of Israel's military doctrine // The Jerusalem Post. 2019. December 28. URL: <https://www.jpost.com/opinion/preemption-has-always-been-part-of-israels-military-doctrine-612377> (дата обращения 28 августа 2024).

Говоря об эвокативных символах, в первую очередь следует отметить концепт «Великого Израиля», почти официально закрепленный в документах действующего правительства, которые утверждают, что «еврейский народ имеет исключительное и неотъемлемое право на все части Земли Израилевой... включающие библейские части Западного берега – Иудею и Самарию» [Карасова 2023, с. 82]. В качестве других эвокативных символов, оказывающих воздействие на израильскую политику, можно назвать идею «Земли обетованной», образ Иерусалима, коллективную память о военных победах, включая Шестидневную войну, а также представления об Израиле как о национальном доме для еврейского народа.

Относительно ресурсной базы необходимо подчеркнуть, что Израиль обладает масштабными политическими ресурсами, включая натренированную армию, разветвленную сеть спецслужб, современное вооружение, а также пользуется поддержкой со стороны США. И, разумеется, Израиль обладает территориальной базой для ведения военной кампании в секторе Газа.

Символический подход позволяет несколько иначе интерпретировать и этническую дилемму безопасности, связав ее с властными амбициями Б. Нетаньяху. Он строил свою политическую карьеру как государственный деятель, ставящий цель обеспечить безопасность Израиля любыми методами. Следует также добавить, что действующий премьер-министр является представителем поколения, родившегося сразу после Холокоста, и в молодости неоднократно принимал участие в военных кампаниях Израиля, причем, судя по официальной информации, участвовал в атаках специальных сил в глубь территории противника.

Именно поэтому атака ХАМАС 7 октября 2023 г. стала, по сути, вызовом символическим основаниям власти Нетаньяху, подорвав его легитимационный нарратив. Поэтому можно предположить, что в военной кампании в секторе Газа присутствует и мотив личной мести со стороны израильского премьера – он делает ставку на полное уничтожение всех палестинских военизированных организаций с целью восстановления своей легитимности и сохранения целостности нарратива. При этом не исключено, что он осознает, что после окончания военной кампании ему все же придется покинуть свой пост, поэтому для него речь уже идет не столько о сохранении контроля над страной, сколько о собственном образе в истории. И именно это предопределяет крайнюю жесткость мер, на которые идет армия Израиля в текущем конфликте.

Заключение

На материалах палестино-израильского вооруженного противостояния в секторе Газа авторами настоящей работы протестированы рационалистские и символические модели обоснования этно-политических конфликтов. В ходе исследования было установлено, что между жителями Израиля и Палестины существует высокий уровень взаимного недоверия, который создает благоприятную почву для актуализации этнической дилеммы безопасности, продуцирующей, в свою очередь, стремление наносить превентивные удары. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что власти Израиля столкнулись с кризисом легитимности, вызванным крайне непопулярной среди граждан реформой судебной системы, из которого потенциально можно было бы выйти за счет стратегии «ставки на возрождение», что говорит в пользу модели «хищнических элит». Однако с учетом того обстоятельства, что текущая фаза конфликта была инициирована не властями Израиля, говорить о подтверждении в полной мере данной модели не приходится.

Вместе с тем интенсивность конфликта на его нынешней стадии позволяет говорить о присутствии в данном конфликте символического компонента, который со стороны Израиля выражается в наборе эвкативных символов, включающем в себя напоминания об опыте векового притеснения, концепцию «Великого Израиля», образ Земли обетованной и коллективную память о прежних военных победах. На основе данного компонента формируются представления о необходимости нанесения сокрушительных и жестоких ударов по противнику.

Литература

- Звягельская 2019 – *Звягельская И.Д.* Политические долгожители: Незаменимость или отсутствие альтернативы? Давид Бен-Гурион и Биньямин Нетаньяху // Свободная мысль. 2019. № 4 (1676). С. 89–101.
- Казанцев 2009 – *Казанцев А.А.* «Конструктивистская революция», или о роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений // Политическая наука. 2009. № 4. С. 88–114.
- Карасова 2023 – *Карасова Т.А.* Израиль после выборов. Перспективы развития государственной политики // Свободная мысль. 2023. № 4 (1700). С. 77–88.
- Рыжов, Комаха, Бородин 2023 – *Рыжов И.В., Комаха А.А., Бородин М.Ю.* Саудовская Аравия и Государство Израиль в контексте палестино-израильского противостояния // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 393–406.

- Семененко, Лапкин, Пантин 2016 – *Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 69–94.
- Ackermann 1994 – *Ackermann A.* Reconciliation as a peace-building process in post-war Europe: The Franco-German case // Peace and Change. 1994. Vol. 19. No. 3. P. 229–250.
- Bakalova 2013 – *Bakalova M.* An inquiry into the rationale behind violent ethnic conflicts: A rational choice perspective // Economic Alternatives. 2013. No. 4. P. 103–115.
- Bar-Tal 2007 – *Bar-Tal D.* Sociopsychological foundations of intractable conflicts // American Behavioral Scientist. 2007. Vol. 50. No. 11. P. 1430–1453.
- Fearon 1999 – *Fearon J.D.* Why ethnic politics and “pork” tend to go together // Stanford University. 1999. June 16. URL: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Pork.pdf> (дата обращения 28 августа 2024).
- Ferreira 2021 – *Ferreira I.A.* Ethnic conflict, tensions, and protests: taking stock of available cross-country data // WIDER Technical Note. 2021. № 22. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/Publications/Technical-note/PDF/tn2021-22-ethnic-conflict-tensions-protests-cross-country-data.pdf> (дата обращения 28 августа 2024).
- Figueiredo de, Weingast 1999 – *Figueiredo R.J.P. de, Weingast B.* The rationality of fear: Political opportunism and ethnic conflict // Civil wars, insecurity, and intervention / ed by B.F. Walter, J. Snyder. N.Y.: Columbia University Press, 1999. P. 261–302.
- Hardin 1995 – *Hardin R.* One for all: The logic of group conflict. Princeton: Princeton University Press, 1995. 288 p.
- Horowitz 1985 – *Horowitz D.L.* Ethnic groups in conflict. Berkeley: University of California Press, 1985. 697 p.
- Kalyvas 2021 – *Kalyvas S.* The dynamics of violence in Civil War: Evaluating the impact of ethnicity on violence // The Harry Frank Guggenheim Foundation. 2021. June 28. URL: https://www.hfg.org/grant_summaries/the-dynamics-of-violence-in-civil-war-evaluating-the-impact-of-ethnicity-on-violence/ (дата обращения 28 августа 2024).
- Kaufman 2001 – *Kaufman S.J.* Modern Hatreds: The symbolic politics of ethnic war. N.Y.: Cornell University Press, 2001. 262 p.
- Kaufman 2006 – *Kaufman S.J.* Symbolic politics or rational choice? Testing theories of extreme ethnic violence // International Security. 2006. Vol. 30. No. 4. P. 45–86.
- Maital 2004 – *Maital S.* Daniel Kahneman: on redefining rationality // The Journal of Socio-Economics. 2004. Vol. 33. No. 1. P. 1–14.
- Mueller et al. 2006 – *Mueller K.P., Castillo J.J., Morgan F.E., Pegahi N., Rosen B.* Striking first: Preemptive and preventive attack in U.S. National Security Policy. Santa Monica, California: RAND Corporation*, 2006. 344 p.

- Posen 1993 – *Posen B.R.* The security dilemma and ethnic conflict // Ethnic conflict and international security / ed. by M.E. Brown. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 103–124.
- Rosenberg 2023 – *Rosenberg D.E.* Netanyahu hasn't just lost his credibility on security // Foreign Policy Magazine. 2023. October 17. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/10/17/israel-hamas-gaza-benjamin-netanyahu-economy-security-polls/> (дата обращения 28 августа 2024).
- Ross 2001 – *Ross M.H.* Psychocultural interpretations and dramas: Identity dynamics in ethnic conflict // Political Psychology. 2001. Vol. 22. No. 1. P. 157–178.
- Smith 1999 – *Smith A.D.* Myths and memories of the nation. N.Y.: Oxford University Press, 1999. 288 p.
- Toft 2003 – *Toft M.D.* The geography of ethnic violence: Identity, interests, and indivisibility of territory. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 226 p.

References

- Ackermann, A. (1994), “Reconciliation as a peace-building process in postwar Europe: the Franco-German case”, *Peace and Change*, vol. 19, no. 3, pp. 229–250.
- Bakalova, M. (2013), “An inquiry into the rationale behind violent ethnic conflicts: a rational choice perspective”, *Economic Alternatives*, no. 4, pp. 103–115.
- Bar-Tal, D. (2007), “Sociopsychological foundations of intractable conflicts”, *American Behavioral Scientist*, vol. 50, no. 11, pp. 1430–1453.
- Fearon, J.D. (1999), *Why ethnic politics and ‘pork’ tend to go together*, Stanford University, Stanford, Calif., June 16, available at: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Pork.pdf> (Accessed 28 August 2024).
- Ferreira, I.A. (2021), “Ethnic conflict, tensions, and protests: taking stock of available cross-country data”, *WIDER Technical Note*, no. 22, available at: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/Publications/Technical-note/PDF/tn2021-22-ethnic-conflict-tensions-protests-cross-country-data.pdf> (Accessed 28 August 2024).
- Figueiredo, R.J.P., de and Weingast, B. (1999), “The rationality of fear: political opportunism and ethnic conflict”, in: Walter, B.F. and Snyder, J., eds., *Civil Wars, insecurity, and intervention*, New York, Columbia University Press, USA, pp. 261–302.
- Hardin, R. (1995), *One for all: the logic of group conflict*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.
- Horowitz, D.L. (1985), *Ethnic groups in conflict*, University of California Press, Berkeley, Calif., USA.
- Kalyvas, S. (2021), “The dynamics of violence in Civil War: evaluating the impact of ethnicity on violence”, *The Harry Frank Guggenheim Foundation*, June 28, available at: https://www.hfg.org/grant_summaries/the-dynamics-of-violence-

- in-civil-war-evaluating-the-impact-of-ethnicity-on-violence/ (Accessed 28 August 2024).
- Karasova, T.A. (2023), "Israel after elections. Political development progress", *Svobodnaya mysl'*, vol. 1700, no. 4, pp. 77–88.
- Kaufman, S.J. (2001), *Modern Hatreds: The symbolic politics of ethnic war*, Cornell University Press, New York, USA.
- Kaufman, S.J. (2006), "Symbolic politics or rational choice? Testing theories of extreme ethnic violence", *International Security*, vol. 30, no. 4, pp. 45–86.
- Kazantsev, A.A. (2009), " 'Constructivist revolution', or About the role of cultural and civilizational factors in the modern theory of international relations", *Political science (RU)*, no. 4, pp. 88–114.
- Maital, S. (2004), "Daniel Kahneman: on redefining rationality", *The Journal of Socio-Economics*, vol. 33, no. 1, pp. 1–14.
- Mueller, K.P., Castillo, J.J., Morgan, F.E., Pegahi, N. and Rosen, B. (2006), *Striking first: preemptive and preventive attack in U.S. national security policy*, RAND Corporation •, Santa Monica, Calif., USA.
- Posen, B.R. (1993), "The security dilemma and ethnic conflict", in Brown, M.E., ed., *Ethnic conflict and international security*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA, pp. 103–124.
- Rosenberg, D.E. (2023), "Netanyahu hasn't just lost his credibility on security", *Foreign Policy Magazine*, October 17, available at: <https://foreignpolicy.com/2023/10/17/israel-hamas-gaza-benjamin-netanyahu-economy-security-polls/> (Accessed 28 August 2024).
- Ross, M.H. (2001), "Psychocultural interpretations and dramas: identity dynamics in ethnic conflict", *Political Psychology*, vol. 22, no. 1, pp. 157–178.
- Ryzhov, I.V., Komakha, A.A. and Borodina, M.Yu. (2023), "Saudi Arabia and State Israel in the context of the Palestinian-Israeli confrontation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3, pp. 393–406.
- Semenenko, I.S., Lapkin, V.V. and Pantin, V.I. (2016) "Classifying ethnic conflicts. Challenges for political theory and methodology", *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 69–94.
- Smith, A.D. (1999), *Myths and memories of the nation*, Oxford University Press, New York, USA.
- Toft, M.D. (2003), *The geography of ethnic violence: identity, interests, and indivisibility of Territory*, Princeton University Press, Princeton, NJ., USA.
- Zvyagel'skaya, I.D. (2019), "Political longevity. Indispensability or lack of alternative? David Ben-Gurion and Benjamin Netanyahu", *Svobodnaya mysl'*, vol. 1676, no. 4, pp. 89–101.

Информация об авторах

Сергей В. Лебедев, кандидат политических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; 125167, Россия, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2; svlebedev@fa.ru

Михаил Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; grachev.m@rggu.ru

Information about the authors

Sergei V. Lebedev, Cand. of Sci. (Political Science), Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; 49/2, Leningradsky Av., Moscow, Russia, 125167; svlebedev@fa.ru

Mikhail N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; grachev.m@rggu.ru

Культурные и духовно-нравственные
основы управления национальной обороной
Российской Федерации
в условиях современного межгосударственного
противоборства

Игорь А. Копылов

Академия военных наук, Москва, Россия, dxharald@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается современная деятельность управления национальной обороной Российской Федерации по обеспечению комплексной защиты личности, общества и государства во всех сферах жизнедеятельности российского общества. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения защиты и безопасности в культурной и духовно-нравственной сфере, значение которой в третьем десятилетии XXI в. неизмеримо возросло. Определяется это тем, что в условиях современного межгосударственного противоборства, проводимой Россией специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, коллективный Запад во главе с США, стремясь сохранить свои лидирующие позиции в мировой системе, проводит целенаправленную и многовекторную санкционную политику по отношению к России не только в целях замедления социально-экономического развития российского общества, смены политического режима и разрушения государственного суверенитета, но и навязывания российским гражданам неолиберальных и нетрадиционных ценностей, фальсификации исторической роли российского государства и народа в мировой истории. Проведенный анализ деструктивной политики США и их союзников позволил определить меры противодействия деструктивному культурному и духовно-нравственному воздействию, обозначить задачи, которые необходимо решить органам государственной власти в их деятельности по обеспечению национальной обороны России.

Ключевые слова: межгосударственное противоборство, национальная безопасность, управление национальной обороной, национальные интересы и приоритеты, культурные и духовно-нравственные основы развития, патриотизм

Для цитирования: Копылов И.А. Культурные и духовно-нравственные основы управления национальной обороной Российской Федерации в условиях современного межгосударственного противоборства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 6. С. 189–201. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-189-201

Cultural and spiritual-moral foundations of managing the national defense of the Russian Federation in the context of the present-day interstate confrontation

Igor A. Kopylov

Academy of Military Sciences, Moscow, Russia, dxharald@mail.ru

Abstract. The article examines the present-day activities of the national defense department of the Russian Federation to ensure a comprehensive protection of an individual, society and the state in all spheres of life of the Russian society. Particular attention is paid to the issues of ensuring protection and security in the cultural, spiritual and moral spheres, the importance of which has increased immeasurably in the third decade of the 21st century. This is determined by the fact that in the conditions of the present-day interstate confrontation and the special military operation conducted by Russia to denazify and demilitarize Ukraine, the collective West led by the United States, seeking to maintain its leading position in the world system, pursues a targeted and multi-vector sanctions policy towards Russia so as not to only slow down the socio-economic development of the Russian society, to change the political regime and destroy the state sovereignty, but also to impose neoliberal and non-traditional values on the Russian citizens, to falsify the historical role of the Russian state and the Russian people in world history. The analysis of the destructive policy of the United States and its allies made it possible to determine the measures to counter the destructive cultural, spiritual and moral impact, to identify the tasks that need to be solved by the state authorities in their activities to ensure the national defense of Russia and the Russian society.

Keywords: interstate confrontation, national security, national defense management, national interests and priorities, cultural and spiritual-moral foundations of development, patriotism

For citation: Kopylov, I.A. (2024), "Cultural and spiritual-moral foundations of managing the national defense of the Russian Federation in the context of the present-day interstate confrontation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 6, pp. 189–201, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-189-201

Введение

В третьем десятилетии XXI в. формирование и становление многополярного мира служат основной причиной усиливающего межгосударственного противоборства за лидирующие позиции в мировой системе и сохранение влияния на все процессы, происходящие на планете. В настоящее время противоборство между

коллективным Западом и государствами–сторонниками нового миропорядка принимает все более ожесточенный характер за счет применения новейших методов и способов ведения борьбы во всех сферах международной жизни: экономической, политической, военной, социальной, информационной, правовой, идеологической и других. Примером тому может служить современная санкционная деятельность США и их союзников против многих государств мира, противоречащая нормам международного права и направленная на ослабление потенциального противника за счет введения против него мер деструктивного характера, непосредственно влияющих на состояние его национальной обороны и безопасности¹.

Наиболее активную санкционную деятельность США и их союзники осуществляют в настоящее время против Российской Федерации, стремясь ослабить одного из основных своих противников, посеять хаос во всех сферах жизнедеятельности российского общества [Шаклеина 2020]. Многочисленные экономические, политические, культурные и другие санкции исчисляются многими тысячами конкретных мер. Так, 24 июня 2024 г. Европейский союз принял уже 14-й пакет санкций в отношении России. Они затрагивают энергетические, финансовые и торговые секторы российской экономики, а также затрудняют обход уже введенных ранее ограничений.

В своем стремлении уничтожить российское государство, расчленив его на отдельные мелкие страны с подконтрольными правительствами особое внимание коллективный Запад уделяет деструктивному воздействию на сознание российских граждан и всего общества в целом, его традиционные культурно-исторические, духовно-нравственные и религиозные ценности, которые являются ключом к оценке состояния общества и показателем его суверенитета и силы.

Национальная оборона и безопасность России в условиях современного межгосударственного противоборства

В условиях современного межгосударственного противоборства защита личности, общества и государства должна осуществляться за счет целенаправленной деятельности органов государственной

¹ Статья Владимира Путина в газете «Нодон синмун» «Россия и КНДР: традиции дружбы и сотрудничества сквозь года» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 18 июня 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74317/> (дата обращения 25 июня 2024).

власти по реализации политических, военных, дипломатических, экономических, социальных, правовых и иных мер по подготовке и осуществлению их комплексной защиты с использованием всех имеющихся у Российской Федерации сил, средств и ресурсов на ее территории и за рубежом [Копылов 2023, с. 6511]. Такая деятельность определяется как «управление национальной обороной Российской Федерации» и проводится в настоящее время с применением выработанных и апробированных за годы специальной военной операции эффективных форм, методов и способов взаимодействия.

На основании вышеизложенного допустимо утверждать, что обеспечение национальной безопасности России в условиях современного межгосударственного противоборства во многом зависит от состояния безопасности всех отдельных сфер общественной жизни, наличия эффективного управления национальной обороной, основная задача которого сводится к обеспечению суверенитета и целостности российского государства. Как было уже сказано ранее, целенаправленная деятельность по обеспечению национальной обороны должна проводиться органами государственной власти за счет разработанного комплекса мер, и в том числе превентивного характера. Успешное противодействие новейшим вызовам и угрозам со стороны коллективного Запада должно осуществляться во всех сферах жизнедеятельности без надления какой-либо из них повышенного статуса. Объясняется это тем, что процессы, происходящие во всех сферах общественной жизни взаимосвязаны, дополняют друг друга, что в целом позволяет российскому государству и обществу достигать и обеспечивать национальные интересы и приоритеты. Примером тому могут быть экономическая и технологическая сферы [Шафранская 2023].

Основным компонентом механизма государственной политики в области национальной обороны и безопасности, по мнению автора статьи, является культурно-духовный компонент, значение которого, как и культурной безопасности, при проведении специальной военной операции на Украине значительно выросло на фоне необъявленной войны России коллективным Западом. Такое мнение автора строится на том, что в настоящее время, не имея возможности победить Россию в открытом бою или сражении, США и их союзники предпринимают беспрецедентные меры по расколу российского общества за счет использования информационного воздействия на умы россиян, а также их разум, подвергая его технологиям когнитивного воздействия, которое в стратегических документах Пентагона получило название «когнитивная война».

По мнению помощника Президента России Н. Патрушева, «на изломе XX–XXI вв. Запад стремился продолжить линию на пере-

форматирование наших ценностных ориентиров, активно культивировал процессы возникновения атмосферы недоверия общества к власти, пренебрежительного отношения ко всему русскому, прежде всего к истории России и ее традиционным духовно-нравственным ценностям. Перед лицом таких очевидных вызовов и угроз с начала XXI в. российский народ сплотился и смог добиться возвращения былого величия нашего Отечества. Именно это вывело из себя западников, которым оставалось только развязать против России очередную войну, на сей раз гибридную. Осознание невозможности победить Россию в честном бою толкнуло Запад к старым приемам подрывной работы, проводимой в нашем обществе с целью дестабилизировать общественно-политическую ситуацию»².

Культурно-духовные основы управления национальной обороной

Разрушение многонациональной культуры на территориях постсоветского пространства началось после развала Советского Союза, который стал не только разделением единого государства на части, но и послужил утрате государственной идеологии, единого культурного пространства, уменьшению влияния русского языка в бывших союзных республиках, превращению некоторых из них в злейших врагов современной России. После «парада независимости» возникла необходимость усиления борьбы за сохранение и увеличение авторитета России в государствах Средней Азии и Закавказья, выстраивание отношений со странами, бывшими ранее участниками Варшавского договора, а сегодня ставшими членами НАТО. Провозгласив лозунги перестройки, гласности и ускорения, руководство страны на рубеже веков начало ускоренно отказываться от прежних ценностей, перестраивать страну по подсказкам западных «партнеров», и открыто заявлять о своей приверженности так называемым общеевропейским ценностям, очерняя при этом собственную историю, традиции и достижения. Только начиная с 2012 г. российскому руководству удалось изменить губительные тренды развития страны, отойти от пропасти, подняться в полный рост и возглавить борьбу за строительство многополярного мира.

² Патрушев Н. Защита исторической памяти – фундамент российской государственности // Национальная оборона. 22 июня 2024. URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/zashchita-istoricheskoy-pamyati-fundament-rossijskoj-gosudarstvennosti-45910.shtml> (дата обращения 22 июня 2024).

Мощным импульсом к обновлению государственной культурной политики в современной России стал Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина № 808 от 24 декабря 2014 г. «Об утверждении Основ государственной культурной политики», согласно которому изменились сущность и содержание государственной политики в области культуры. Как указывается в документе, «Принимая настоящие Основы, государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России»³.

Прошло менее десяти лет, и оказалось, что именно необходимость укрепления национальной обороны и безопасности страны все больше превращает культуру в мощное оружие достижения единства и духовной силы в борьбе за сохранение государства. 2 июля 2021 г. вышел Указ Президента РФ № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Примечательно, что в этой Стратегии есть отдельный раздел под названием «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»⁴, в котором определены главные противники, пытающиеся осуществить культурную интервенцию и внедрить чуждые для россиян идеалы и ценности. Это США и их союзники, а также транснациональные корпорации, иностранные некоммерческие неправительственные, религиозные, экстремистские и террористические организации. Цель культурной интервенции коллективного Запада – саморазрушение российского общества, провокация деструктивного поведения, увеличение разрыва между поколениями, поощрение агрессивного национализма, ослабление государствообразующего народа, ксенофобии, экстремизма, в том числе религиозного. Угрожающая культурному суверенитету Российской Федерации деятельность западных государств, определяется в Стратегии национальной безопасности как «идеологические диверсии и вестернизация» культуры. Особую

³ Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39208/> (дата обращения 22 июня 2024).

⁴ Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/> (дата обращения 23 июня 2024).

опасность для безопасности России представляет фальсификация российской и мировой истории, искажение исторической правды и уничтожение исторической памяти.

События последнего времени особенно ярко показали значение культуры как совокупности духовно-нравственных ценностей. 9 ноября 2022 г. был издан специальный Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В документе указывается, что Основы являются документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной российской безопасности, в котором определяются цели, задачи и инструменты реализации национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

К этим ценностям «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» вслед за «Стратегией национальной безопасности» относят прежде всего жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России⁵.

Сегодня крайне важно понимать, что недостаточное внимание к проблемам культуры и духовно-нравственного развития личности и общества грозит стране гуманитарным кризисом. Проявлениями этого кризиса могут быть в России такие явления, как девальвация общепринятых ценностей и изменение ценностных ориентиров; рост агрессии и нетерпимости; искажение исторической памяти, отрицательные оценки важных событий отечественной истории; формирование ложных представлений об исторической отсталости России; расцвет индивидуализма, разрыв социальных связей (семейных, товарищеских, соседских).

⁵ Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810/> (дата обращения 23 июня 2024).

В этих условиях главные цели государственной культурной политики формулируются как, с одной стороны, формирование гармонично развитой личности и, с другой стороны, укрепление единства российского общества. Очевидно, что для достижения этих целей прежде всего должны быть сформулированы критерии гармонично развитой личности, созданы образы такой личности в художественной культуре, определены приоритеты культурного и гуманитарного развития. Среди ключевых задач – развитие гуманитарных наук как знаний о человеке, его духовной, нравственной, культурной и общественной деятельности.

Для успешного противостояния культурной интервенции коллективного Запада необходимо соблюдение нескольких условий: во-первых, знание целей, форм и методов психологической борьбы противника, во-вторых, постоянная и активная борьба с теми проблемами, которые затрудняют развитие культуры внутри страны.

Одним из направлений управления национальной обороной России должна стать регулярная и систематическая работа в области культурного и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, усиление воспитательной работы среди военнослужащих вооруженных сил и других силовых ведомств страны через создание новых программ, способных прививать любовь к Отечеству, давать знания в области культуры, традиций и истории России. Сегодня, в условиях межгосударственного противоборства, недопустимым является ослабление внимания к гуманитарным наукам, сокращение учебной нагрузки по истории, культурологии и другим дисциплинам в школах и университетах, несущим гуманитарные знания. Положительную роль может сыграть увеличение количества и повышение качества современных культурных ресурсов, подобных portalу Культура Российской Федерации.

Необходимо как продвижение в медийном пространстве собственных просветительских проектов, доступных для массового зрителя, так и организация в том или ином виде государственного контроля за нравственно-эстетическим содержанием кино- и телепродукции, увеличение эфирного времени для культурно-образовательных и просветительских программ, и не только на каналах «Культура», «Звезда» и ряда других. Должна существовать система госзаказа на продукцию, нацеленную на духовно-нравственное воспитание. При этом недопустим выход материалов военно-патриотического содержания с недостаточным содержательным качеством и эстетическим оформлением. Книгоиздание, сеть Интернет, телевидение, литература, театр, кинематограф должны более активно использоваться для реализации государственной культурной политики, продвижения традиционных ценностей.

США и их союзники стремятся превратить современное искусство в явление космополитичное и вненациональное, затруднить самоидентификацию наций и личности. Следует понимать, что если личность перестает связывать себя с определенной культурой, ее идеалами, ценностями, правилами поведения и общечеловеческими, то она становится, по сути, безоружной под информационно-культурным и когнитивным давлением противника, который сознательно старается использовать неолиберальную культуру как инструмент «мягкой силы», использование которого по своим разрушительным результатам не уступает обычным вооружениям.

Важным оружием Запада продолжает оставаться фальсификация истории, которая становится одним из важнейших компонентов антироссийской пропаганды, направленным на разрушение общероссийского культурного кода. Враждебная пропаганда исходит из того, что на современном этапе произошла важная для формирования общественного мнения смена поколений, когда значительная часть молодых людей как на Западе, так и на Востоке просто не знают и, главное, не интересуются тем, что произошло в прошлом и что составляет духовный и правовой фундамент современного мира.

Именно поэтому необходима постоянная координация и активизация взаимодополняющей деятельности управления национальной обороной государства с общественными организациями и объединениями страны по разоблачению фальсификаций истории, направленных против государственности, суверенитета и национальных интересов России.

Деятельность органов государственной власти по защите культурной сферы, духовно-нравственных идеалов российского общества и в целом по обеспечению культурной безопасности не должна состоять из исключительно запретительных и ограничительных мер в сфере получения информации в области культуры, хотя и не исключает их применения для определенной категории лиц, несущих особую ответственность за безопасность государства, например военнослужащих.

В условиях современного межгосударственного противоборства целенаправленная деятельность органов государственной власти Российской Федерации по реализации культурных и духовно-нравственных мер по подготовке и осуществлению комплексной защиты личности, общества и государства должна соответствовать следующим условиям:

- защита культурного сектора национальной обороны и культурной безопасности является государственной миссией, требующей системного подхода;
- всестороннюю защиту культурного сектора национальной обороны и культурной безопасности необходимо обосновать

- на научном уровне, а проводить с учетом полученного опыта целенаправленно на постоянной основе;
- защита должна осуществляться не только против открытых и очевидных форм культурного и духовно-нравственного воздействия, но и против замаскированных, а также скрытых форм;
 - защита от культурного воздействия должна осуществляться дифференцированно по целям, задачам, этапам с использованием широкого спектра форм, методов и средств, разработанных научным сообществом страны;
 - современная защита национальных интересов государства в культурной и духовно-нравственной сферах должна осуществляться с применением методов и форм не только оборонительного, но и наступательного характера;
 - эффективность защиты в культурной сфере зависит от условий, в которых она организуется, то есть состояния финансов, кадров и технического обеспечения, что предопределяет ее тесное взаимодействие с деятельностью государственных органов в других сферах общества;
 - защита против культурной интервенции прозападных стран должна носить комплексный характер, включать в себя работу в области теории, методики, фактологии, педагогики и психологии, осуществляться при опоре на отечественную историю и многовековые традиции.

Кроме этого, необходимо активизировать создание прочных и сильных союзов не только с государствами, имеющими общую с Россией культурную историю, но и разделяющими многовековые традиционные ценности, утрата которых нередко приводит к гибели нации. Без сомнения, активная совместная борьба против культурной интервенции коллективного Запада, угрожающей суверенитету многих стран, повышает эффективность противодействия враждебному влиянию и способствует укреплению фундамента культурного сотрудничества. Это касается в первую очередь государств постсоветского пространства. Отказ от общих исторических и культурных основ государств Прибалтики и Украины привел к печальным последствиям, в том числе к усилению влияния на их территориях наших идеологических противников, принятию новых либеральных и нетрадиционных ценностей, что привело к почти полному разрыву отношений с Российской Федерацией в культурной сфере [Сергунин 2021].

Меры противодействия органов государственной власти России деструктивному влиянию политики коллективного Запада и воздействию многочисленных информационных прозападных

ресурсов на сознание российских граждан должны решать в том числе следующие *задачи*:

- обеспечивать запрет на дестабилизирующую российское общество информацию через блокирование каналов проникновения деструктивного воздействия;
- своевременно и эффективно разоблачать ложь и вред в проводимой США и их союзниками пропаганде западной жизни и либеральных ценностей;
- доносить до российского и мирового сообщества правдивую информацию о целях, национальных интересах и приоритетах России в XXI в.;
- в условиях специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины организовать дифференцированную работу с различными категориями военнослужащих и гражданского населения;
- проводить культурную политику на основе признанных шедевров российской литературы и искусства, с помощью средств массовой информации и Интернета для воспитания социально ответственных и традиционно-духовных граждан-патриотов своей страны.

Таким образом, система защиты сектора национальной обороны, культурной и национальной безопасности в целом включает в себя несколько уровней: организационный (органы государственного управления, структуры военно-политической работы в войсках, учреждения военной культуры, подготовка кадров); теоретико-методологический (научное обоснование целей, направлений и принципов защиты от деструктивного культурного воздействия); научно-исследовательский (постоянный практический анализ эволюции форм и методов культурного и духовно-нравственного воздействия и определение путей повышения эффективности всей системы национальной обороны); методический (разработка форм, методов, приемов и средств защиты); финансово-экономический (экономическое и материальное обеспечение системы защиты); и информационно-технологический уровень (разработка новейших информационных технологий противодействия).

Заключение

Следует помнить, что уникальность России состоит в том, что она благодаря своему географическому положению, историческому развитию и современному состоянию защищает как восточные, так и европейские ценности. Запад же, провозгласив исключитель-

ную ценность таких понятий, как демократия, либерализм, свобода, равенство, на самом деле и по сути отказывается от них и уже вступил на опасный путь заката духовности, вырастая в угрозу для всей человеческой цивилизации.

Реальность современного мира изобилует политическими действиями коллективного Запада, которые можно характеризовать как результаты эрозии нравственного сознания и соответственно деформации морального поведения. Именно поэтому Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал весь блок западных стран «сформированной США империей лжи»⁶. Для западных политиков ссылки на ценности используются не в качестве реального мотиватора действия, а как «отвлекающего маневра», апеллирующего к массовому сознанию и призванного скорее скрыть, чем выявить истинные цели политики [Силантьева 2015, с. 280].

В настоящее время происходит актуализация культурных, духовно-нравственных и религиозных факторов в международной сфере. Культура, религия и мораль в современном мире выступают в качестве важнейшего внешнеполитического ресурса. Свою деятельность в области национальной обороны и безопасности Россия строит на принципах равенства, справедливости, невмешательства во внутренние дела других государств, рассматривая в качестве одного из приоритетов в решении глобальных проблем формирование справедливого и устойчивого мироустройства⁷.

Литература

Копылов 2023 – *Копылов И.А.* Национальная оборона как научная категория и объект государственной политики в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 12 (100). С. 6503–6513.

Сергунин 2021 – *Сергунин А.А.* Социетальная безопасность в регионе Балтийского моря: российская перспектива // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 3. С. 4–24.

⁶ Путин заявил, что весь блок западных стран, сформированный США, – империя лжи // ТАСС. 24 февраля 2022. URL: <https://tass.ru/politika/13826881/> (дата обращения 26 июня 2024).

⁷ Глава государства принял участие в итоговой пленарной сессии XIX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 27 октября 2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695/> (дата обращения 28 июня 2024).

- Силантьева 2015 – *Силантьева М.В.* Этика в плену абстракций, или О парадоксе научности профессиональной этики // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3 (42). С. 280–281.
- Шаклеина 2020 – *Шаклеина Т.А.* Политика в отношении России: конкуренция, сдерживание и управление // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 10–26.
- Шафранская 2023 – *Шафранская А.М.* Национальная оборона как базовый фактор обеспечения технологического суверенитета российской экономики // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6. № 4. С. 1359–1380.

References

- Kopylov, I.A. (2023), “National defense as a scientific category and an object of state policy in the field of ensuring national security of the Russian Federation”, *Political Science Issues*, vol. 13, no. 12 (100), pp. 6503–6513.
- Sergunin, A.A. (2021), “Societal security in the Baltic Sea region: the Russian perspective”, *Baltiiskii region*, vol. 13, no. 3, pp. 4–24.
- Shafranskaya, A.M. (2023), “National defense as a basic factor in ensuring the technological sovereignty of the Russian economy”, *Economic Security*, vol. 6, no. 4, pp. 1359–1380.
- Shakleina, T.A. (2020), “American policy towards Russia: competition, deterrence and governing control”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 10–26.
- Silantieva, M.V. (2023), “Ethics captivated by abstractions or paradox of scientific approach to professional ethics”, *MGIMO Review of International Relations*, vol. 42, no. 3, pp. 280–281.

Информация об авторе

Игорь А. Копылов, кандидат политических наук, доцент, член-корреспондент, Академия военных наук, Москва, Россия; 119330, Россия, Москва, Университетский пр-кт, д. 14; dxharald@mail.ru

Information about the author

Igor A. Kopylov, Cand. of Sci. (Political Sciences), associate professor, corresponding member, Academy of Military Sciences, Moscow, Russia; 14, Universitetsky Av., Moscow, Russia, 119330; dxharald@mail.ru

Книжная полка

УДК 327(4):930

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-202-214

«Славянский фактор»
в истории международных отношений
в Европе XIX–XX вв.: историография вопроса

Роман А. Клочков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ketridze@mail.ru*

Для цитирования: Клочков Р.А. «Славянский фактор» в истории международных отношений в Европе XIX–XX вв.: историография вопроса // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2024. № 6. С. 202–214. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-202-214

The “Slavic factor”
in the history of international relations
in Europe in the 19th – 20th centuries:
historiography of the issue

Roman A. Klochkov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ketridze@mail.ru*

*For citation: Klochkov, R.A. (2024), “The ‘Slavic factor’ in the history of international relations in Europe in the 19th – 20th centuries: historiography of the issue”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 202–214, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-202-214*

Введение

«Славянской идее» присуща одна особенность: переживая на разных этапах своего развития периоды надлома и упадка, эта идея все же не канула в небытие, находя отклик в сложные моменты истории. Зародившись в начале XIX в., она продолжает развиваться

© Клочков Р.А., 2024

и периодически обновляться в интеллектуальных кругах и современной политической мысли. Обратившись к историческим примерам, мы увидим, что тяжелые испытания и кризисные процессы порой подталкивали представителей самых разных политико-идеологических направлений к размышлениям о возможности (или необходимости) использования идеологии славянского единства для решения определенных насущных задач, стоявших перед славянскими национальными движениями и национальными государствами. Можно вспомнить, например, проявленную правительством СССР инициативу облечь советскую политику в цвета славянского движения в годы Второй мировой войны [Досталь 2000; Зайцев 2022]. Однако неоднократно предпринимавшиеся попытки организовать «славянские движения» с целью если не объединить, то хотя бы сблизить цели и интересы этих движений или государств, зачастую наталкивались на препятствия в виде существовавших противоречий во взаимоотношениях между самими славянскими народами прежде всего. Помимо религиозно-конфессиональных расхождений, а также присущих каждому народу сугубо национальных интересов, их разделяло и различное видение политических проблем [Волков 2005, с. 6].

«Славянская идея» никогда не принимала форму универсальной и целостной концепции. Ее содержание менялось, время от времени принимая в воззрениях тех или иных интеллектуалов и политиков в зависимости от их политико-идеологических предпочтений различные формы. При этом могли учитываться национальные и региональные особенности развития славянских народов (австрославизм, югославизм, чехословакизм) [Павленко 1998; Романенко 1998; Bakke 2004].

В данном историографическом обзоре мы рассмотрим исследования российских и зарубежных ученых, посвященные истории славянской идеи (идеологии), опубликованные в начале 2020-х гг. Это книга российского специалиста в области международных отношений, истории славянской геополитики и российско-австрийских взаимоотношений Ольги Вячеславовны Павленко, публикации исследователя «нового славянского движения» Александра Вячеславовича Зайцева и труд словенского историка и дипломата Андрея Бенедейчича. Эти монографии и статьи являются продолжением дискуссий о сути и роли в международных отношениях в Центрально-Восточной, Юго-Восточной и Восточной Европе славянского фактора и «славянской идеи», начатых историками, политическими аналитиками и публицистами еще в позапрошлом веке. Это позволяет авторам предоставить читателю пищу для размышлений в контексте развития современных этнополитических

процессов и восполнить имеющиеся в историографии международных отношений пробелы в изучении феномена славянского самосознания, его роли в процессе выстраивания отношений между субъектами мировой политики в разные периоды европейской истории.

Заметим также, что факт появления труда исследователя из Словении, человека с дипломатическим опытом, показывает, что процесс самоидентификации и поиска коллективной идентичности в интеллектуальном пространстве «славянского мира» продолжается. А обращение к прошлому служит потребности в более глубоком понимании динамики отношений между Россией и сегодняшним славянским миром в контексте международной политики.

Вышеназванные исследования относятся к новому этапу изучения общеславянской проблематики, начавшемуся ко второй половине 1990-х гг., когда журнал «Славяноведение» предложил своим читателям серию статей, посвященных различным национальным вариантам [Павленко 1998; Романенко 1998; Фрейдзон 1979]. Эти статьи стали для их авторов первыми шагами к написанию монографий [Павленко 2023; Романенко 2002].

Анализ содержания исследований

Несмотря на различия в исследовательских ракурсах, выборе объектно-предметного поля и хронологических рамок, можно сказать, что рассматриваемые работы сближает общая проблематика, а именно проблема различных национальных, региональных и политико-идеологических разновидностей славянской идеологии («славизмов») как фактора развития межгосударственных отношений. В задачи данного обзора входит рассмотрение не всех, но наиболее значимых, пересекающихся в исследованиях указанных авторов вопросов.

О.В. Павленко и А. Бенедейчич подошли к проблеме возникновения и последующей эволюции «славянской идеи» как составной части сложного процесса становления национальной (и наднациональной) идентичности России и славянских народов (впоследствии государств) Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. В центре внимания А.В. Зайцева находится история включения «славянского элемента» в советскую внешнюю политику и идеологию, осуществления «славянской политики» СССР в отношении государств ЦВ и ЮВЕ – организации «нового славянского движения», как хронологически последнего «в ряду политических

движений XIX–XX вв., направленных на сближение славянских народов» [Зайцев 2022, с. 3].

Обратившись к историческому опыту взаимоотношений двух империй, России и Австрии, О.В. Павленко сосредотачивает внимание на исследовании форм коллективной идентичности славянских народов в рамках имперских пространств первой половины и середины XIX в. Исследовательница ставит целью проанализировать роль славянского фактора в контексте российско-австрийских отношений с 1830-х по 1860-е гг. В качестве основополагающего события, обосновывающего нижнюю границу хронологических рамок книги, исследовательница отмечает момент появления трактата Яна Коллара «О славянской взаимности» (1836 г.), «который впервые поставил проблему славянской идентичности малых народов Австрийской империи» [Павленко 2023, с. 18]. Верхняя граница исследования связана с проведением Славянского съезда 1867 г., важной вехи в истории взаимоотношений российского общества с зарубежными славянами. В свою очередь, события, пролегающие в рамках выбранной автором хронологии, явили собой «кардинальные сдвиги не только в российско-австрийских контактах, но и в международной системе в целом» [Павленко 2023, с. 18].

Проблематика исследования А.В. Зайцева, связанная с предыдущими этапами развития славянского движения и его идеологии, охватывает период возникновения и развития так называемого «нового славянского движения» в 1941–1953 гг. Начало Великой Отечественной войны рассматривается исследователем как событие, «резко изменившее внешнеполитические концепции СССР и сделавшее возможным обращение к политике славянского братства» [Зайцев 2022, с. 5]. Смерть И.В. Сталина в 1953 г. и последовавшее изменение внешнеполитического курса СССР привели к заморозке дальнейшей деятельности «нового славянского движения».

А.В. Зайцев, в частности, обратил свое внимание на факт участия создававшихся в разных странах Славянских комитетов в миротворческом движении в конце 1940-х и 1950-е гг., даже в то время, когда на фоне разразившегося конфликта И.В. Сталина и И. Броз Тито, об успешности общеславянских мероприятий можно было только мечтать. Исследователь подчеркивает, что «непримиримая позиция СССР и его сторонников в эмиграции, не допустивших нейтрального отношения к конфликту, способствовала распаду славянских организаций диаспоры» [Зайцев 2021, с. 39].

В контексте деятельности «нового славянского движения» в США в конце 1940-х гг. исследователь, на основе обширного материала архивных документов, отметил любопытные сведения о работе Американского Славянского конгресса как общественной ор-

ганизации, целью которой было объединение славян левой политической ориентации. «Славянская идея» на рубеже 1940–1950-х гг., в рамках «нового славянского движения», как мы можем видеть в выводах работ А.В. Зайцева, пополнилась новым содержанием. В качестве ее отличительной особенности можно назвать добавление к идеологии славянского единства компонента «пролетарского интернационализма». Также учитывались опасения (после 1945 г.) перед возможным возрождением Германии и германским реваншизмом, стремление через славянские организации установить связь с рабочими движениями в разных странах, а с 1949 г. также лозунги борьбы за мир и прекращения вспыхивавших конфликтов [Зайцев 2020, с. 106–107].

Вопросы, поднимаемые во введении книги А. Бенедейчича, показывают, что исследовательский интерес автора подогревается интересом практическим и, что называется, профессиональным дипломатическим интересом. Один из центральных вопросов, которым задается словенский исследователь: «отражает ли специфика развития российской внешней политики после распада СССР “славянскую составляющую” российской дипломатии в ее отношениях с Западом, который, в процессе своего расширения, также приобрел характерный славянский компонент?» [Benedejčič 2021, s. 24]. В поисках ответа на него исследователь рассматривает истоки славянской идеи, ее эволюцию во времени, затронув непосредственно историю развития концепций «славянского сотрудничества» (“Slavic cooperation”) в рамках отношений между государствами.

Хронологические рамки труда А. Бенедейчича достаточно широки. Они охватывают период с XIX в. до современности. Ввиду этой временной широты исследователь вынужден был сузить пространственные границы своего исследования, сделав акцент на развитии славянской идеи в России, Словении и Польше, посвятив им отдельные главы своей книги. Данная выборка обусловлена, по всей видимости, стремлением автора проанализировать наиболее показательные примеры трансформации славянской идеи среди интеллигенции и политических деятелей, с одной стороны, близкой исследователю родной Словении и ее исторического прошлого, а с другой стороны, Польши ввиду ее непростых и неоднозначных отношений с Россией, являвшихся одним из «камней преткновения» в процессе развития «славянского вопроса». По своей задумке труд словенского исследователя предполагает определенную цель: раскрыть «славянское измерение» внутренних механизмов и правил поведения, регулирующих политические и культурные связи России со своими «славянскими партнерами». Изучение

«славянского фактора», по мнению автора, ускользнуло от глаз многих специалистов-международников.

Тему истории развития славянской идеи и составляющих ее (но не тождественных друг другу) понятий, таких как славянская взаимность, славянофильство, панславизм, можно отнести к тому ряду тем историографии, осмысление которых подвержено влиянию изменений внутривнутриполитической конъюнктуры, международных процессов, травм исторической памяти. Колебания настроений среди представителей политических элит, мыслителей и публицистов оказывали (и продолжают оказывать) непосредственное влияние на формирование устоявшихся образов и представлений в исторических работах. Еще отечественные основоположники славистики как научной дисциплины (А.Н. Пыпин, К.Я. Грот, А.А. Кочубинский) отметили глубокую связь развития славянских исследований с «генезисом национального сознания» [Исламов 1996, с. 21].

Изучение проблематики феномена славянства ставит исследователя перед необходимостью учитывать проблему эволюции смыслового содержания понятий и терминов с течением времени. На связанные с этим сложности изучения рассматриваемой темы обращает внимание О.В. Павленко, подчеркивая необходимость внимательного и скрупулезного анализа понятий и терминов, связанных с проблемой. Так, исследовательница обращает внимание на то, что полное отождествление таких понятий, как панславизм и панрусизм, «приводит к еще большей терминологической путанице и подмене смыслов» [Павленко 2023, с. 16].

Работа О.В. Павленко сопровождается глубоким анализом дискуссионных вопросов, присущих историографии рассматриваемой проблемы. Исследовательница показывает, в частности, тенденциозность сложившихся как в отечественной, советской, так и в зарубежной историографии взглядов на феномен панславизма и конкретно на проблематику сложного и неоднозначного отношения австрийских славян к монархии Габсбургов и России. Если на историографию межвоенного периода оказывали свое влияние последствия послевоенных синдромов и распада прежних империй, то особенно заметным в годы холодной войны стало влияние в историографии идеологического противостояния в рамках складывавшегося биполярного мира. Многие годы для советской историографии было характерно соблюдение схем, обусловленных идеологическими штампами. Это, например, представление о монархии Габсбургов как «тюрьме народов», в связи с которым долгое время не выходили комплексные работы, анализировавшие роль фактора общегосударственного пространства для народов ЦВ и ЮВЕ [Павленко 2023, с. 79]. В то же время О.В. Павленко

отмечены новые тенденции в исследованиях последних лет. Они позволяют с иных ракурсов взглянуть на проблему, сфокусировать внимание на ранее не учитываемых аспектах.

А. Бенедейчич изучил широкий круг историографических работ предшественников, посвященных различным аспектам развития международных отношений, и пришел к выводу, что во многих из них «славянский фактор» либо признавался малозначительным, либо не рассматривался вовсе [Benedejčič 2021, s. 57–58]. Он также не обошел вниманием проблему становления идеологически окрашенных образов и представлений в историографии. Так словенский исследователь ссылается на публикации корифея советской исторической науки наиболее раннего этапа ее развития М.Н. Покровского, утвердившего тезис о «реакционном» панславизме как инструменте империализма [Benedejčič 2021, s. 147].

Отдельно необходимо обратиться к теоретико-методологическим основам рассматриваемых работ, в особенности О.В. Павленко и А. Бенедейчича. Они пришли к мнению о необходимости дополнить исследовательские подходы и концепции предшественников, возникшие под влиянием господствовавшей долгое время в теории международных отношений парадигмы реализма и неореализма. Сторонники «реальной политики» акцентируют свое внимание на таких факторах, как неизменные национальные интересы и государственная мощь, которые закономерно приводят, в конечном итоге, к соперничеству на международной арене и «бесконечной борьбе» государств друг с другом в условиях анархии [Waltz 1979]. Однако, как заметила О.В. Павленко, такой подход «не объясняет действие глубинных механизмов взаимовлияний между великими, региональными и малыми державами» [Павленко 2023, с. 19]. Помимо применения классических методов исторического исследования, расширить возможности исследовательского инструментария может методология конструктивизма.

Конструктивистский подход, применяемый О.В. Павленко и А. Бенедейчичем, предполагает включение нового понятия в объяснительную модель исследования, а именно понятия коллективной *идентичности* акторов международных отношений – государств, помогающего осмыслить логику восприятия Себя и Других.

При этом российская исследовательница подчеркивает важность дополнения конструктивистской методологии основательным анализом источников. В противном же случае, пишет О.В. Павленко, «теоретическое конструирование дискурсов и контентом таит опасность умозрительных схем», которые попросту могут не выдержать проверки фактическими знаниями [Павленко 2023, с. 20].

А. Бенедейчич обосновывает применение конструктивистской методологии, обращаясь к теоретическим положениям концепции И. Нойманна [Benedejčič 2021, s. 423]. Опираясь на работы норвежского ученого, Бенедейчич вывел свою «стратегию» исследования применительно к выбранной им проблематике: применение подхода социального конструктивизма предполагает обращение к конкретным социально-культурным и политическим практикам государств, а также «анализ взаимозависимости и развития исторически связанных идентичностей и сформировавшихся представлений» [Benedejčič 2021, s. 19]. Таким образом, процесс формирования национальной идентичности общества связывается с интерпретацией этим обществом собственной истории. Так складываются определенные образы, стереотипы, взгляды и концепции, формирующие коллективную память [Benedejčič 2021, s. 41].

Постановка проблематики и задач в каждом из рассматриваемых нами исследований коррелирует с анализом понятийно-терминологического аппарата (связанного, в первую очередь, с определениями вариантов славянской идеи) как неотъемлемой части изучаемой эпохи.

А. Бенедейчич и О.В. Павленко сосредоточили свое внимание на проблеме становления славянского самосознания среди народов Австрийской империи в середине XIX в. Так, исследование О.В. Павленко, следуя выбранному объектно-предметному полю, весьма углубленно прослеживает судьбу формирования чешской нации, тех явлений, что были для нее характерны. Последовавшие за 1848 г. революционные события на территории империи Габсбургов «впервые высветили глубинные процессы распада протонациональной богемской общности», заключает О.В. Павленко [Павленко 2023, с. 169]. Возникшая альтернатива принятия выбора своей самоидентификации, признание себя либо «чехом», либо «немцем», носила зачастую идейно-политический подтекст и не касалась строго этнической принадлежности [Павленко 2023, с. 169].

Рассматривая историю развития австрославизма и неудачи этого проекта, А. Бенедейчич в основном подчеркивает, что австрославистская концепция в размышлениях Ф. Палацкого, «при всей своей разумности и обоснованности» [Benedejčič 2021, s. 70], все же «не нашла понимания ни у либеральных организаторов Франкфуртского парламента, ни у имперских властей в Вене» [Benedejčič 2021, s. 435]. Рассматривая, прежде всего, фигуру Ф. Палацкого как основоположника австрославизма, словенский исследователь в меньшей степени уделяет внимание теоретическому наследию публицистических работ К. Гавличека-Боровского, значение которого показано О.В. Павленко.

Развить мысль А. Бенедейчича о перспективах австрославизма могут результаты исследования О.В. Павленко. Она продолжила разрабатывать мысль о специфике австрославизма с точки зрения анализа его ключевых положений. В ее выводах мы видим, что австрославизм как политический проект был маловероятен еще и потому, что «не было найдено оптимального ответа на вопрос, какие из славянских народов имеют право считаться “национально-политическими индивидуальностями” и претендовать на автономный статус, а какие – нет» [Павленко 2023, с. 173].

Продолжая сравнительный обзор проблематики работ О.В. Павленко и А. Бенедейчича, необходимо обратить внимание на проблему российско-польских отношений в контексте развития «славянского вопроса», проходящую красной нитью через историю межславянских взаимоотношений. «Польское восстание 1863 года, – пишет исследователь, – стало одновременно и вехой периода разделенной Польши, и важным событием в истории Российской империи. Оно стало последней попыткой восстановить многонациональное польско-литовское государство на демократических основах. Однако ее последствия имели совершенно иной эффект, поскольку в итоге она в значительной степени способствовала росту узкого этноцентризма во всем регионе» [Benedejčič 2021, s. 217]. В то же время любопытен тот факт, что некоторые польские интеллектуалы, такие как Станислав Сташиц, продолжали «сознательно демонстрировать свою “славянскость” в первой половине XIX в. вследствие разочарования реакцией Запада на разделы Польши» и продолжали подчеркивать значимость славянства даже после неудачного восстания 1830–1831 гг. [Benedejčič 2021, s. 445].

Характеризуя вторую половину XIX в., А. Бенедейчич приходит к выводу, что «польский вопрос и раскол между двумя крупнейшими славянскими народами, русскими и поляками, стали проблемой для других славян, особенно для чехов, среди которых зарождались зачатки неославизма» [Benedejčič 2021, s. 224]. Движение неославизма ученый определяет как новый этап славянского движения, перед которым ставилась задача разрешить «наболевшие проблемы» среди славян для достижения «более глубокого межславянского сотрудничества» [Benedejčič 2021, s. 224]. В свою очередь, Бенедейчич склонен рассматривать неославизм как продолжение австрославизма, стремившегося «обеспечить славянское равенство в пределах Австрии, в том числе за счет сближения с Россией, которая должна была стать главным союзником Дунайской монархии» [Benedejčič 2021, s. 224].

О.В. Павленко заостряет внимание на «польском вопросе» в контексте оказанного им влияния на настроения представителей

славянской общественности на Славянском съезде 1867 г., состоявшемся в России, заметив, что данный вопрос стал «вторым по значимости для русских организаторов» после вопроса о признании русского языка в качестве общеславянского [Павленко 2023, с. 317].

Раскрывая сущность развития «славянского фактора» в 1860-е гг., О.В. Павленко подчеркивает ключевое значение Крымской войны как переломного этапа для последующих российско-австрийских отношений. В это время панславизм начинает играть роль «нового инструмента отстаивания национальных интересов» России [Павленко 2023, с. 336]. При этом для наиболее глубокого понимания особенностей российской культурной стратегии второй половины XIX в. важно учитывать замечание исследовательницы о том, что в России начальный этап процесса либерализации 1860-х гг. «совпал с резким обострением взаимоотношений среди европейских великих держав» [Павленко 2023, с. 264].

Российское общество переосмысливало последствия поражения в Крымской войне. Одним из выходов из сложившейся ситуации становилось обращение к мысли о славянстве. Таким образом, О.В. Павленко подводит к выводу о сущности имперской модели панславизма как неотъемлемой части процесса поиска русской национальной идентичности. «Активное присвоение символического потенциала и кодов славянского мира, – пишет автор, – создавало особое пространство, которое одновременно имело компенсаторную функцию при восприятии враждебного Запада и создавало новую историческую перспективу великой империи» [Павленко 2023, с. 265].

В рамках конструктивистской схемы «Я – Другой», позволяющей углубиться в процесс восприятия народами Себя и внешних Других, Бенедейчич показывает, как польские и словенские интеллектуалы и политические деятели «периодически заново открывали свои славянские корни» через исторически обусловленные представления и образы. Эти образы актуализировались в моменты столкновения с «внешними вызовами». Так, период разочарования польской интеллигенции действиями и реакцией западноевропейских государств, прежде всего Франции, на положение разделенной Польши стал временем, когда славянская идея набрала особенную популярность [Benedejčič 2021, s. 445].

Успех славянской идеи в определенных национальных кругах, как это можно увидеть в работе словенского исследователя, зависел во многом от внутри- и внешнеполитической ситуации. Для словенцев стимулирующую роль в обращении к славянской идее, по мнению А. Бенедейчича, играл «страх перед германизацией и ита-

льянским наступлением с Запада», что также объясняет активную роль деятелей из Словении в неославистском движении в начале XX в. [Benedežič 2021, s. 445].

Заключение

На примере рассмотренных нами работ можно прийти к заключению, что сочетание новых методологических подходов, в рамках междисциплинарного исследования, в совокупности с привлечением источников разной видовой характеристики, а также обязательного соблюдения принципа строгого отношения к критике источника позволяет достичь наибольшей объективности в исследовании. В свою очередь, изучение истории славянской идеи как фактора международных отношений способствует лучшему пониманию сложных процессов, происходящих в международной политике, во взаимоотношениях между государствами ЦВ и ЮВЕ, а также их отношений с Россией. Несмотря на неоднозначное и зачастую наполненное противоречиями восприятие славянской идеологии, попытки обращения к общеславянскому сознанию как модели коллективной идентичности не только в научных работах, но и в рамках культурных проектов, а также в риторике некоторых современных представителей политических элит показывают актуальность рассматриваемого явления и необходимость его изучения.

Литература

- Волков 2005 – Волков В.К. Славянская идея и русское национальное самосознание // Межрегиональная конференция славистов: Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития: Материалы Всероссийского совещания славистов (23–24 октября 2003 г.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. 512 с.
- Досталь 2000 – Досталь М.Ю. «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет во время Великой Отечественной войны // Славянский альманах – 1999. М.: Индрик, 2000. С. 175–188.
- Зайцев 2020 – Зайцев А.В. Американский Славянский конгресс: один из союзников СССР в борьбе за мир во времена холодной войны (1946–1951) // Новый исторический вестник. 2020. № 3 (65). С. 98–110.
- Зайцев 2021 – Зайцев А.В. Советско-югославский конфликт и его последствия для организаций славянских эмигрантов (1948–1956 гг.) // Новый исторический вестник. 2021. № 3 (69). С. 26–43.

- Зайцев 2022 – *Зайцев А.В.* Славянское движение во внешней политике СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1941–1953 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. 19 с.
- Исламов 1996 – *Исламов Т.М.* Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 19–39.
- Павленко 1998 – *Павленко О.В.* Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.
- Павленко 2023 – *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый, 1830–1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.
- Романенко 1998 – *Романенко С.А.* Югославизм // Славяноведение. М., 1998. № 5. С. 10–17.
- Романенко 2002 – *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея»: вторая половина XIX – начало XXI в. М., 2002. 623 с.
- Фрейдзон 1979 – *Фрейдзон В.И.* Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 1979. № 9. С. 61–78.
- Bakke 2004 – *Bakke E.* The making of Czechoslovakism in the First Czechoslovak Republic // *Loyalitäten in der Tschechoslowakischen Republik, 1918–1938: Politische, nationale und kulturelle Zugehörigkeiten* / ed. by M. Wessel. München: R. Oldenbourg, 2004. S. 23–44.
- Benedejčič 2021 – *Benedejčič A.* Rusija in slovanstvo: med velikodržavnostjo in vzajemnostjo, Ljubljana, 2021. 551 s.
- Waltz 1979 – *Waltz K.N.* Theory of international politics. N.Y.: McGraw-Hill, 1979. 251 p.

References

- Bakke, E. (2004), “The making of Czechoslovakism in the First Czechoslovak Republic”, in Wessel, M., ed., *Loyalitäten in der Tschechoslowakischen Republik, 1918–1938: Politische, nationale und kulturelle Zugehörigkeiten*, R. Oldenbourg, München, Germany, SS. 23–44.
- Benedejčič, A. (2021), *Rusija in slovanstvo: med velikodržavnostjo in vzajemnostjo*, Ljubljana, Slovenia.
- Dostal', M.Yu. (2000), “ ‘New Slavic Movement’ in the USSR and the All-Slavic Committee during the Great Patriotic War”, in *Slavyanskiĭ al'manakh – 1999* [Slavic Almanac – 1999], Indrik, Moscow, Russia, pp. 175–188.
- Freidzon, V.I. (1979), “Representations and ideas of the Slavic community in the 1st half of the 19th century”, *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 61–78.
- Islamov, T.M. (1996), “Study of new history of Central European countries at the Institute of Slavic and Balkan studies of the Russian Academy of Sciences”, *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 19–39.
- Pavlenko, O.V. (1998), “Panslavism”, *Slavyanovedenie*, no. 6, pp. 43–60.

- Pavlenko, O.V. (2023), *Panslavizm: real'nyi i voobrazhaemyi, 1830–1860-e gg.* [Panslavism. Real and Imaginary. 1830–1860], RGGU, Moscow, Russia.
- Romanenko, S.A. (1998), “Yugoslavism”, *Slavyanovedenie*, no. 5, pp. 10–17.
- Romanenko, S.A. (2002), *Yugoslaviya, Rossiya i “slavyanskaya ideya”: vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.* [Yugoslavia, Russia and the “Slavic Idea”], Moscow, Russia.
- Volkov, V.K. (2005), “The Slavic idea and Russian national self-consciousness”, in *Mezhr regional'naya konferentsiya slavistov. Rossiiskoe slavyanovedenie v nachale XXI veka: zadachi i perspektivy razvitiya: Materialy Vserossiiskogo soveshchaniya slavistov (23–24 oktyabrya 2003 g.)* [The Interregional Conference of Slavists. Russian Slavic Studies in the Beginning of the 21st century: Tasks and prospects of development: Proceedings of the All-Russian Meeting of Slavists (23–24 Oct. 2003)], Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Waltz, K.N. (1979), *Theory of international politics*, McGraw-Hill, New York, USA.
- Zaitsev, A.V. (2020), “The American Slav Congress: One of the USSR's allies in the struggle for peace during the Cold War (1946–1951)”, *The New Historical Bulletin*, vol. 65, no. 3, pp. 98–110.
- Zaitsev, A.V. (2021), “The Soviet-Yugoslav Conflict and its consequences for organizations of Slavic emigrants (1948–1956)”, *The New Historical Bulletin*, vol. 69, no. 3, pp. 26–43.
- Zaitsev, A.V. (2022), *Slavyanskoe dvizhenie vo vneshnei politike SSSR i stran Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy v 1941–1953 gg.* [The Slavic Movement in the foreign policy of the USSR and the countries of Central and South-Eastern Europe in 1941–1953], Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Роман А. Клочков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ketridze@mail.ru

Information about the author

Roman A. Klochkov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ketridze@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 6
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 17.01.2025
Выход в свет 24.01.2025
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 13,5
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2100

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru